

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «Учебный центр “Информатика”»

**СОВРЕМЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции
(28 октября 2013 г.)

В 5 томах

**Том 5. Философия и культурология; социология и
социальная работа; психология**

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

С 56

Научные редакторы – К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур

Современное социально-гуманитарное знание в
С 56 России и за рубежом: материалы третьей междунар.
науч.-практ. конф. (28 октября 2013 г.) : в 5 т. – Т.5:
Философия и культурология; социология и
социальная работа; психология / науч. ред.
К.В.Патырбаева, Е.Ю.Мазур; Перм. гос. нац. иссл. ун-
т. – Пермь, 2013. – 252 с.

ISBN 978-5-7944-2230-6 (Т. 5)

ISBN 978-5-7944-2224-5

В сборнике публикуются материалы третьей международной научно-практической конференции (28 октября 2013 г.) «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, юриспруденции и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению организационного комитета конференции

ISBN 978-5-7944-2230-6 (Т. 5)

ISBN 978-5-7944-2224-5

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013

РАЗДЕЛ 12. ПСИХОЛОГИЯ

Кадиров Н.Н.

Старший преподаватель кафедры физического воспитания,
спорта и туризма

Башкирского государственного аграрного университета
г. Уфа, Россия

Ахмадуллина Э.Т.

К.биологических н., доцент кафедры физического воспитания,
спорта и туризма

Башкирского государственного аграрного университета
г. Уфа, Россия

Спортивная психология в формировании личности спортсмена-гиревика

*«Умственное и физическое образование тесно
связаны между собой и составляют нераздельную
задачу:*

*- всякое одностороннее развитие разрушает
гармонию в образовании и не создает условий для
развития цельного человека»*

П.Ф. Лесгафт

Ключевые слова – психология спорта, аспекты психологии, специализированные восприятия, специфика, психологическая наука, специфика спорта, социальная обусловленность личности в спорте, хаотичность в мышлении, стрессовая ситуация, звездная болезнь, Н.Т.П. (научно-технический прогресс), глобализация спорта, мировой кризис, социальная болезнь общества, нравственные устои общества.

В данной статье рассматриваются закономерности проявления, развития и формирования психики человека в специфических условиях физического воспитания и спорта под влиянием учебной, учебно-тренировочной и соревновательной деятельности. Эта область называется психологической наукой.

Психология спорта исследует закономерности психической деятельности отдельных людей и коллективов в условиях тренировок и соревнований. Каждый вид спорта имеет свойственный только данному виду спорта психологический отпечаток.

Особое место в психологии спорта занимает решение проблем, существующих в соревновательной деятельности у спортсменов. Она призвана раскрывать закономерности психологической деятельности у спортсменов и тренеров в конкретных специфических условиях тренировок и соревнований, при помощи специальных психологических методов и средств сделать процесс подготовки и

участия спортсменов в спортивной борьбе оптимальным и продуктивным [1].

Психология спорта – это наука о человеке в сфере спорта. Кроме понятия психология существует понятие физического воспитания. Основная задача психологии физического воспитания – помочь рациональному решению практических вопросов общеоздоровительного, образовательного и воспитательного характера на основе анализа психологических сторон деятельности в физическом воспитании.

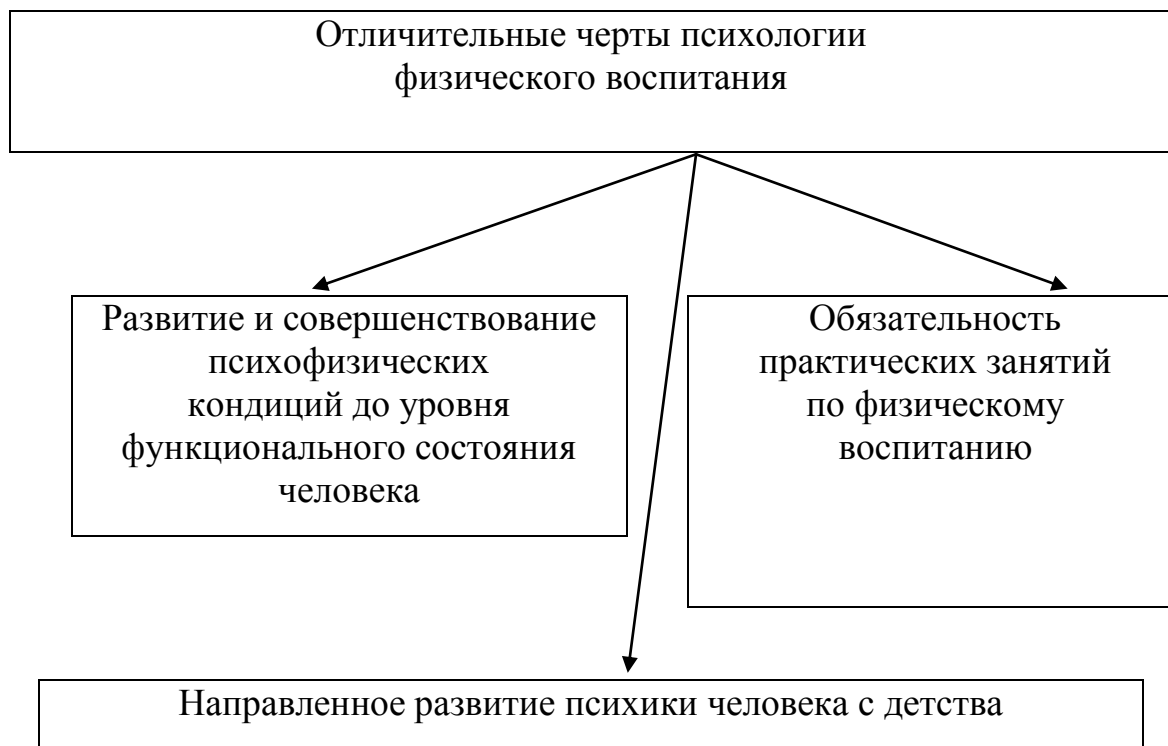
Целью занятий спортом является достижения наивысших результатов в спортивной деятельности.

Спортивная деятельность не обязательна для каждого человека. Она обладает сознанием и системой социальных качеств, выполняет определенные функции в обществе.

Спортивная деятельность весьма специфична – она существенно отличается от других видов деятельности:

- целями;
- способами их достижения;
- возможностью спортсмена.

В область спортивной деятельности входят – подготовка к соревнованиям (тренировки) и участие в них, общение внутри спортивных команд или групп и управление ими требует специальных знаний и умений.

В спорте, большое значение имеет индивидуальность. Достижение успеха возможно лишь при правильном учете индивидуальных особенностей личности спортсмена и при формировании на этой основе специфического технико-тактического стиля его деятельности. Лишь зная индивидуальные особенности спортсмена, можно наиболее полно развить и эффективно использовать его возможности [1].

Личность обладает определенной целостностью, которая обеспечивается интегрирующей функцией эмоцией, мотивов и воли. Эмоции и мотивы побуждают спортсмена к проявлению особых черт характера, а воля (через волевые упражнения) осуществляет реализацию деятельности с помощью этих черт характера.

В стрессовых ситуациях проявляется установка спортсмена на достижение успеха или избежание результата неудачи.

Спортсмены, у которых преобладает установка на достижение успеха, часто рискуют в острой ситуации спортивной борьбы потерять чувство осторожности.

Спортсмены, у которых преобладает установка на избежание неудач, более осмотрительны, ставят перед собой посильные цели, реже рискуют. В то же время, осторожность может сыграть плохую роль, как и установка на риск.

Значит – тренер и спортсмен должны найти оптимальный вариант решения.

Спорт по сути и содержанию, хорошее средство для воспитания личностных качеств. Для того, чтобы выполняемые спортсменом действия в процессе тренировки стали устойчивыми, надежными, они должны сформироваться в систему навыков, благодаря которым в экстренных условиях соревнований спортсмен проявляет бойцовский характер и способен совершать поступки без длительного размышления и колебаний.

Чем более гармонично соединены все существенные свойства, составляющие личность, тем она более устойчива, уравновешенна и способна противостоять влияниям, пытающимся нарушить ее целостность /Психиатр С.С. Корсаков/.

Благополучие в психическом здоровье личности может быть нарушено доминированием негативных черт характера, дефектами в нравственной сфере, неправильным выбором жизненной ориентации.

От степени психического равновесия, его выраженности зависит уравновешенность человека с объективными условиями, его приспособленности к ним. Сама по себе уравновешенность не

выступает как застывшее в своем роде, проявление равновесия, а развивается в поступательном движении.

В сфере психических состояний к критериям психического здоровья относят эмоциональную устойчивость (самообладание), зрелость, чувств соответствующих возрасту, совпадение с негативными эмоциями (страх, гнев, жадность, зависть и т.д.), свободное, естественное проявление чувств и эмоций, способность радоваться, сохранность привычного (оптимального) самочувствия.

Вследствие долгих тренировок у спортсмена подсознательно формируются чувства, повторяющие его состояние в тот или иной момент тренировки специализированные восприятия. Это связано с конкретным видом спорта. В спортивной практике эти специализированные восприятия называются «чувствами».

В психологии спорта выделяют общие признаки, характерные для всех специализированных восприятий:

1. Специализация различной функции одного или совокупности анализаторов.
2. Обусловленность восприятия особенностями среды, в которой действует спортсмен, или особенностями предметов (гири), с которыми выполняются двигательные действия (толчок, рывок, длинный цикл).
3. Обусловленность нравственным расположением противников и партнеров.
4. Лабильность (неустойчивость), требующая постоянных тренировок.
5. Высокий уровень развития чувства, появляющийся в результате высокого уровня тренированности.

Специализированные восприятия многочисленны и недостаточно изучены, поэтому назовем некоторые «чувства».

«Чувство железа» сложное восприятие металла – свойственно гиревикам, которые называют его - «чувство опоры». Основой этого чувства служит взаимосвязь функции двух анализаторов:

- двигательного (ощущение направленного движения к амплитуде усилий при выполнении упражнений в гиревом спорте);
- мышечного (рецепторного ощущения мышцами металла (гири) при соприкосновении).

С повышением уровня мировых спортивных достижений возрастает влияние психологических факторов на успешность спортивной борьбы, что порождает потребность изучения конкретных закономерностей общения и межличностного взаимовлияния в спорте.

Тренеров и руководителей команд необходимо постоянно знакомить с достижениями в этой области [2].

Умение тренера-педагога, спортивного воспитателя, разбираться в вопросах психологии общения, позволяет вскрыть дополнительные морально-психологические резервы спортивного роста, помогает

избежать конфликтов и быстрее сформировать сплоченный, спортивный коллектив.

Особая сложность деятельности педагога-тренера заключается в умении вскрывать и преодолевать противоречия процесса, ибо личность в сфере спорта постоянно испытывает на себе массу противоречий:

- физическая нагрузка и усталость;
- радость и отдых;
- страх поиска и преодоления неизвестного;
- необходимость к показу максимального результата и случайность срыва;
- противоречия между желанием и возможностью;
- противоречия между спортсменом и тренером.

Спорт укрепляет морально-волевые качества и духовные силы человека, но при некоторых ситуациях создает предпосылки для психологических травм и срывов.

Спорт формирует благородство, чувство долга, товарищества, но и может поразить спортсмена корыстью, иждивенчеством, вседозволенностью, «звездной болезнью».

Мир не стоит на месте. В условиях научно-технического прогресса с одной стороны, глобального потепления земной атмосферы, социальных болезней общества (наркотики, пьянства, курение), с другой, происходит деградация индивида (личности), значит, нравственные устои общества разрушаются не в пользу человечества [3].

Таким образом, психологические аспекты в функциональной культуре и спорте очень важны.

При должном изучении состояния как физического, так и морального состояния спортсмена, можно добиться максимального результата без вреда психике.

Особенно это важно в условиях нынешней социальной обстановки, политической, экономической, т.к. все это взаимосвязано и создает стрессовые ситуации, профилактику которых можно добиться, используя спортивно-игровые занятия.

Обращаем внимание на то, что от тренера зависит многое в формировании спортсмена как гармоничной личности для общества. Если тренер должным образом тренирует спортсмена не только физически, но и морально готовит его к соревнованиям, то это определено, залог успеха, а значит – общественный долг выполнен.

Но, все это, имеет положительный момент только тогда, когда мы имеем полную юридическую, финансовую, моральную поддержку со стороны государства.

Литература

1. Гогунев Е.Н., Марьянов Б.И. Психология ФВ и С. Москва. Издательство «Академия». 2000 г. 240 с.
2. Железняк Ю.Д., Петров П.К. «Основы научно-методической деятельности в ФК и С» Москва. Издательство «Академия». 2008 г. 266 с.
3. Мойкин Ю.В., Киколов А.И., Тихоревский В.И., Милков Л.Е. Психофизические основы профилактики перенапряжения. Москва. Медицина. 1987г. 360 с.

Богданова Е.А.

Педагог-психолог

*МКОУ «Понинский детский дом-школа»
Удмуртия, Глазовский район, село Понино*

Проект «Жить в мире с собой и с другими» по формированию толерантного поведения подростков

Современный культурный человек – это не только человек образованный, но и обладающий чувством самоуважения и уважаемый окружающими. Важно формировать у подрастающего поколения умение строить взаимоотношения в процессе взаимодействия с окружающими на основе сотрудничества и взаимопонимания.

Перед нами встает задача – создать условия для развития индивидуальных способностей детей, формирования у детей основ уважительного отношения к правам окружающих и приобщать к общечеловеческим ценностям.

Толерантность – это добродетель: искусство жить в мире разных людей, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других людей. В то же время, толерантность – это не уступка, снисхождение, а активная жизненная позиция на основе признания другого.

Таким образом, проблему толерантности можно отнести к воспитательной проблеме. Проблема культуры общения – одна из самых острых в школе, да и в обществе в целом. Прекрасно понимая, что мы все разные и что надо воспринимать другого человека таким, какой он есть, мы не всегда ведем себя корректно и адекватно. Важно быть терпимым по отношению друг к другу, что очень не просто.

На мой взгляд, формирование таких качеств, как признание человеком другого, принятие, понимание облегчило бы решение проблемы воспитания толерантности.

Формирование у детей толерантного поведения необходимо начинать со школьной скамьи, учитывая возрастные особенности детей,

создавая необходимые условия для воспитания подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости и толерантности.

Подростковый возраст – важнейший период в психосоциальном развитии человека. Подросток – уже не ребенок, но еще и не взрослый. Он активно включается во взрослую жизнь, осваивает различные социальные роли. Его жизненная ориентация зависит от того, как он будет относиться к миру в целом, к себе и другим в этом мире.

Ценностная значимость толерантности:

- уважение к разнообразию различных мировых культур.
- устойчивость гармонии между различными этническими группами, религиями.
- правильное понимание самовыражения и проявления человеческой индивидуальности.

Принципы осуществления деятельности по развитию толерантных качеств личности школьника.

- комплексный подход к формированию системы мероприятий, их взаимодействие;
- последовательность проведения мероприятий, обеспечивающую устойчивость создаваемых структур;
- использование конкретных наборов методических приемов на различных ступенях образования.

Цель:

1. Укоренение в школе духа толерантности, формирование отношения к ней как к важнейшей ценности общества.

Задачи:

1. Развитие у школьников черт толерантной личности с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых восприятию других культур, способных ценить свободу, уважать человеческое достоинство и индивидуальность.
2. Развитие способностей понимать важнейшие принципы толерантности и применять их в повседневной жизни.
3. Развитие способностей предупреждать конфликты и разрешать их ненасильственным путем.
4. Внедрять новые методики, формы и приемы работы по развитию толерантности в образовательном процессе.

Принципы толерантности:

- Разнообразие людей украшает и обогащает жизнь;
- Конфликт – это нормальный процесс, который надо уметь решать конструктивно;
- Социальная ответственность и способность каждого осмысленно применять моральные нормы при принятии решений.

Предполагаемый результат реализации деятельности по формированию основ толерантного поведения учащихся:

1. Укоренение в детском доме духа толерантности.
2. Снижение агрессивности и конфликтности среди учащихся и классного коллектива.
3. Развитие у школьников черт толерантной личности способной понимать и применять важнейшие принципы толерантности в повседневной жизни.
4. Умение предупредить конфликты или разрешить их ненасильственным путем.

Термины (понятия) необходимые для усвоения учащимися в ходе воспитательной деятельности.

1. Понятие «толерантность».
2. Черты толерантной личности.
3. Толерантность в отношениях в детском доме.
4. Понятие насилия.
5. Культура мира.

Основные этапы и цели этапов работы по формированию основ толерантного поведения.

1-й этап – ориентационный (сентябрь)

Цель – ознакомление с основными задачами коллектива педагогов по созданию положительного настроения в коллективе (на основе результатов анкетирования).

Форма реализации – педсовет для учителей, заседание методических объединений учителей и воспитателей.

2-й этап – информационный (октябрь)

Цель – уяснение, как решить задачи, поставленные педсоветом по реализации задач воспитания толерантности в детском доме-школе.

Форма реализации – создание творческой группы учителей по данной проблеме и индивидуальная работа с ними, консультирование учащихся, анкетирование.

3-й этап – реализация (ноябрь – апрель)

Цель – практический переход к осуществлению деятельности по формированию толерантности.

Форма реализации – уроки, классные часы, общешкольные конкурсы и праздники с участием детей и взрослых при поддержке общественных организаций.

4-й этап – заключительный, творческий (май – июнь)

Цель – подведение итогов и планирование работы на следующий период реализации программы.

Форма реализации – анализ результативности работы.

Формирование основ толерантного поведения у подростков осуществляется в соответствии с перспективным планом на год. Направления деятельности по формированию основ толерантного поведения:

1. Художественно – эстетическое

- Взаимодействие с центром национальных культур, Домом дружбы, краеведческим музеем (парад национальностей: костюмы, обычаи, традиции).
- Выставка детского творчества (конкурс рисунков, плакатов, стихов, сочинений и т.д.).

2. Социально – педагогическое

- Индивидуальная работа с учащимися.
- Акции милосердия, акция забота.
- Сотрудничество с библиотеками.

3. Физкультурно – оздоровительное

- Участие в спортивных мероприятиях.
- Проведение общешкольного туристического слета.

4. Научно – исследовательское

- Проектная деятельность.
- Занятия психолога для учащихся и педагогов (индивидуальные и групповые) по проблеме «Школьные конфликты».
- Анкетирование.

5. Гражданско – правовое

- «Круглый стол».
- Тематические классные часы.
- Работа школьного музея имени Курченко Н.В.

Проведение тематических недель для учащихся.

Сентябрь – неделя «Я – любознательный человек»

Октябрь – неделя «Я – свободный человек»

Ноябрь – месяц толерантности и борьбы с вредными привычками
«Я ответственный человек»

Декабрь – неделя «Я – культурный человек»

Январь – неделя «Я – чуткий человек»

Февраль – неделя «Я – гордый человек»

Март – неделя «Я – веселый человек»

Апрель – неделя «Я – добрый человек»

Май – неделя «Я – внимательный человек»

Социально значимые даты календаря:

16 ноября – День толерантности;

27 января – Международный день Холокоста;

8 февраля – День памяти жертв концлагерей;

1 июня – День защиты детей.

Механизмы реализации проекта.

1. Организационно-правовое обеспечение.

- реклама проекта
- формирование групп (учащихся и педагогов)
- разработка документации (планы, положения по конкурсам)
- подготовка методического материала.

2. Временные ресурсы.

Проект рассчитан на один год, с привлечением заинтересованных и желающих участвовать в формировании толерантного поведения у подростков.

Путь к толерантности – это серьезный эмоциональный, интеллектуальный труд и психическое напряжение, оно возможно только на основе изменения самого себя, своих стереотипов, своего сознания.

Можно предложить следующие мероприятия, направленные на воспитание толерантного поведения:

1 – 4 классы: воспитание эмпатии, сочувствия, сопереживания, знакомство детей с принципом уважения человеческого достоинства всех без исключения людей; понимание того, что каждый человек – уникальная личность, и уважение различий между людьми.

5 – 9 классы: обучение учащихся пониманию друг друга, умению признавать точку зрения другого, умению выходить из конфликтной ситуации, прививать интерес к другим народам, нациям; проведение работы по сохранению традиций детского дома-школы.

Занятия строятся таким образом, что каждый ученик «проживает» различные ситуации, определяет свои способности к лидерству, к поддержке, к творчеству, к признанию успехов другого, к умению отстаивать свою позицию, а также понимать и принимать другого. Так, каждый узнает себя как партнера по общению, открывает в себе самые разнообразные стороны личности: те которые помогают установить контакт и те, которые мешают.

В старших классах можно предложить следующие методики воспитания толерантности:

1. Слово педагога о толерантности.

- Игра «Ассоциации» (терпимость, терпение).
- Обсуждение ассоциативных понятий: сходство и различия.

2. Способы воспитания терпимости (толерантности); развитие восприимчивости ко всему новому, необычному.

- Воспитание способности видеть «другого».
- Игра «Смотрящий и видящий».
- Обсуждение поведенческих характеристик, этических умений видеть «другого».

- Игра «Почта комплиментов».
  - Упражнение «Дружеский шарж».
3. Воспитание способности слышать «другого».
    - Упражнение «Поза и интонация».
    - Упражнение «Заговори, чтобы я увидел».
  4. Воспитание способности принимать «другого».
    - Упражнение «А не странен ли кто?»
    - Рефлексия
  5. Тренинг. Повышение культуры толерантности и эмпатии.

Предложения, сформулированные по воспитанию толерантного поведения у подростков, вполне применимы в воспитательном процессе. Диагностику сформированности толерантности можно проводить путем психолого-педагогического мониторинга школьной тревожности, дезадаптивности, повышенной агрессивности (методика Айзенка, Басса-Дарки).

Литература

1. Асмолов. А. историческая культура и педагогика толерантности // Мемориал. 2001, № 24.
2. Семина Л.И. Учимся диалогу. Толерантность: объединения и усилия. // Семья и школа. 2001, № 11-12.
3. Степанов П. как воспитать толерантность? // Народное образование. 2001, № 9.
4. Родионов В.П., Ступницкая М.А. Я и другие. Тренинг социальных навыков. Ярославль. 2001.
5. Риэрдон Бетти Э. Толерантность – дорога к миру. Москва. 2001.
6. Об организации работы по реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе». Приказ Министерства образования 01.10.01. № 3250 // Вестник образования 2001, № 20.

Габрелян Э.Ю.

*студентка 5 курса специальности «Клиническая психология»
Северо-Кавказского федерального университета
г. Ставрополь, Россия*

Толстова А.А.

*студентка 4 курса специальности «Клиническая психология»
Северо-Кавказского федерального университета
г. Ставрополь, Россия*

Особенности структурирования внутреннего опыта у больных наркоманией

В последние годы в нашей стране важнейшей медицинской, социальной и психологической проблемой стало употребление наркотиков. Распространение употребления наркотиков уподобляют эпидемии[3, с. 208]. По данным социологических исследований в стране около 2-х миллионов граждан регулярно употребляющих наркотики, почти 4 миллиона человек пробовали их. Преобладающее число потребителей приходится на молодёжь в возрасте от 14 до 30 лет.

Употребление наркотических веществ рассматривается как кофактор СПИДа. Лица, применяющие наркотики внутривенно, составляют 25% больных СПИДом, по другим данным, внутривенно вводят наркотики 55% больных СПИДом. Внутривенный способ введения также способствует распространению вирусного гепатита.

Резкий рост численности наркоманов в нашей стране в последнее время и то, что лица, употребляющие наркотики, благодаря своему образу жизни, являются группой высокого риска заболевания и распространения СПИДа, делает особенно актуальной необходимость изучения их психологических особенностей. Это важно как для разработки действенных методов медицинской, социальной и психологической работы с лицами, употребляющими наркотики, так и для выявления в популяции людей, обладающих повышенным риском начать их употреблять, что имеет большое значение в свете профилактики СПИДа[1, с.234].

Злоупотребление токсическими веществами ведёт к формированию тяжёлых заболеваний таких, как токсикомания и наркомания.

Наркомания определяется как заболевание, возникающее в результате немедицинского употребления наркотических веществ. Среди характерных черты наркомании выделяют такие, как непреодолимое влечение к приёму наркотиков, тенденцию к повышению количества принимаемого вещества, психическую (психологическую), а иногда и физическую (физиологическую)

зависимость от наркотиков, с развитием абстиненции при прекращении их приёма. Наиболее распространёнными из наркотических средств, которые употребляют наркоманы, являются опиные препараты[2, с.28].

Наркомания приводит к глубоким изменениям личности и другим расстройствам психики, а также к нарушениям функций внутренних органов.

По мнению многих авторов, полное излечение от наркомании считается невозможным, а эффективным результатом лечения считается достижение стойкой ремиссии. Больные после курса медикаментозного лечения нуждаются в серьёзной психологической и социальной реабилитации. Хотя и отмечается заметное расширение отечественных исследований в области наркомании, однако большинство их направлено на изучение биологических основ (Г.В. Морозов, А.А. Боголепов, 1983; М.П. Анохина, 1984); изучение клиники, патогенеза и эпидемиологических аспектов (И.И. Пятницкая, 1975; Б.И. Исмаилов, 1980; К.Е. Воронин, 1987); анализ последствий различных форм наркомании (А.И. Описов, 1982; А.Г. Врублевский и др. – 1988 г.).

Результаты исследования показали, что структура и состав словаря субъективного телесного и эмоционального опыта (индивидуального интрацептивного словаря) могут быть использованы как формализованные характеристики структурирования внутреннего опыта, что существуют различия в структуре словаря телесного и эмоционального опыта. Для больных наркоманией является диффузность и недифференцированность интрацептивного словаря и что в качестве одного из критериев этой диффузности и недифференцированности может выступать его объем.

В ходе исследования нами были установлены следующие статистически достоверные психологические особенности больных наркоманией, говорящие о нарушении структурирования внутреннего опыта:

1. Диффузность-недифференцированность словаря телесного и эмоционального опыта.
2. Крайне выраженная полезависимость, вплоть до полной неспособности преодоления контекста и выделения части из целого. Неустойчивость границ Я.

Следует отметить, что больные наркоманией не просто отличались от здоровых испытуемых по времени поиска фигур в тесте "Спрятанные фигуры", а очень часто вообще были неспособны к их отысканию. При этом испытуемые нормально усваивали инструкцию, были способны к решению интеллектуальных тестов с результатами, соответствующими возрастной норме, что делает возможное

предположение о влиянии лечения с помощью химиотерапии на результаты исследований маловероятной.

Результаты экспериментальных исследований больных наркоманией и клинических бесед с ними позволяет сделать предположение о диффузности и неустойчивости самосознания этих больных. Исходя из этого предположения, можно утверждать, что психотерапевтическая работа с этой группой больных требует особой организации, так как диффузность и неустойчивость самосознания (особенно телесного самосознания), склонность к рискованному поведению в социальной сфере, подверженность влияниям не благоприятной социальной среды делает неэффективными способы профилактики наркомании, основанные на идее просвещения. Вероятно, психотерапевтическая работа с больными наркоманией должна решать проблемы перестройки и развития самосознания и более дифференцированного структурирования телесного опыта, а также ориентировать больных на деятельность, в которой они смогут реализовать тенденции к “рискованному поведению” социально приемлемыми способами.

Результаты работы позволяют провести анализ возможных предикторов риска наркомании. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сделать предположение о том, что возможными предикторами наркомании могут быть: дефицитарность структурирования внутреннего опыта, обусловленная инструментальной слабостью системы квалификации сходства, различия и порогов интрацептивного восприятия, высокий уровень полезависимости (обуславливающий высокую подверженность влиянию окружающей социальной среды), психопатические черты личности и наличие психических заболеваний (что часто приводит к социальной дезадаптации индивида и увеличивает вероятность его попадания в социально неблагоприятную среду), повышенные тенденции к поиску нового опыта и социальная расторможенность, выражающаяся в стремлении разнообразить свою социальную жизнь, нарушая социальные запреты.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
2. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика и систематика. М., 1933.
3. Пятницкая И.Н. Наркомании: Руководство для врачей. М., 1994.

Давыдова И.С.
Педагог-психолог ГБОУ СОШ №199
г. Москва, Россия
Полонская Г.М.
Учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ №199
г. Москва, Россия

Литературно-психологический клуб «уЛИТка в КАйФЕ»

К сожалению, реалии нашего времени таковы, что школьники мало читают, затрудняются в выражении мыслей, переходят к системе «вырезать-вставить» и «я знаю, где найти про это». Вместо своего опыта и мнения происходит присвоение готовых интерпретаций.

Изменить подобное отношение к произведениям и включить ребенка в диалог с автором возможно только через личностное обучение.

Актуальная задача современного общества – социализация учащихся, помощь формирующейся личности в непростом процессе адаптации к социокультурной среде. Естественно, этот процесс идет в системе взаимодействия школы и семьи, учителя и ученика, в системе организованного общения учащихся разного возраста и разных способностей и интересов, которые раньше мы называли обучением «физиков и лириков». Отсюда неизбежно мы приходим к необходимости выработки методик дифференцированного обучения на уроках литературы, созданию неких внеурочных, внеклассных, внепрограммных «структур», помогающих в решении поставленных нами задач. Здесь мы имеем в виду игровую познавательную деятельность, вовлечение школьников в разного рода клубы, в конкурсы и соревнования разных уровней, в творческую деятельность, реализуемую, в частности, в системе школьной печати.

Если считать, что высшей степенью существования и развития речи является речь поэтическая, то возвращение интереса к чтению и формирование способности понимать и чувствовать речь поэтическую – одна из важнейших и в то же время трудно реализуемых задач преподавателя гуманитарного цикла.

В ЕГЭ по литературе анализ поэтического текста сведён к набору литературоведческих терминов. То есть предлагается такой анализ, при котором само стихотворение перестаёт существовать как некое целое, объединяющее чувства поэта и читателя.

Однако проблема развития чтения и понимания поэтического текста, нешаблонной яркой правильной речи учащихся не единственная из тех, что решаются в работе литературно-психологического клуба «Улитка». На наш взгляд сейчас довольно

остро стоит проблема подросткового досуга и общения. У ребенка не очень много альтернатив проведению времени за компьютером или на улице. При этом отмечается снижение ответственности, развитие социальной беспомощности, неумение и нежелание делать выбор. Очень малый процент подростков умеет общаться (именно общаться, а не тусоваться). Не так много групп, в которые бы подросток стремился попасть и на чьи ценности он ориентируется. Еще меньше подобных общностей, куда может попасть взрослый, а тем более учитель. Примером такой, в общем-то, не вполне естественно зародившейся общности, и выступает «Улитка».

Наша цель – создание детско-взрослой общности, комфортной среды, в которой возможно обсуждение литературных произведений, их чтение.

Задачи клуба:

- повышение интереса к школьным предметам
- формирование личностного отношения к «программным» и «непрограммным» произведениям
- развитие любви к чтению
- стремление привлечь в процесс обучения других ребят, пригласить их
- повышение познавательной активности
- профориентация в области профессий издательского цикла
- рост уровня социализации, воспитанности обучающихся
- повышение качества внеурочной деятельности учителя
- развитие коммуникативной компетентности, умения работать в команде, внимания и заботы о коллегах.

В поисках действенных путей совершенствования школьного литературного образования необходимо искать методы и принципы как лично ориентированного обучения, так и методов адаптации обучаемых к социокультурной среде.

Действенный процесс обучения литературе может происходить только при соблюдении нескольких условий:

- 1) Расчет на многолетнее, постоянно усложняющееся и расширяющееся «поле воздействия» педагога и учащихся;
- 2) Расчет на сочетание усилий педагога и классного руководителя или тьютора;
- 3) Расчет на хорошо налаженное взаимодействие всей гуманитарной кафедры педагогов (русский язык, литература, история, МХК, иностранный язык, школьный психолог, библиотекарь);
- 4) Организация внеурочных занятий разного типа: литературный клуб, факультатив, работа школьной прессы, работа по широкой рекламе внеклассного чтения.

Классические названия типа «Вечер поэзии», «Литературное кафе», «Литературная гостиная» кажутся детям пресными и неинтригующими. Так появилась «Улитка в кайфе» (уЛИТка в КАЙФЕ).

Мы обратили внимание на одну из идей И. Бродского, который предлагал издавать маленькие дешёвые книжки (поэтические сборники) и выдавать их в супермаркетах в качестве сдачи. Супермаркет мы заменили литературным кафе. Маленькие книжечки стали издавать сами...

Народная мудрость гласит: путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Путь к детскому сердцу идёт по тому же маршруту. Помножив это на традицию редакционного чая и наследия «Привала комедиантов», мы получили настоящее кафе с чаем, кофе и сладостями.

Не следует думать, что школьники восприняли стихи так же легко, как булочки и кофе. Путь к разговору о стихах, выразительному чтению понравившихся стихотворений, чтению собственных стихотворений и готовности воспринимать критику оказался очень долгим. Одним из примеров ухищрений, на которые мы шли, можно считать структуру первого сборника. Вкусы руководителей были представлены в первой половине книги, а вторая представляла собой тексты популярных среди молодёжи песен (русский рок).

У каждого сообщества, как мы думаем, должны быть некие ритуалы, атрибуты, символические детали. Красная скатерть и общая тетрадь для отзывов пришли к нам из «Привала комедиантов» и «Бродячей собаки». Подсвечник-арапчонок напоминал о кабинете А. С. Пушкина. Кукольный Пьеро – прародитель и символ всего нашего редакционного сообщества. И, наконец, улитка в галстук (который тоже в улитках).

Ничто не обладает такой способностью уничтожать поэзию и убивать радость, как окрики, призывающие к дисциплине. Проблема была решена простым образом: «Всё дело в шляпе!» Кто в шляпе – тот главный, кто в шляпе – тот говорит, кто в шляпе – тот читает стихи.

Немалую роль в психологической стабилизации сообщества и создания определённой атмосферы играет «Тайный друг» (вариант японского «тамагочи»). Общая задумка проста – от «Улитки» до «Улитки» каждый участник делает счастливым своего подопечного (причем так, чтобы «объект» не догадался, кто его «хозяин»). Проблема жеребьевки решается опять же с помощью шляпы – каждый пишет свое имя и кидает бумажку в шляпу, затем каждый участник вытаскивает себе «тамагочи». На следующей «Улитке» все участники обмениваются впечатлениями. Поскольку участники «Улитки» разного возраста и учатся в разных классах, мы решили немножко

упростить жизнь «хозяевам» – в кабинете психолога появился специальный ящик – почта, где можно оставить сюрприз для своих подопечных.

Школьный литературно-психологический клуб «Улитка» объединяет основное и дополнительное образование через деятельность школьной редакции. Сама организация «Улитки» предполагает высокую вовлеченность ребят в процесс подготовки каждого из заседаний, начиная от выбора темы и подготовки сборника до превращения кабинета литературы в кафе и сервировки столов. Пожалуй, нужно отметить, что несколько лет назад один из авторов статьи участвовал в студенческом конкурсе проектных работ по психологии, где победил с проектом «Психологический клуб». Основные идеи этой работы нашли отражение в деятельности «Улитки». Главным в подобной работе с подростками является создание безопасного пространства (как физического, так и медиа- и психологического пространства), где ребята могут обмениваться идеями, книгами, фильмами, новостями. Неравнодушное со-бытие в клубе обеспечивается совместной деятельностью, общими целями. Очень важно чем-то заинтересовать ребят, вовлечь в такое дело, чтобы сама подготовка и участие вызвали любопытство, радость, удивление. В нашем случае это обеспечивается слиянием литературы, клубной культуры, психологической игры, эстетики кафе при неравнодушном участии взрослых и почти взрослых (выпускников). Такая форма имеет высокий потенциал для социализации ребят (несколько выпускников связали свою судьбу с издательской и журналистской деятельностью; результаты мониторинга воспитанности участников кафе показывают улучшение отношения к себе и окружающим, повышение уровня воспитанности). Материалы, воспринятые на «Улитке», становятся основой выступлений, рефератов, школьных сочинений, положительно сказываясь и на основной деятельности ребят – учебе.

Современная ситуация такова, что более востребованным становится "скрытое образование" (В. И. Слободчиков), которое является своего рода вторичным продуктом образовательного процесса. По мнению Б. Д. Эльконина, для этого «скрытого образования» надо строить и заранее задавать "ситуации включения", то есть такие, что включают оценку ситуации, проектирование действий и отношений, которые требуют тех или иных решений.

Таких ситуаций «скрытого обучения» полна деятельность литературно-психологического клуба «Улитка в кайфе». Заседания проходят по следующему примерному сценарию:

- 1) Превращение кабинета, волнение, суэта, подготовка, сбор гостей, рассаживание, заваривание чая
- 2) Приветственное слово, ввод в тему

- 3) Оглашение правил и традиций:
- шляпа (говорит лишь тот, у кого шляпа)
  - сборники (к каждой «Улитке» мы выпускаем сборник, вы можете их найти на столах)
  - книга отзывов (пришедший оставляет отзыв в тетради, что лежит на красной скатерти)
  - «Тайный друг»¹ (психологическая игра, в которой может принять участие любой пришедший)
  - активное (по возможности) участие – каждый пришедший что-то делает (хотя бы 1 строчку для буриме или чтение пары строк в какой-то общей постановке) – правило негласное, за его выполнение отвечают «улиточники со стажем»
- 4) знакомство
- 5) обсуждение прежнего тура «Тайного друга», рефлексия
- 6) жеребьевка для «Тайного друга»
- 7) вводное слово, погружение в тему
- 8) любой желающий может попросить шляпу и прочесть стихотворение (из сборника либо любое другое, соответствующее теме), спеть что-то, сделать инсценировку
- 9) буриме или другие литературные игры
- 10) чтение стихов, посиделки
- 11) завершение, благодарность гостям
- 12) возвращение кабинету литературы его первоначального вида

Таким выглядит наш литературно-психологический клуб со стороны. Для тех, кто пришел в первый раз. Несколько иначе ситуация выглядит изнутри.

Для начала члены клуба обсуждают и выбирают тему (поэта, время года, направление), думают, кого позвать, составляют список гостей (помимо основного состава и ребят, которых привлекут объявления), определяют день и время встречи. Дальше вешаются объявления в школе и в социальных сетях. Теперь пора взяться за содержание: отбираем стихи, которые войдут в сборник; обсуждаем концепцию сборника (иллюстрации, макет, дизайн); верстаем сборник и, наконец, печатаем его. Чтобы у потенциальных участников была возможность ознакомиться с материалом заранее – выкладываем стихи или ссылки в группу.

---

¹ «Тайный друг» - простая психологическая игра (вариант японского «тамагочи»). Общая задумка проста — от «Улитки» до «Улитки» каждый участник делает счастливым своего подопечного (причем так, чтобы «объект» не догадался, кто его «хозяин»). Проблема жеребьевки решается опять же с помощью шляпы — каждый пишет свое имя и кидает бумажку в шляпу, затем каждый участник вытаскивает себе «тамагочи». На следующей «Улитке» все участники обмениваются впечатлениями. Поскольку участники «Улитки» разного возраста и учатся в разных классах, мы решили немножко упростить жизнь «хозяевам» — в кабинете психолога появился специальный ящик — почта, где своих подопечных.

Следующий пласт подготовительных работ имеет скорее хозяйственную природу. Нужно спланировать интерьер, украшение кабинета, меню; закупить все необходимое; превратить кабинет литературы в кафе, украсить кабинет, накрыть столы; обязательно включить в заседание атрибуты: красная скатерть на отдельном столе, а на ней – тетрадь для отзывов, керамическая улитка с шелковым галстуком, шляпа, свечи.

При этом каждый участник выбирает стихи, многие готовят выступления, иногда заранее обговаривают антураж.

Таким образом, прямая образовательная цель – возвращение интереса к чтению и формирование способности понимать и чувствовать речь поэтическую и прозаическую – достигается через целый каскад «скрытого». Понятно, что для большинства ребят литературно-психологический клуб – это, прежде всего, возможность общаться, причем общаться продуктивно. При этом каждое заседание клуба – это проект, включающий как содержательную, так и хозяйственную часть. В процессе подготовки «Улитки» нужно пройти весь издательский цикл – от задумки до печати (и даже дальше – до обратной связи от читателей, держащих в руках сборники и обсуждающих тексты и иллюстрации в них). При этом ребята постоянно самостоятельно делают выбор и ищут ресурсы для того, чтобы все этапы подготовки прошли успешно (время, помощь взрослых, Интернет, друзья, книги). Мы, взрослые, достигаем свои образовательные и воспитательные цели, «скрыто» опираясь на необходимое ребятам общение. А ученики достигают свои цели (общение, примерка разных социальных ролей, включенность в группу, продуктивная деятельность, творчество, публичное выступление), «скрыто» постигая тонкости поэзии и прозы, азы издательского дела, усваивая культурное наследие. При этом «скрытность» обеих сторон недаром взята в кавычки – и взрослые и дети все понимают и радуются этому пониманию, потому что на заседаниях литературно-психологического клуба и в процессе подготовки к нему взрослые и дети общаются на равных. Здесь нет манипуляции, «Улитка» – пример честной договоренности, где стороны открыто говорят о своих потребностях. Просто, достигая своей цели, каждый участник получает дополнительные умения и навыки, а иногда и сюрпризы от «тайного друга».

Не следует думать, однако, что все дети одинаково включены в подготовку или что у каждого из участников есть четко закрепленный за ним набор обязанностей. Даже на заседании ребята выбирают формат своего участия, который может меняться со временем.

Можно обозначить следующие уровни работы с литературными текстами:

- 1) Слушание тематически подобранных стихотворений или прозаических текстов (подготовительный уровень)
- 2) Работа со сборником: чтение, рассматривание, выбор понравившегося (первый уровень)
- 3) Чтение, выразительное чтение и краткое высказывание о прочитанном, о прослушанном, подготовка ролевого чтения (второй уровень)
- 4) Участие в подборе материалов для следующих выпусков, обсуждение тематики, подбор текстов и иллюстраций (третий уровень подготовки)
- 5) Творческая работа (высокий уровень). Эти работы тоже различаются по степени сложности, степень развития творческих способностей и ученических предпочтений:
  1. Инсценировки (экспромт или домашние заготовки)
  2. Отзыв или рисунок в альбом
  3. Сочинение-анализ, сочинение-заметка в газету
  4. Рассказ, стихотворение (развитие темы)

В качестве примера, приведем отзыв в газету на «Улитку» №20, тема: «Волки. Свободное племя»:

На этот раз наша «Улитка» была посвящена волкам. Я очень рада, что смогла прийти и послушать стихи и прозу про волков, да и самой прочитать любимые отрывки.

Лично мне эта «Улитка» показалась наиболее насыщенной, так как были не только стихи и проза, но и песни про волков. Впрочем, обычно тоже все это есть, но сегодня, видимо, у меня и настроение совпало, и стихов было действительно много! Я очень рада!

Из прозы были отрывки произведений Р. Киплинга, Джека Лондона, Э. Сетон-Томпсона и других авторов. Затронули песни групп «БИ-2», «Крематорий», «Мельница». Вообще, было много песен рок- и фолк-групп. Впечатления весьма насыщенные.

В этот раз к нам пришли три новичка: Полина (9Г), Антон (6Б) и Света (поступает в медкласс). Антон был очень мил и, не смотря на то, что был самым младшим участником среди большого числа незнакомых ему людей, очень неплохо прочитал басню И.А. Крылова. Мне он очень понравился!

Я рада, что смогла выбраться на эту «Улитку». Жду следующую!

Мария Лебедева

Наш опыт вполне переносим на другие образовательные учреждения. Для этого нужно лишь влюбиться в эту идею, ознакомиться с нашими материалами, адаптировать наш опыт под специфику своего учреждения и собрать инициативную группу учащихся. Ну и конечно, получать удовольствие от подготовки и

проведения «улиточных встреч» (в нашем случае). При определенной сосредоточенности можно добиться того, что вся подготовка занимает неделю (без планирования и обсуждения самой темы).

Темы заседаний литературно-психологического клуба «Улитка» разнообразны. Из сорока с лишним встреч наибольший отклик вызвали: «Знакомый Ваш, Сергей Есенин...», «Пусть жизнь приносит людям счастье...» (А. Блок), «Рождество», «Нрава он был нелинейного...» (О. Мандельштам), «Что сказать мне о жизни?» (И. Бродский), «Все то, чего коснется человек...» (С. Я. Маршак), «Куда уходит детство?» (А. Барто, К. И. Чуковский, В. Берестов, Б. Заходер, Д. Хармс), «Человек собаке друг...», «Почитайка. Сэр Терри Пратчетт», «Кошки не похожи на людей, кошки – это кошки...», «...Мой путь стал взлетной полосой...» (В. С. Высоцкий), «Я научила женщин говорить...» (Поэтессы), «Свободное племя» (Волки), «Маски и зеркала», «Творчество Ф.Г. Лорки».

Литература

1. *Болотов В.А., Сериков В.В.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8-14.
2. *Замков Л. В.* Дидактика и жизнь. Москва, 1968.
3. *Дистерверг А.* О природосообразности и культуросообразности в обучении. <http://makarenko-museum.narod.ru/Classics/Diesterweg/>
4. *Ильин В. С.* Формирование личности школьника (целостный процесс). Москва, 1984.
5. *Сериков В. В.* Образование и личность. Москва, 1999.
6. *Эльконин Б. Д.* Понятие компетентности с позиций развивающего обучения // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию. Красноярск, 2002.

Данченко С.А.

*К. психол. н, зав. кафедрой психофизиологии и психологии труда
в особых условиях Морского Государственного
Университета им. адм. Г.И. Невельского*

Корецкая Т.В.

г. Владивосток, Россия

Черты личности людей посещающих магический салон

С начала развития психологии как науки и по настоящее время, категория личности является одной из базовых. В связи с этим в настоящее время существует огромное количество исследований посвященных личности. Одна из областей которой уделяется особое внимание - изучение личностных особенностей. Что отличает одних людей от других, существует ли связь личностных свойств у людей схожих по какому-либо признаку? Вот лишь несколько вопросов, которые ставят перед собой ученые.

Определяясь с темой нашего исследования, мы обратили внимание на то, что в последние несколько лет невероятно возрос интерес к мистике и с каждым годом он становится все больше. Маги, целители и парапсихологи, конечно, есть везде, но ситуация, сложившаяся в России, уникальна. По данным ВОЗ, в России насчитывается порядка 800 тысяч магов и колдунов. Что касается профессиональных врачей, то их в России около 640 тысяч, а ученых - почти 400 тысяч.

Во все времена во всех обществах существовали институты, выражающие интересы мистически настроенных членов общества и оформляющие их активность социально приемлемым образом. Расцвет магических салонов и недостаточно высокий авторитет отечественного здравоохранения, психологической науки, а также традиционных религиозных конфессий, как одного из формирующих аспектов морально-этических норм - тесно связанные друг с другом социальные явления.

Современные социологические опросы показывают, что лишь пятая часть опрошенных доверяет научным знаниям, остальные допускают присутствие в жизни сверхъестественных сил. Каждый десятый признался, что вдохновляется «колдовством и магией». Интерес к науке и технике уживается у россиян с верой в Бога (55%), судьбу (42%), приметы (23%), воздаяние за грехи (19%), сверхъестественную силу (16%), гороскопы (10%). Только 18% отмечают, что не верят ни в какие сверхъестественные силы и явления.

Мистически настроенные граждане вместо того, чтобы решать возникшие проблемы со специалистами, идут к магам, зачастую упуская время и возможность решить проблемы оптимальным путем.

Почему при общем высоком уровне интереса к мистике одни люди обращаются в магический салон, другие же не склонны решать свои проблемы данным образом? Есть ли кардинальные отличия в личностных чертах тех, кто посещает магический салон регулярно, от тех, кто его не посещает? Исходя из вышеизложенного, особую актуальность для исследователей приобретает целостное описание личностных черт людей посещающих магический салон.

Таким образом, мы сформулировали цель исследования: изучить черты личности людей, регулярно посещающих магический салон.

Мы предположили, что черты личности людей посещающих магический салон не отличаются от черт личности людей, не посещающих магический салон.

Задачи, выдвигаемые в исследовании, были решены с помощью следующих **методов и психодиагностических методик:**

1.Метод опроса: многофакторная личностная методика Р. Кеттелла (Форма С); методика диагностики «Я-образа» Т. Лири (в модификации Л.Н.Собчик).

2.Проективный метод: проективная методика «Рисунок человека».

3.Метод качественного анализа (описательный метод).

4.Метод статистической обработки данных: критерий Пирсона (χ^2)

Процедура исследования проводилась в два этапа. На первом этапе были подобраны психодиагностические методики. Далее приступили к формированию групп. Прежде чем сформировать группы, нами был проведен опрос, направленный на уточнение факта регулярного посещения магического салона, обращения к магам (авторская анкета). На ее основе были сформированы две группы, из которых люди одной посещают магический салон (далее группа №1), а другие (далее группа №2) нет.

Группа респондентов, посещающих магический салон, была сформирована из людей посещающих один из магических салонов г. Владивостока в течение 1,5-2 лет от одного раза в неделю и чаще. Возраст исследуемых от 26 до 57 лет, мужчины и женщины. Количество испытуемых- 30 человек. Во вторую группу, в количестве 40 человек, вошли мужчины и женщины в возрасте от 19 до 60 лет, никогда не посещавших магический салон и не обращавшихся за помощью подобного рода.

В результате обработки полученных данных был проведен количественный и качественный анализ.

На первом этапе была проведена проверка полученных результатов на статистическую достоверность сходства и различия по

критерию χ^2 с учетом возраста исследуемых. В связи с тем, что нами не было получено статистически значимых различий, мы сочли целесообразным проводить анализ результатов всей группы людей без учета возраста.

В результате были описаны основные черты личности человека, посещающего магический салон.

Человек, посещающий магический салон может быть охарактеризован как экстраверт, имеющий сильную нервную систему, природную эмоциональную устойчивость.

В межличностных контактах открыт, направлен к непосредственному общению, при этом сдержан и рассудителен, застенчив и осторожен, четко соблюдает границы. Имеет адекватную самооценку. Общителен, с ярко выраженными лидерскими качествами. В отношениях очень активен, независим, принимает неординарные решения, незамедлительно реагирует на все, что происходит вокруг, быстро принимают решения, при этом часто сначала совершают действие, и лишь потом задумываются о последствиях, замотивирован на достижение цели любой ценой. Имеет повышенный уровень притязаний, стремится доминировать.

Такой человек, чаще всего, обладает высоким чувством долга и ответственности. Собран, самостоятелен, дипломатичен. Упорен, социабелен, предприимчив, имеет высокую личную и социальную активность, повышенную мотивацию. Авантюрен, способен принимать неординарные решения. Настойчив и упрям. Самостоятелен и независим в социальном поведении.

Во внешнем поведении может производить впечатление уравновешенного человека, *имеет высокую тревожность*. Тревожность является качеством личности, которая направлена на разрешение внутренних конфликтов. Осторожен, эгоцентричен, насторожен по отношению к людям, стремится возложить ответственность за ошибки на окружающих, раздражителен. Чувствителен к одобрению окружающих. Эмоционален, интуитивен (склонен к предчувствию), впечатлителен. Стремление к идеалу и высокие требования к самому себе создают постоянное внутреннее напряжение. Желает избавиться от лишней осторожности, недоверию к людям.

Анализируя эти результаты в сравнении с группой людей никогда не обращавшихся к магам, было выявлено так же отсутствие статистически значимых различий между показателями двух групп. Этот факт подтвердил выдвинутую гипотезу. Однако ряд качественных различий дал нам возможность провести некоторые рассудительные параллели.

Не смотря на то, что в целом по личностным характеристикам люди схожи, существуют и различия на уровне тенденций.

Люди, *посещающие магический салон* чаще настороженны, осторожны, стремятся возложить ответственность за ошибки на других, автономны, самостоятельны, независимы, эгоцентричны. Ориентированы на собственное мнение, но при этом очень склонны к зависимости от требований группы, следованию за общественным мнением, принимать решения с людьми. Они ориентированы на социальное одобрение.

В отличие от них, *люди, не посещающие магический салон* открыты, уживчивы, терпимы, свободны от зависимости, уступчивы. При этом у них может проявляться чувство собственной незначительности. Откровенны, простоты, непосредственны, эмоциональны, не умеют анализировать мотивы партнера, просты во вкусах, довольствуются имеющимся. Ориентированы на собственное мнение.

Резюмируя все вышесказанное, можно выделить несколько основных моментов заставляющих людей обращаться в магический салон.

1. Мистический настрой;
2. Невозможность получить поддержку или совет, в каком-либо другом месте;
3. Избегание ответственности (есть сомнения в правильности выбора, страх принятия решений);
4. Желание быстрого результата;
5. Бездействие;
6. За иллюзиями (в том числе в подтверждении своей правоты);
7. Склонность к зависимости.

В отличие от обращения к магу, когда человек идет к психологу, происходит двусторонняя работа, и ответственность разделяется. У обратившегося происходит мощная внутренняя работа. Решать свои темы естественным путем гораздо труднее, но эффективнее, человек становится сильнее.

Задача психолога содействовать пробуждению и формированию у пациента собственной здоровой части личности, его собственного «внутреннего целителя» - того ценного психологического ресурса, опираясь на который пациент сможет решать свои проблемы психологическими же средствами. Это будет способствовать развитию у пациента реалистичной оценки потенциалов, оценки позитивной, основанной на возросшем чувстве уверенности в понимании себя и возможности управлять своими переживаниями и мыслями. Важно, чтобы человек осознал, что пути психологической трансформации не сверхъестественные, сколько человеческие. Поэтому ресурсы для изменений необходимо искать в себе самом. Сам человек является гарантом решения собственных проблем.

Поэтому ресурсы для изменений необходимо искать в себе самом, но для изменения нужно время и зачастую довольно много, так как получить желаемое мгновенно невозможно.

Однако стоит помнить, что случаи, когда травмированные и обманутые клиенты, после гадалок или псевдоцелителей, достаточно высок, впрочем, объективности ради стоит сказать, что травмируются и у "профессионального" психолога и тогда идут к магам.

Литература.

1. Волков Ю.Г. Личность и гуманизм: Перспективы развития личности в гуманистическом обществе /Ю.Г. Волков//Соц.-гуманит. Знания. – 2004. – №1. – С.135–149.
2. Куракин О. Психологическая помощь и магия. Магический запрос к психологу/ О. Куракин [Электронный ресурс] // Н.Ю. Григоровская, О. Г.Куракин .- (<http://psystatus.ru/article.php?id=72>).

Ельникова О.Е.

*К.псих. н., зав.кафедрой психофизиологии
и педагогической психологии
Елецкий государственный
Университет им. И.А. Бунина
г. Елец, Россия*

Социально-психологические факторы способствующие развитию болезни

Здоровье – как естественная, абсолютная и непреходящая жизненная ценность, занимающая самую верхнюю ступень на иерархической лестнице ценностей является, безусловно, самой актуальной темой на все времена. Неопровержимым фактом является положение о том, что здоровье - одно из необходимых и важнейших условий активной, творческой полноценной жизни человека. На современном этапе развития общества, здоровье все пристальнее рассматривается не только как благо, но как средство для достижения намеченных целей, как конкретный инструмент, являющийся немаловажным фактором достижения жизненного успеха для индивида и фактором обеспечения роста социальных, экономических показателей для государства. При этом следует особо отметить, что характер отношения к здоровью современного человека носит парадоксальный характер, а именно: потребность в здоровье актуализируется, как правило, в случае его потери или по мере утраты; как правило, действуют механизмы психологической защиты, цель которых – оправдание нездорового пове-

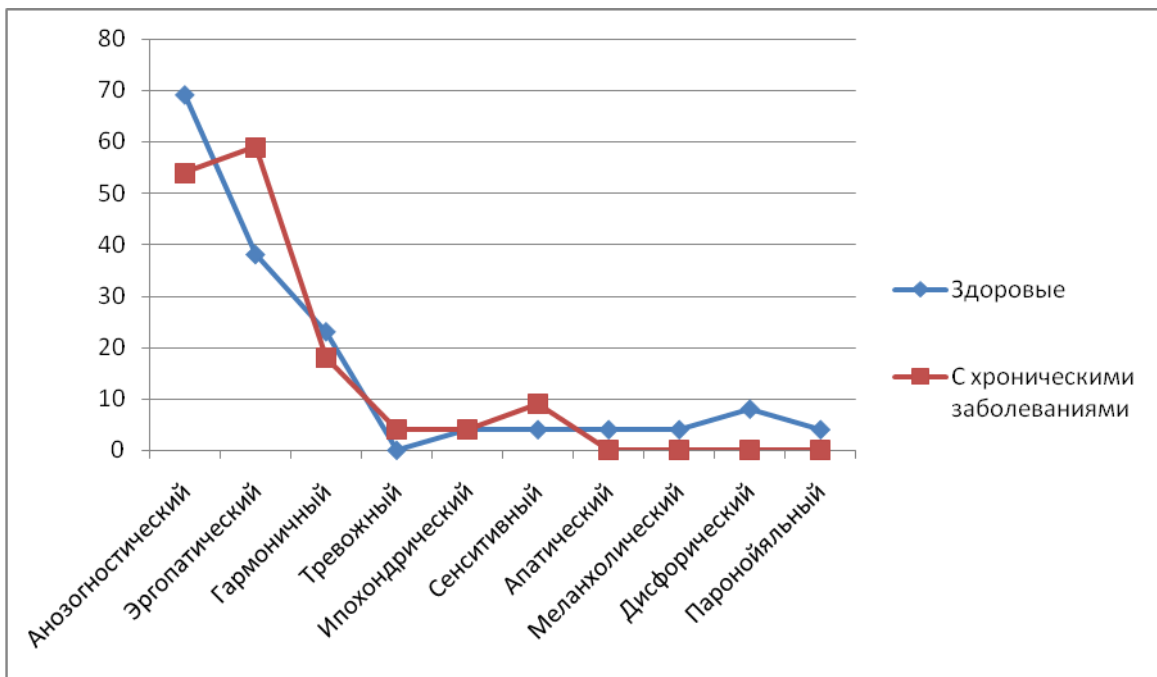
дения. Например, отрицание: «этого не может быть» или «мне не надо проходить медицинский осмотр, так как я здоров».

Данный вывод доказывает, проведенное нами, пилотное исследование, направленное на оценку личностного реагирования на болезнь.

В качестве испытуемых были взяты две категории: люди, страдающие хроническими заболеваниями в стадии клинической ремиссии, с редкими обострениями, с сохраненными или компенсированными функциональными возможностями, при отсутствии осложнений основного заболевания, и здоровые люди, не имеющие заболеваний, с нормальными показателями функционального состояния систем, редко болеющие, с нормальным физическим и нервно-психическим развитием, без отклонений в анамнезе.

В качестве диагностического инструментария была использована методика ТОБОЛ, сконструированная в лаборатории клинической психологии института им. В.М.Бехтерева и предназначенная для психологической диагностики типов отношения к болезни. Методика позволяет диагностировать 12 типов отношения: сенситивный, тревожный, ипохондрический, меланхолический, апатический, неврастенический, эгоцентрический, паранойяльный, анозогностический, дисфорический, эргопатический и гармоничный. 12 типов отношения к болезни объединены в три блока на основании двух критериев: «адаптивность - дезадаптивность», отражающих влияние отношения к болезни на адаптацию личности больного, и «интер-интрапсихическая направленность» дезадаптации (в случае дезадаптивного характера отношения) [5, с. 6].

В ходе нашего исследования были получены следующие данные: и у здоровых людей и у людей страдающих хроническими заболеваниями диагностируется практически идентичный набор типов отношения к болезни: анозогностический, эргопатический и гармоничный. Причем количественные показатели разнятся незначительно: доминирует анозогностический, эргопатический типы и у незначительного количества испытуемых (около 20%) в обеих группах гармоничный (данные представлены в диаграмме).

Удивляет и настораживает даже не тот факт, что у подавляющего большинства людей, участвующих в исследовании (как здоровых, так и страдающих хроническими заболеваниями), диагностируется анозогностический тип отношения к болезни, который характеризуется следующим образом: «активное отбрасывание мысли о болезни, о возможных ее последствиях, вплоть до отрицания очевидного. При признании болезни – отбрасывание мыслей о возможных ее последствиях. Отчетливые тенденции рассматривать симптомы болезни как проявления "несерьезных" заболеваний или случайных колебаний самочувствия. В связи с этим нередко характерны отказ от врачебного обследования и лечения, желание “разобраться самому” и “обойтись своими средствами”, надежда на то, что “само все обойдется”».

При эйфорическом варианте этого типа – необоснованно повышенное настроение, пренебрежительное, легкомысленное отношение к болезни и лечению. Желание продолжать получать от жизни все, что и ранее, несмотря на болезнь. Легкость нарушений режима и врачебных рекомендаций, пагубно сказывающихся на течении болезни» [5, с. 14]. Настораживает тот факт, что практически не наблюдается разницы между типами отношения к болезни у людей страдающих хроническими заболеваниями, знающими о наличии у них заболевания, представляющими картину своего здоровья, неоднократно лечившимися, стоящими на учете и здоровыми людьми.

Таким образом, очевидным является тот факт, что подавляющее большинство испытуемых, выбирают не конструктивную модель

поведения: либо «активное отбрасывание мысли о болезни» при анозогнозическом типе, либо «уход от болезни в работу» при эргопатическом типе. Полученные нами данные доказывают необходимость более глубокого и детального рассмотрения проблемы здоровья и здоровьесбережения именно через призму изучения модели так называемого «больного поведения».

В контексте вышесказанного необходимо обратиться к рассмотрению понятий: болезнь и здоровье.

Анализ понятий болезнь и здоровье позволяет рассматривать данные состояния человека как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных характеристик. То, что принято обозначать понятием «больной» или «болезнь», включает в себя:

- какое-то измененное (биологически) состояние индивида, его тела или части тела;
- переживание по поводу недомогания или какой-то ущербности;
- приписанная социальная роль, связанная с новым качеством и выполнением особых требований.

И здоровье тоже можно рассматривать, исходя из трех его составляющих:

- собственно здоровье (здоровье соматическое);
- хорошее самочувствие;
- роль здорового человека.

Согласно исследованиям А.И.Новикова, Н.Б.Водолазского, В.А.Акулинина, А.А.Дробышева, в последнее время в медицине и социальных науках болезнь все чаще рассматривается как некий теоретический конструкт, абстрактная модель [6, с.15]. Делается это для того, чтобы полно и системно представить совокупность необычных и зачастую необъяснимых изменений у больного человека, понять природу этих изменений и, исходя из этого, определить, как вести себя по отношению к таким людям. В самом обобщенном виде модели болезни можно представить как причинно-следственную цепочку: причина болезни - болезнь - плохое самочувствие - роль больного. При этом представление о болезни как прямом следствии каких-либо отдельных причин является очень упрощенным. В реальной жизни болезнь является результатом взаимодействия достаточно большого количества болезнетворных факторов - биологических, факторов внешней среды, психологических и социальных.

Зачастую совершенно бессмысленно рассуждать о биологических изменениях у человека, в этом случае ему надо оказывать необходимую медицинскую помощь. Исследуя такую значимую для каждого человека проблему как формирование роли здорового человека, мы хотели остановиться на тех факторах, которые в большей мере под-

властны заболевшему или потенциальному больному. На наш взгляд, к таким факторам можно отнести социальные и психологические.

В различных документах ВОЗ неоднократно указывалось, что здоровье людей представляет собой социальное качество, обусловленное социальными факторами.

В России основные подходы к проблеме в социальной обусловленности заболеваемости долгие годы теоретически разрабатывались академиком РАМН Ю. П. Лисицыным. «Здоровье и болезни, - считает академик Ю. П. Лисицын, - опосредованы через социальные условия и социальные факторы. Конкретные условия жизни – труда, быта, питания, жилища, отдыха, образования, воспитания, культурные потребности и вообще то, что ранее в социально-гигиенических трудах называли условиями коллективной жизни, и есть социальные условия и факторы» [2, с.28].

Проблемы социальных градиент здоровья и болезни последние годы широко обсуждались в монографической литературе и периодических изданиях, в частности на страницах журнала «Социология медицины». Подводя некий итог дискуссиям о социальной обусловленности и многофакторности здоровья, следует сказать о том, что в различных отраслях медицинской и социальных наук, представлено большое количество концепций, свидетельствующих о социальной предопределенности болезни и здоровья.

В категориях социологии медицины может быть представлен следующий список социальных факторов риска, прямо или опосредованно влияющих на заболеваемость:

- Профессиональная деятельность (труд, трудовая деятельность, работа, профессия, характер труда и т. п.).
- Характер, условия и состояние питания (уровень питания, характер питания, условия питания, отсутствие безопасности в отношении продовольственного снабжения и т. п.).
- Жилищные условия (жилье, условия жилища, условия размещения, обеспечение жилищем и т. п.).
- Состояние и доступность системы охраны здоровья (медицина, здравоохранение, состояние здравоохранения, санитарное состояние страны и т. п.).
- Социально-демографическая политика государства (демография, демографические условия, средняя продолжительность жизни и т. п.).
- Уровень общей культуры общества и уровень культуры индивида (культура, гигиеническая грамотность населения, культурные потребности, культурный уровень и т. п.).
- Возможности и условия для отдыха, распределения свободного времени (отдых, условия отдыха, распределение свободного времени и т. п.).

- Образовательный уровень индивида.
- Воспитание (условия воспитания, формирование потребности в здоровье – система воспитания и т. п.).
  - Уровень законодательного обеспечения права на здоровье и степень его реализации (социально-правовое положение и т. п.).
  - Объем, качество, доступность, своевременность получения информации, в том числе по проблемам здоровья (объем информации, качество информации, доступность восприятия, доступность медицинских и гигиенических знаний и т. п.).
  - Социально-экономический статус. И многое другое.

Для более полного понимания воздействия социальных факторов, влияющих на заболеваемость, необходимо включить в анализ ещё один аспект. Это социальное поведение индивида, способствующее или не способствующее своевременному распознаванию и соответствующему лечению проявлений болезни. В медико-социологических исследованиях такие типы поведения классифицируются как «здоровое поведение» и «больное поведение». Образ жизни - это одна из важнейших биосоциальных категорий, интегрирующих представления об определенном типе жизнедеятельности человека[2, с. 45].

Однако, как отмечают ряд исследователей, здоровье человека зависит не только от социальных факторов и образа жизни, но и от представлений человека, его чувств, отношения к жизни, окружающим людям, то есть от состояния его психики.

Идеи связи телесного и психического высказывались еще Платоном, Гиппократом, Галеном. Несмотря на то, что тесная взаимосвязь психического и соматического замечена и изучается в течение нескольких веков проблема психосоматических соотношений - одна из наиболее сложных проблем современной медицины, условно исследования в области психосоматики можно разделить на два основных направления: личностная обусловленность заболеваемости и болезнь вследствие воздействия внешних психотравмирующих факторов.

К первому направлению можно отнести работы, выполненные как клиническим, так и экспериментально-психологическими методами, посвященные поискам «профиля личности», специфичного для того или иного психосоматического расстройства. Точка зрения, утверждающая наличие подобных профилей личности, имеющих диагностическую, прогностическую и терапевтическую значимость, обычно связывается с исследованиями F. Dunbar, представленными в получивших широкую известность монографиях «Эмоции и соматические изменения», «Психосоматический диагноз». Аналогичной точки зрения придерживался Г. Айзенк. Он включает систему признаков, полученных при помощи личностных тестов и характеризующих индивидов, принадлежащих к группе риска заболевания раком[4, с. 23].

При этом существуют исследования, в рамках которых авторы склонны отказаться от поиска профилей личности, заменить этот аспект исследований описанием особенностей личности психосоматического больного вообще, рассматривая в качестве базисной характеристики наличие инфантильной личностной структуры, невротической жизненной позиции, поскольку соматическое выражение эмоциональных переживаний является инфантильной формой их выражения.

В рамках второго направления освещается роль стресса в развитии заболеваний. Влияние острых и хронических стрессов на деятельность внутренних органов, в том числе на иммунные и обменные процессы, подтверждено многочисленными клиническими и экспериментальными исследованиями[1, с. 36].

Как правило, проблема формирования здорового образа жизни, рассматривается в контексте воздействия на поведения и образ жизни здорового человека, но, на наш взгляд, в рамках решения обозначаемой проблемы не менее важным является вопрос реагирования человека на заболевание.

Считается, что тип реагирования на заболевание связан с субъективной оценкой пациентом его тяжести, или так называемой внутренней картиной болезни (ВКБ).

Понятие «внутренняя картина болезни» (ВКБ) - возникающий у больного целостный образ своего заболевания - введено Р. А. Лурия[3, с.12]. По сравнению с целым рядом сходных терминов медицинской психологии («переживание болезни», «сознание болезни», «отношение к болезни» и др.) термин «ВКБ» является наиболее общим и интегративным. Первоначальное представление о структуре ВКБ, включающей два уровня (сенситивный и интеллектуальный), в дальнейшем было дифференцировано путем выделения четырех уровней:

1. чувственный - комплекс болезненных ощущений;
2. эмоциональный - переживание заболевания и его последствий;
3. интеллектуальный - знание о болезни и ее реальная оценка;
4. мотивационный - выработка определенного отношения к заболеванию, изменение образа жизни и актуализация деятельности, направленной на выздоровление.

Изучение всех компонентов субъективного отношения пациента к заболеванию - важнейшее условие успешного изучения личности больного и её изменений и является необходимым для выработки стратегии по формированию здорового образа жизни у человека.

Подводя некий итог представленного анализа факторов способствующих развитию болезни можно с уверенностью утверждать, что говоря о формировании здорового образа жизни важно акцентировать внимание не только на неких внешних социальных показателях образуемого образа жизни таких как: формирование здоровых привычек,

отказ от курения, алкоголя и т.п. Одной из важных, в контексте вышесказанного, является проблема учета всей совокупности факторов способствующих развитию болезни.

Литература

1. Губачев Ю.М. Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений / Ю.М. Губачев, Е.М. Стабровский. - Л.: Медицина, 1981. Психосоматическая медицина: Краткий учебник / В. Бройтигам, П. Кристиан, М. Рад; Пер. с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка. - М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999.
2. Лисицын Ю. П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. Проблемные лекции. – М. :Медицина, 1992.
3. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания. -4-е изд. – М.: Медицина, 1977.
4. Оганезова И.А., Соловьева С.Л. Астенические расстройства в терапевтической практике. Руководство по диагностике и лечению, /А.В. Шаброва, С.Л. Соловьевой. Санкт-Петербург, 2010
5. Психологическая диагностика отношения к болезни. // Пособие для врачей. Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева. Санкт-Петербург.: 2005.
6. Социальные, психологические и этические проблемы в современной онкологии. Учебное пособие/ Н.Б.Водолазский [и др.]; ред. А.И.Новиков[и др.] - Омск: Издательство Центра МО и ИТ ОмГМА, 2008.

Ермаченко Н.А., Серeda В.А., Боровиков С.Ю.,
*Управление социальной и воспитательной работы,
ФГБОУ ВПО "Уральский государственный педагогический
университет",
г.Екатеринбург, Россия,*

**Организация работы по профилактике зависимостей и
пропаганде здорового образа жизни в Уральском государственном
педагогическом университете**

В системе воспитательной работы Уральского государственного педагогического университета одной из приоритетных задач является совершенствование действенной системы формирования здорового образа жизни и профилактики различных видов зависимостей в студенческой среде, психолого-педагогическое сопровождение студентов, волонтерская деятельность студенческих отрядов и групп на социальных объектах (детские дома, приюты, центры помощи семье и детям, детские приемники). В целях усиления этой работы и организации межведомственного взаимодействия заключены соглашения о сотрудничестве с Министерством общего и профессионального образования Свердловской области, Управлением Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Свердловской области, отделами образования районов г.Екатеринбурга, ГБУЗ СО «Наркологический диспансер», Свердловским областным центром планирования семьи и репродукции, Центром крови «Сангвис», Городским центром медицинской профилактики и др.

Внутривузовское взаимодействие охватывает учебную и внеучебную сферы деятельности. Учебная сфера включает проведение лекционных, семинарских и лабораторно-практических занятий в рамках дисциплин медико-биологического и социального циклов по профилактике различных видов зависимостей и формированию ЗОЖ. Данная проблематика обсуждается в ходе изучения спецкурсов и факультативов: «Профилактика наркомании, токсикомании, алкоголизма», «Тренинг противостояния чужому влиянию», «Психология девиантного поведения», «Основы медицинских знаний, ЗОЖ и профилактика болезней», и др. По проблемам профилактики наркомании в УрГПУ выпущен ряд учебно-методических изданий («Профилактика зависимого поведения подростков на примере наркомании и алкоголизма», «Раннее выявление и профилактика наркомании и токсикомании среди детей и подростков учебных заведений», «Психологические проблемы наркомании: мнения, факты, комментарии» и др.).

Внеучебная сфера включает: культурно-массовые и спортивно-оздоровительные мероприятия; фестиваль первокурсников в рамках адаптационной программы; месячники здорового образа жизни; проведение мероприятий, посвященных Всемирному Дню борьбы со СПИДом; Всемирному Дню без табака, Международному Дню отказа от курения, Всемирному Дню борьбы с туберкулезом и т. д.; ток-шоу профилактической тематики; круглые столы; профилактические агитки студенческих отрядов, а также участие студентов в работе СНО, волонтерских отрядах. Совместно с медицинскими учреждениями города и области в студенческих общежитиях регулярно проводятся лекции по сохранению здоровья («Как подготовиться к рождению будущего ребенка», «Профилактика ВИЧ-инфекции», «Профилактика заболеваний, передающихся половым путем»). Совместно с УФСКН России по Свердловской области организованы лекции по профилактике наркомании для студентов младших курсов.

В университете создаются инновационные программы и проекты, направленные на пропаганду здорового образа жизни, совершенствуются формы и методы воспитательного воздействия при проведении работы по первичной профилактике зависимостей, активно формируется позитивное отношение студентов к проблеме сохранения и поддержания своего здоровья, через создание «моды» на здоровый образ жизни.

Вопросами формирования ЗОЖ и профилактики употребления психоактивных веществ в вузе занимаются управления социальной и воспитательной работы, лаборатория здорового образа жизни, созданная при кафедре анатомии, физиологии и валеологии, отдел психолого-педагогического сопровождения студентов, студенческие отряды и волонтерские группы, общественные организации, студенческое психолого-педагогическое общество «Независимые», органы студенческого самоуправления и учебные подразделения. Руководство этой деятельностью осуществляет Совет по воспитательной работе и Координационный Совет по профилактике наркомании и других видов зависимостей.

В университете разработаны и реализуются: Программа профилактики употребления ПАВ и формирования здорового образа жизни, Программа профилактики ВИЧ-инфекции, Программа профилактики табакокурения. Профилактические мероприятия проводятся согласно разработанным планам воспитательной работы университета и планам учебных подразделений. Всего в мероприятиях, направленных на формирование ЗОЖ, в течение учебного года принимают участие свыше 3000 студентов.

Ректор Б.М. Игошев входит в состав общественного совета при УФСКН России по Свердловской области, проректор по СиВР В.А.

Середа – член коллектива по разработке проекта «Выбираю жизнь» Стратегического плана развития г. Екатеринбурга, начальник управления ВР Боровиков С.Ю.- член экспертной комиссии по оценке Областного этапа олимпиады научных и студенческих работ по профилактике наркомании и наркопреступности УФСКН России по Свердловской области.

В учебных корпусах и общежитиях университета оформлены и регулярно обновляются стенды по здоровому образу жизни и профилактике зависимостей, демонстрируются профилактические видеоролики, предоставленные УФСКН России по Свердловской области.

Большое внимание уделяется вопросам профилактики зависимостей и формированию здорового образа жизни в рамках реализации программы адаптации студентов младших курсов, проживающих в общежитиях, входящих в группу риска.

Отдел психолого-педагогического сопровождения студентов [1] осуществляет работу по формированию благоприятного психологического климата в студенческой среде, помогает в осознании первокурсниками роли студента, восприятию требований и правил, установленных в вузе, проводит профилактические семинары-тренинги и мероприятия по успешному прохождению периода адаптации.

Социально-психологический проект «Профилактика зависимостей в студенческой среде» отдела психолого-педагогического сопровождения студентов и членов студенческого психолого-педагогического общества «Независимые» направлен на решение проблемы профилактики наркомании, алкоголизма, ВИЧ-инфекции, на формирование психологической устойчивости к употреблению ПАВ среди студенческой молодежи.

На базе отдела психолого-педагогического сопровождения студентов существует бесплатное психологическое консультирование, работает телефон доверия. Мы отмечаем, что индивидуальное психологическое консультирование весьма эффективно способствует работе в направлении профилактики зависимостей в студенческой среде.

В течение многих лет в сентябре в соучредительстве с Администрацией г. Екатеринбурга, УФСКН России по Свердловской области, Администрацией Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга традиционно проходит молодежная акция «Жизни-Да!», целью которой ставится пропаганда яркого, насыщенного, творческого, здорового образа жизни молодежи. Акция объединяет более 2000 участников из числа учащейся молодежи г. Екатеринбурга.

Спортивно-массовая работа и физкультурно-оздоровительная работа в университете является продолжением учебно-

воспитательного процесса, направленного на формирование здорового образа жизни, профилактику употребления ПАВ, активное вовлечение студенческой молодежи занятиями физкультурой, улучшение спортивного мастерства студентов-спортсменов. УрГПУ в течение ряда лет в смотре-конкурсе на лучшую организацию спортивно-массовой работы Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга занимает 1 место.

Вуз поддерживает молодежь г. Екатеринбурга и Свердловской области в стремлении быть активными, позитивными, приверженными ценностям здорового образа жизни через создание условий для реализации своих возможностей в работе творческих коллективов, спортивных секций, студенческих клубов, общественных организаций и объединений. Делая акцент на пропаганду ЗОЖ, мы формируем концептуально новый образ мышления. Это - образ успешного, уверенного в себе человека и гражданина.

В Свердловской области проблема формирования и развития у подростков личностных ресурсов, стратегий и навыков поведения, способствующих здоровому образу жизни и препятствующих злоупотреблению наркотическими веществами приобретает особую актуальность. В связи с этим в УрГПУ успешно реализуется образовательная программа дополнительного профессионального образования «Формирование профессиональной компетентности волонтеров-лидеров в сфере первичной профилактики зависимостей». Данная программа реализовывалась в рамках перечня мероприятий ведомственной целевой программы «Комплексная профилактика зависимостей в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2013-2015 г.г.

Программой предусматривается формирование у слушателей теоретических знаний и практических умений в области первичной профилактики зависимостей, развитие умений и навыков разработки, организации и реализации профилактических программ в молодежной и подростковой среде, внедрение в учебно-воспитательный процесс общеобразовательных учреждений инновационных психологических технологий предупреждения подростковой и юношеской наркомании, исследование эффективности методов и приемов профилактики зависимостей. Для успешного освоения программы для участников было предусмотрено дистанционное консультирование, которое осуществляли специалисты отдела ППСС по телефону, электронной почте, скайпу. Программу освоили 25 педагогов дополнительного образования, работающих в клубах по месту жительства. По окончании обучения каждому участнику выдавался диплом государственного образца о краткосрочном повышении квалификации.

Надо отметить, что значительная часть молодежи весьма низко оценивает эффективность проводимых профилактических мероприятий и критически относится к деятельности, осуществляемой в данном направлении различными государственными и общественными организациями. Профилактическая деятельность в большинстве случаев сводится к просвещению или информированию; профилактическая работа ведется разными структурами, слабо координирующими свою деятельность, для многих из них профилактика не является первоочередной задачей. Существуют серьезные проблемы кадрового обеспечения профилактической работы, не хватает материальных и финансовых ресурсов, к профилактической работе слабо привлекаются сами подростки и молодежь.

На наш взгляд эффективное решение данной проблемы становится создание профилактических программ нового поколения и развитие новых, нетрадиционных подходов в профилактике. Одним из таких подходов могло бы быть привлечение к профилактической работе волонтеров (по принципу "Равный обучает Равного"). Для успеха профилактической деятельности очень важно формирование волонтерских групп из подростков и молодежи с лидерскими установками для оказания поддержки сверстникам с проблемами зависимости от ПАВ

Волонтерская группа отдела психолого-педагогического сопровождения студентов УрГПУ с сентября 2010г. носит название «Студенческое психолого-педагогическое общество «Независимые» [2].

Деятельность студентов-волонтеров отдела представляет собой работу как в УрГПУ, так и на закрепленных социальных объектах. С одной стороны, студенты-волонтеры принимают участие в решении социально-значимых вопросов, с другой - приобретают практический опыт и новые знания, раскрывают творческий потенциал, развивают коммуникативные, организаторские умения и навыки, приобретают опыт управленческой работы, умение эффективно работать в команде.

Актуальность внедрения программы профилактики аддиктивного поведения у детей и подростков в г.Екатеринбурге была обусловлена достаточно широким распространением употребления ПАВ в детско-подростковой среде (по принципу "Равный обучает Равного"). Сотрудниками отдела психолого-педагогического сопровождения студентов совместно со студентами-волонтерами СППО "Независимые" был разработан проект «Школа здоровья и успеха».

Проект представляет собой многоуровневую программу:

1. Организация и обучение волонтеров по программе профилактики аддиктивного поведения у детей и подростков (психологическая поддержка волонтеров, учет возрастных особенностей учащихся);

Данная программа одновременно реализуется на нескольких уровнях: вся популяция учащихся 8-16 лет; учащиеся группы риска; родители; педагоги, школьные психологи, социальные работники данной школы;

2. Мероприятия по профилактике аддиктивного поведения у детей и подростков младшего, среднего и старшего школьного возраста, профилактику зависимости от психоактивных веществ «групп риска» (курение, алкоголь, наркотические средства и токсические вещества),

3. Обучающую (профилактическую) работу с родителями.

4. Обучающие семинары-тренинги для специалистов, работающих в системе образования (педагоги, школьные психологи, социальные работники, медицинские работники в школе),

5. Также совместные семинары с привлечением наркологов, врачей, инспекторов по делам несовершеннолетних, сотрудниками полиции, и другими профессиональными группами лиц, работающими с детьми.

В результате реализации программы мы определили для себя: повышение уровня знаний, умений и навыков волонтерских команд, лидеров, школьников по формированию ЗОЖ и первичной профилактики зависимостей в подростковой и молодежной среде; организация участия в волонтерской деятельности подростков и молодежи г. Екатеринбурга, Свердловской области; увеличение числа волонтеров-лидеров, работающих по программе первичной профилактики зависимости в подростковой и молодежной среде, в результате усвоения знаний на уровне применения интерактивных методов работы, минимум на 20%; увеличение количества специалистов ОУ и представителей общественных организаций, работающих с волонтерами по первичной профилактике зависимостей.

Активное использование интерактивных форм и методов в работе по формированию ЗОЖ и профилактике зависимостей. Студенты-волонтеры СППО «Независимые» начали реализацию программу в студенческой среде - 01.10.2011г. С сентября 2012г. - реализация программы осуществлялась в школах г.Екатеринбурга и Свердловской области. С марта 2013г. - реализация программы в Березовском городском суде Свердловской области. С февраля 2013г. - реализация проекта в клубах по месту жительства г.Екатеринбург. Одним из основных принципов ведения работы по профилактике в условиях образовательных учреждений является дифференцированный подход с учетом возрастных особенностей детей.

На образование, как на целостную структуру, обеспечивающую социализацию личности, ложится задача сохранения физического, психического, нравственного здоровья молодежи. Процесс формирования ценностного отношения к здоровью и ведению

здорового образа жизни у студентов необходимо рассматривать, как комплекс профилактических методов и педагогических задач.

В последние годы среди подростков и молодежи стало широко распространяться *курение*. Известно, что с увеличением числа молодых курильщиков помолодел и рак легких. На настоящее время общепризнанным фактом является то, что курение - один из опаснейших факторов риска заболеваний органов дыхания и сердечно-сосудистой системы. Кроме того, *зависимость от табака* открывает дорогу всем другим зависимостям - алкоголизму, наркомании, токсикомании.

В качестве основного вида деятельности в области решения проблем табакокурения является *профилактика*. Профилактическая работа предусматривает комплекс мер и, следовательно, требует системного подхода.

Эффективная реализация мероприятий требует создания программного документа, формирования системы механизмов и технологий антикурительной работы. В ходе интервью, проведенного с «курящими каждый день» студентами, было выявлено, что стратегия информирования имеет достаточно низкую эффективность в связи с тем, что в последнее время отмечается «эффект усталости» молодежи от антикурительной пропаганды. Мы предполагаем в своей работе сконцентрировать внимание студентов на стратегии внутреннего самоопределения, которая основана не только на информированности о последствиях и осознании неминуемых негативных последствий употребления табака, но и на существовании у студентов иных жизненных установок. В их системе мотивацией служит наличие других приоритетов, которые могут базироваться, например, на определенном занятии, несовместимым с курением, или на Я-концепции, исключающей табакокурение. Усилить позитивное отношение студентов к проблеме сохранения и поддержания своего здоровья невозможно без создания «моды» на здоровый образ жизни. С этой целью была разработана и реализуется комплексная профилактическая программа по ограничению табакокурения и формированию ценностного отношения к здоровью в образовательной среде УрГПУ.

Для выявления уровня распространенности табакокурения в студенческой среде в УрГПУ проводится анкетирование во всех учебных подразделениях. Анкета для определения курительного статуса студента была взята из областного конкурса «Самый некурящий ВУЗ-2011г.». Анкетирование проводилось анонимно.

Результаты анкетирования студентов учебных подразделений

Параметры	2010-2011уч.г.	2011-2012уч.г.
некурящих студентов в УрГПУ	76,4%	82,7%
«никогда не курили»	57,6%	62,4%
«отказались от курения более 1 года назад»	10,8 %	11,6 %
«отказались от курения менее 1 года назад»	7,9%	8,7%
курящих студентов в УрГПУ	23,6%	17,3%
«курящие нерегулярно»	10,8%	7,8%
«курящие каждый день»	12,8%	9,5%

Рейтинговая система контроля позволяет качественно оценить результаты эффективности работы в направлении профилактики табакокурения по каждому учебному подразделению.

Данные рейтингового контроля позволяют установить успешность профилактической работы в вузе. По итогам Областного конкурса программ по профилактике табакокурения среди вузов и колледжей ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в июне 2011 года награжден дипломом победителя. В 2012г. был полужен Диплом 1 степени победителя выставки профилактических материалов антитабачной направленности в рамках финального тура Областного конкурса «Самый некурящий ВУЗ» [3].

Подводя итог, необходимо отметить, что большая всесторонняя работа, проводимая в образовательной среде Уральского государственного педагогического университета по формированию ценностного отношения к здоровью, устойчивой мотивации и выработки основных умений и навыков для дальнейшего его сохранения, укрепления и развития, дает хорошие результаты.

Мы усиливаем позитивное отношение студентов к проблеме сохранения и поддержания своего здоровья, формируем «моду» на здоровый образ жизни. Реализуемая комплексная программа способствует формированию ценностного отношения студентов к здоровью в образовательной среде УрГПУ и потребности быть здоровым через отказ от табакокурения.

Развитие системы оздоровления, социальной поддержки и воспитательной работы в университете обеспечивает формирование *здорового морально-психологического климата* в коллективе и способствует реализации программ, направленных на сохранение здоровья работников и обучающихся. Студенты должны: иметь сформированную точку зрения на табакокурение как социальную проблему и заболева-

ние; осознавать коммерческий характер рекламы табачных изделий и уметь критически ее оценивать; придерживаться имиджа педагога.

Литература

1. <http://uspu.ru/studentu/uvr/otdel-psihologopedagogicheskogo-soprovozhdenija-studentov.html>
2. <http://uspu.ru/studentu/studencheskaja-zhizn/studencheskie-obedinenija/sppo-nezavisimye.html>
3. <http://student.uspu.ru/nashidostigenia/68-2012/352-urgpu-lsamyj-nekurjaschij-vuzr>

Ким К.А.

студент 4 курса,

факультета начального, дошкольного и дефектологического образования

ФГБОУ ВПО «Дальневосточного государственного гуманитарного университета»

г. Хабаровск, Россия

Чебарыкова С.В.

К. псих. н., доцент факультета начального, дошкольного и дефектологического образования

ФГБОУ ВПО «Дальневосточного государственного гуманитарного университета»

г. Хабаровск, Россия

Особенности интеллекта ребенка младшего школьного возраста с моторной алалией

Во всех формах психической деятельности ведущее значение принадлежит речи. Благодаря появлению речи сенсорный опыт ребенка превращается в акт познания, развитие коммуникативной функции речи обеспечивает формирование первых социальных отношений, речь становится важнейшим инструментом регуляции эмоциональных реакций и поведения. Л.С. Выготский писал: «...значение слова оказывается одновременно речевым и интеллектуальным феноменом, причем это не означает чисто внешней сопринадлежности его к двум различным областям психической жизни. Значение слова есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и

освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли» [4, с.270]. Речь имеет принципиальное значение для развития психики ребенка в целом и для становления и развития интеллекта в частности. Наличие речевой патологии, в особенности системное нарушение речи, существенно искажает этот процесс. В связи с этим, проблема выявления особенностей интеллектуальной деятельности у детей с алалией имеет важное значение для теории и практики дефектологии.

Понятие «интеллект» на современном этапе имеет немало различных определений и толкований. В.Н. Дружинин писал: «Термин «интеллект», помимо своего научного значения (которое у каждого теоретика свое), как старый крейсер ракушками, оброс бесконечным количеством обыденных и популяризаторских истолкований» [5, С.15]. Для понимания изучаемого понятия целесообразно обзорно рассмотреть наиболее общепризнанные трактовки данного понятия.

В. Штерн, например, полагал что интеллект – это способность организма к приспособлению к новым условиям [14]. Согласно Ж. Пиаже интеллект - это наиболее совершенная форма адаптации субъекта с внешним миром [9]. А. Бине и Т. Симон, ученые, разработавшие первый тест интеллекта, рассматривали интеллект более широко. По их мнению, человек обладающий интеллектом – это тот, кто правильно судит, понимает и размышляет и кто, благодаря своему здравому смыслу и инициативности может приспособляться к обстоятельствам жизни [1]. Эту точку зрения разделял и Д. Векслер, по мнению которого интеллект – это глобальная способность разумно действовать, рационально мыслить и хорошо справляться с жизненными обстоятельствами [10].

В своем исследовании мы исходим из следующего рабочего определения интеллекта: это универсальная психическая способность к познанию и обучению на основе опыта (формальный интеллект - IQ), способность правильно понимать поведение людей (социальный интеллект - SQ), в основе которой лежит генетически обусловленное свойство нервной системы (ЦНС).

Факт взаимосвязи интеллекта и речи является несомненным, на что указывают многочисленные научные исследования отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем, вопрос о наличии жестко обусловленной, прямой зависимости между состоянием речи и интеллекта все еще является обсуждаемым: недоразвитие одного звена не является обязательным условием для дефектного формирования другого [12]. В связи с этим, интерес вызывает попытка выявить особенности взаимодействия речевых и неречевых нарушений в условиях тяжелой речевой патологии – алалии.

Определение алалии имеет свою историю. И.Ф. Франк рассматривал алалию как немоту вследствие полной невозможности артикулирования. М.Е. Хватцев определял алалию как задержку у детей своевременного проявления спонтанной речи [13]. По мнению Л.С. Волковой, алалия – это отсутствие или недоразвитие речи вследствие органического поражения речевых зон коры головного мозга во внутриутробном или раннем периоде развития ребенка [3]. В.А. Калягин считал что алалия – это отсутствие или недоразвитие у детей речи при сохранном слухе и достаточном уровне интеллекта [7]. В.И. Селиверстов под алалией понимал отсутствие или недоразвитие речи у детей при нормальном слухе и первично сохранном интеллекте. О.В. Правдина считала что алалия – это тяжелое нарушение речи, обусловленное недоразвитием или поражением речевых областей в левом доминантном полушарии головного мозга, наступившее еще до формирования речи [11].

Обобщая взгляды специалистов, сформулируем основные характеристики алалии: полное отсутствие или достаточно выраженная дефицитарность речи (продуцирования речи и/или ее восприятия), не обусловленные дефектами интеллекта и слуха вследствие поражение речевых зон коры головного мозга в доречевой период. Алалия – системное недоразвитие речи, при котором нарушаются все компоненты: фонетико-фонематическая сторона, лексико-грамматический строй, неречевые функции.

С целью выявления и описания особенностей интеллектуального развития ребенка с нарушением речи (моторной алалией) мы инициировали исследование на базе МБОУ СОШ №47 им. В.А. Тамгина (г. Хабаровск). Работа включала в себя следующие этапы:

1) Теоретический этап: анализ научной литературы по заявленной теме.

2) Диагностический этап: исследование состояния вербального и невербального интеллекта у ребенка с моторной алалией.

3) Аналитико-обобщающий этап: анализ полученных данных, формулировка выводов по итогам исследования.

Исследование интеллекта проводилось на основании экспериментального изучения одного испытуемого. Испытуемый К. 2004 года рождения, на момент исследования - 8 лет 5 месяцев. Живет в полной семье. Мать много занимается с ним дома. К. посещал ДОУ. По словам учителей, в учебе особых проблем у К. нет, но тяжелое нарушение речи препятствует продуктивному общению с детьми, создает недостаток эмоционально положительных отношений с окружающими. С взрослыми вежлив, но не всегда выполняет указания педагога. Правила поведения знает, но не всегда им следует. В отношениях с окружающими бывают конфликты. Может спровоцировать ссору или даже драку.

Имеется заключение ПМПК: моторная алалия и ЗПР органического генеза. По словам школьного психолога, на данный момент испытуемый интеллектуально сохранен и находится в состоянии выхода из алалии.

Основной методикой данного исследования является тест интеллекта Д. Векслера – один из самых известных тестов для измерения уровня интеллектуального развития. Разработан в 1939 году, основан на иерархической модели интеллекта и диагностирует общий интеллект и его составляющие - вербальный и невербальный компоненты [2; 5]. В нашем исследовании мы использовали вариант WISC (Wechsler Intelligence Scale for Children), предназначенный для тестирования детей и подростков от 6,5 до 16,5 лет. Тест WISC был адаптирован А.Ю. Панасюком.

Описание результатов исследования будет представлено в следующем порядке: сначала будет описана вербальная часть теста (Таблица 1), потом невербальная (Таблица 2). Затем обе части подвергнутся сравнению.

Таблица 1

Результаты по вербальной части теста Векслера (в баллах)

№ субтеста	Общее кол-во заданий в субтесте	Кол-во выполненных заданий испытуемым	Кол-во выполненных заданий	Оценка за субтест
1 «Общая осведомленность»	30	7	23	7
2 «Понятливость»	14	4	10	8
3 «Арифметика»	16	5	11	5
4 «Запоминание цифр»	14	3	11	9
5 «Сходство»	16	9	7	9
6 «Словарный запас»	40	13	27	18

Из таблицы видно:

1) У испытуемого наблюдается низкий уровень знаний об окружающем мире. Он смог верно ответить только на самые простые вопросы (сколько ушей человека, какой из пальцев на руке указательный, какие времена года существуют). В то время как ребенок без речевой патологии в этом возрасте дает ответы на такие вопросы как: «Где садится солнце?», «Какого цвета рубины?», «Что празднуют 9 мая?» и т.п. (испытуемый на эти вопросы ответов не дал).

2) Уровень способности моделировать свое поведение в социальных ситуациях также невысок. Возможно это связано с осознанными попытками испытуемого дистанцироваться от общества, причиной которых может служить его речевой дефект. Низкий балл за первый субтест косвенно это подтверждает.

3) С математическими задачами проблем и испытуемого не возникло. Полученное количество решенных задач объясняется тем, что тест Векслера также рассчитан и на подростков и задачи, которые испытуемый решить не смог содержали в себе цифры и операции, которые он еще не знает. Испытуемый решил все задачи, в которых были задействованы цифры и операции, которые он проходил на уроках математики.

4) Низкие результаты за четвертый субтест объясняются малым объемом слухоречевой памяти испытуемого. Данные проблемы являются типичными для лиц с моторной алалией.

5) Ответы испытуемого на вопросы субтеста носили конкретно-функциональный характер (например, на вопрос что объединяет скрипку и пианино испытуемый ответил: «на них играют», хотя более высокий балл дается за отнесение пианино и скрипки к категории музыкальных предметов). Таким образом, можно отметить недостаточный уровень абстрактно-логического вербального мышления.

6) Из 40 заданий шестого субтеста испытуемый выполнил 13, что говорит о недостаточном объеме его активного словаря. Тем не менее, хоть испытуемый и не мог дать четкого определения большинству слов, но он смог назвать функцию предметов, к которым просилось дать определение. Смог описать их внешний вид. Результат по данному субтесту, несмотря на все сложности, возникшие у испытуемого, оказался самым высоким из всех субтестов вербальной части теста Векслера.

Анализируя результаты всей вербальной части теста, можно отметить, что у испытуемого имеются проблемы со слухоречевой памятью, вербальным мышлением. Объем его активного словаря несоизмеримо мал по сравнению с объемом пассивного словаря. А низкие показатели за первый и второй субтесты позволяют сделать предположение о социальной дезадаптации испытуемого. Но тем не менее, неплохие результаты за третий, пятый и шестой субтесты могут свидетельствовать о хорошей платформе для развития вербального интеллекта испытуемого.

Таблица 2

Результаты по невербальной части теста Векслера (в баллах)

№ субтеста	Общее кол-во заданий в субтесте	Кол-во выполненных заданий	Кол-во невыполненных заданий	Оценка за субтест
7 «Недостающие детали»	20	10	10	10
8 «Последовательные картинки»	11	4	7	8
9 «Кубики Кооса»	10	9	1	29
10 «Складывание фигур»	4	4	0	32
11 «Лабиринты»	8	8	0	23
12 «Шифровка»	100	15	85	15

Анализ результатов невербальной части теста Векслера таков:

1) Исходя из результатов седьмого субтеста можно сделать вывод, что уровень понимания того, что является существенным в изображении, а что второстепенным соответствует возрастной норме. Испытуемый умеет дифференцировать существенную отсутствующую деталь от пропущенных в картинке несущественных.

2) Самые большие сложности возникли с восьмым субтестом. Испытуемый смог выполнить только 4 первых задания. Остальные ему оказались недоступны. Так как большинство картинок в субтесте обыгрывают различные социальные ситуации, то можно сделать вывод, что невысокий балл за восьмой субтест связан с неумением испытуемого планировать социальные действия и непониманием причинно-следственных связей в межличностных ситуациях.

3) Один из самых высоких баллов испытуемый получил за конструирование различных фигур с помощью кубиков Кооса. Таким образом, конструктивное мышление испытуемого находится на высоком уровне.

4) Самое большое количество баллов испытуемый получил за складывание фигур. В купе с высоким баллом за конструирование фигур с помощью кубиков Кооса это может означать, что процесс синтеза у испытуемого находится на высоком уровне.

5) Субтест «Лабиринты» как и кубики Кооса и складывание фигур, оказался весьма успешным, что свидетельствует о сохранном зрительном восприятии и хорошем уровне способности планирования у испытуемого.

6) «Шифровка» оказалась непродуктивной для испытуемого. Это может объясняться тем, что субтест проводился одним из самых

последних, когда испытуемый начал проявлять признаки утомляемости.

Таким образом, анализ второй части теста Векслера показывает, что успешность выполнения невербальных субтестов у испытуемого гораздо выше, чем выполнение вербальных субтестов. Самой сильной стороной у испытуемого оказалось конструктивное мышление. Высокий уровень такой операции мышления как синтез predeterminedил успешность выполнения девятого и десятого субтестов, за которые испытуемый получил наибольшее количество баллов.

Полученные нами данные по состоянию вербального и невербального интеллекта были проинтерпретированы следующим образом:

1) подсчет и интерпретация баллов общего интеллекта, вербального и невербального интеллектов

2) анализ профиля оценок выполнения субтестов испытуемыми на основе подсчета соответствующих коэффициентов

3) качественная интерпретация индивидуального профиля с привлечением данных наблюдения за поведением испытуемого в ходе обследования и прочей диагностической информации.

Стандартный вариант обработки заключался в подсчете первичных «сырых» оценок по каждому субтесту. Затем «сырые баллы» были переведены в стандартные. Сырые оценки отдельно по вербальной и невербальной части суммируют и определяют по таблицам показатели общего, вербального и невербального IQ.

В итоге получились следующие результаты:

1) Вербальный IQ = 90

2) Невербальный IQ = 133

3) Общий IQ = 114

Средний показатель вербального, невербального и общего IQ по популяции = 90– 110 [5].

Мы можем наблюдать разницу в 43 пункта между вербальным и невербальным интеллектом.

Таким образом, можно считать подтвержденным вывод о том, что особенностью интеллекта у лиц с моторной алалией является значительная разница между вербальным и невербальным компонентом IQ. Отличительной особенностью интеллектуальной сферы испытуемого является высокий показатель невербального IQ. Этот феномен может рассматриваться как проявление гиперкомпенсации. Такая развитость образного (в том числе и конструктивного) мышления уравнивает неполноценность вербально-логических компонентов интеллекта. Учет данного факта в построении коррекционной работы может стать условием, обеспечивающим ее успешность.

Литература

1. Акимова М.К. Психологическая диагностика. СПб.: Питер, 2005.
2. Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике Киев.: Наукова думка, 1989.
3. Волкова Л.С. Логопедия: Учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 1998.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
5. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
6. Ильина М. Психологическая оценка интеллекта у детей. СПб.: Питер, 2009.
7. Калягин В.А. Логопсихология. М.: Академия, 2006.
8. Лотарев В.К. Методика развития речи детей дошкольного возраста. М.: 1984.
9. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003.
10. Позина М.Б. Психология и педагогика. М.: Университет Натальи Нестеровой, 2001.
11. Правдина О.В. Логопедия. М.: Просвещение, 1973.
12. Усанова О.Н., Синякова Т.Н. Особенности невербального интеллекта при недоразвитии речи // Обучение и воспитание детей с нарушением речи. – М., 1982. С.13-19
13. Хватцев М.Е. Логопедия. М.: 1937.
14. Штерн, В. Умственная одаренность. СПб.: 1997.

Ким Л.М.
*К.п.н, доцент кафедры физической культуры
и основ медицинских знаний
Северо-Восточного государственного университета
г. Магадан, Россия*

Методические аспекты групповой работы в поздний постинсультный период

Социально-психологическая значимость проблемы людей, имеющих выраженные двигательные нарушения вследствие инсульта, выражается в вынужденной изоляции и в проблеме изменения психологического статуса человека. Хроническая психоэмоциональная напряжённость и, тем более, постинсультные расстройства, способствуют заострению черт характера, грубому искажению манеры поведения и способов реализации аффективных переживаний вплоть до совершения тяжёлых агрессивных и аутоагрессивных актов. Особенно это выражено в поздние периоды реабилитации, когда человек понимает, что даже 90% восстановление физических дефектов практически невозможно.

Совершенно очевидно, что выход человека данной категории из режима социальной изоляции должен сопровождаться специально организованной деятельностью. Основными характеристиками этой деятельности являются мероприятия, направленные на максимально возможное устранение физических дефектов (сопряжённое воздействие разных видов реабилитации), ведь только в этом случае будут запускаться процессы социальной реадaptации.

Многолетний опыт работы и проведённое исследование в группах людей, имеющих выраженные двигательные расстройства вследствие инсульта средней тяжести, позволили разработать методику восстановления их психофизического состояния. В исследовании принимали участие 64 человека с нарушениями двигательных функций органического генеза в возрасте от 35 до 55 лет (36 женщин и 28 мужчин). Они составили 16 групп по 4 человека. Основными критериями для отбора было следующее: инсульт сроком давности от 2-6 лет; схожие физические двигательные нарушения и болевые ощущения; отсутствие нарушения зрительного и вестибулярного анализаторов; способность с опорой или без неё преодолевать расстояние не менее чем в 50 метров, понимание обращённой к ним речи, инструкций.

Изучение доступной нам специальной литературы показало, что в настоящее время разработано довольно много методов, обеспечивающих применение психологических знаний к эффективному решению практических задач [1, 4, 8, 9,10]. Наиболее

востребованным и часто используемым методом преднамеренных изменений является тренинг (от англ. *train, training*), который имеет ряд значений: обучение, воспитание, подготовка, тренировка, дрессировка. Подобная многозначность присуща и известным его научным определениям. [2,6,10].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день не существует общепринятого определения понятия «тренинг» или «групповой работы», что приводит к расширенному толкованию значений и обозначению этими терминами самых различных приемов, форм, способов и средств, используемых в психологической практике.

Рассматривая типологии программ, мы выделили пять основных типов групповой работы: «Я – Я» – изменения на уровне личности; «Я – Другие» – изменения в межличностных отношениях; «Я – Группа» – взаимодействие личности и группы как социальной общности; «Я – Организация» – изучение и развитие опыта межличностного и межгруппового взаимодействия в организациях; «Я – профессия» – ориентация на субъектов конкретной профессиональной деятельности [11, с. 1-3]. Но в контексте нашей темы мы предлагаем ещё один тип групповой работы, который предполагает *изменения и на уровне личности, и межличностных отношений, а также взаимодействия личности и группы как социальной общности*. Для людей с двигательными нарушениями органического генеза именно такое направление групповой работы будет наиболее эффективным.

Вместе с тем, учитывая, что мы исходим из идеи о принципиальном влиянии групповой работы на формирование позитивного самоотношения в совокупности с физическим восстановлением (цель: успешная реадаптация), мы даём следующее определение понятию «групповая работа»: многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека в группе с целью гармонизации его личностного бытия, т.е. создание условий для разрешения личностных проблем и развития способностей личности. Эффект работы должен обеспечивать приобретение человеком важных качеств, умений и их перевод на уровень психофизических навыков. Области применения групповой работы в предлагаемой деятельности сочетаются с положениями концепции ее психологического обеспечения и связаны с разрешением прикладных проблем оптимизации психофизического состояния человека, возможности освоения новой физической деятельности, восстановлением работоспособности, а также социальной адаптации после перенесённого заболевания (работа на функциональные изменения: как психические, так и физические). Эти группы мы назвали группами функциональных изменений. Другими словами, данный вид работы подразумевает осознанность (преднамеренность) активного взаимодействия для ликвидации

последствий заболевания, а при невозможности восстановления физического статуса человека – изменение психологических феноменов с целью трансформации отношения личности к сложившейся ситуации.

Подчеркнем, что принципиальной отличительной особенностью такой группы должно являться включение в программу изменение не только психологических феноменов, но и физического статуса человека. Под физическим статусом человека понимается восстановление двигательной активности индивида. В свою очередь, функциональные изменения предполагают процесс перехода из одного состояния в другое органов и систем организма. Необходимо отметить, что работа обращена не только на личностное психологическое восстановление человека, но и выход его в макросоциальную среду вплоть до возможности возврата к трудовой деятельности. Здесь будет иметь равноценное значение воздействие и на психическую сферу человека, и на его физические качества (силу, гибкость, выносливость, координацию).

Рассмотрим основные механизмы воздействия групповой работы с лицами, имеющими двигательные нарушения органического генеза. Здесь необходимо отметить, что понятия, описывающие различные аспекты механизмов воздействия на психику человека, по своему содержанию смешиваются. Поэтому довольно часто в литературе мы встречаем один и тот же термин, который может быть отнесён к разным категориям: к механизмам, к средствам, к факторам.

Подробный анализ механизмов групповой работы, механизмов воздействия в процессе общения представлен в работах И. Ялома [10, с. 577], К. Рудестама [7, с. 303], В.Н. Куницыной, Н.В. Казариновой, В.М. Погольши [3, с. 505]. Учитывая цели и задачи рассматриваемого контингента, нами также изучалась такая категория, как готовность к деятельности, которую рассматривали в своих работах такие отечественные психологи, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Д. Парыгин, С.Л. Рубинштейн.

Таким образом, в процессе групповой работы с лицами, имеющими двигательные нарушения, мы выделили следующие основные механизмы воздействия (табл. 1).

Таблица 1.

Основные механизмы воздействия групповой работы с лицами, имеющими двигательные нарушения органического генеза

	Механизм воздействия	Действие механизма
1	Сообщение информации	Получение пациентом в ходе групповой работы разнообразных сведений об особенностях человеческого поведения, межличностного взаимодействия, конфликтах, нервно-психического

		состояния и пр.; выяснение причин возникновения и развития нарушений; информация о сущности групповой работы и ходе процесса; информационный обмен между участниками группы. Подобная информация поступает не столько дидактически, сколько в процессе общения с другими и знакомства с их проблемами.
2	Внушение надежды	Появление надежды на успех лечения под влиянием улучшения состояния других пациентов и собственных достижений. Успешные пациенты служат остальным в качестве позитивной модели, открывают им оптимистические перспективы.
3	Универсальность страданий	Переживание и понимание пациентом того, что он не одинок, что другие члены группы также имеют проблемы, конфликты, переживания, симптомы. Такое понимание способствует преодолению эгоцентрической позиции и появлению чувства общности и солидарности с другими, а также повышает самооценку.
4	Альтруизм	Возможность в процессе групповой психотерапии помогать друг другу, делать что-то для другого. Помогая другим, пациент становится более уверенным в себе, он ощущает себя способным быть полезным и нужным, начинает больше уважать себя и верить в собственные возможности.
5	Развитие техники межличностного общения (обратная связь). Интерперсональное влияние.	Пациенты имеют возможность за счет обратной связи и анализа собственных переживаний увидеть свое неадекватное межличностное взаимодействие и в ситуации взаимного принятия изменить его, выработать и закрепить новые, более конструктивные способы поведения и общения. Получение новой информации о себе за счет обратной связи, что приводит к изменению и расширению образа «Я»; возможность возникновения в группе эмоциональных ситуаций, с которыми пациент ранее не мог справиться, их вычленение, анализ и переработка.
6	Имитационное поведение	Пациент может обучиться более конструктивным способам поведения за счет подражания ведущему и другим успешным членам группы.
7	Групповая сплоченность	Привлекательность группы для ее членов, желание остаться в группе, чувство принадлежности к группе, доверие, принятие группой и взаимное принятие друг друга, чувство «Мы» группы. Групповая сплоченность рассматривается как фактор, аналогичный отношениям «психотерапевт – пациент» в индивидуальной психотерапии.
8	Психологическая готовность к деятельности	Обеспечивает динамическое включение человека в деятельность, равно как и последующую надёжность и эффективность всей её стратегии. Б.Д. Парыгин [6, с. 334] отмечает, что психологическая готовность

		является универсальной предпосылкой эффективности не только любой деятельности, но и других характеристик психической жизнедеятельности человека – его общения и отношений с другими людьми, адекватности его отношения к самому себе. А для людей, имеющих описываемую патологию, психологическая готовность к изменению себя является ключевым моментом в процессе восстановления как физических, так и психических расстройств вследствие такого серьёзного заболевания как инсульт.
--	--	---

Учитывая, что одной из задач групповой работы является подготовка человека к физической активности, мы более подробно остановимся на психологической готовности как пусковом механизме деятельности.

Б.Д. Парыгин [6, с. 336] рассматривает данное явление, как изучение психических состояний человека в экстремальных условиях, т.е. его адаптируемости и стрессоустойчивости спортивной, инженерной и военной деятельности. На наш взгляд, последствия тяжёлых заболеваний можно рассматривать как проявление индивидуального кризиса личности человека, а процесс восстановления как экстремальную ситуацию выхода из данного состояния. Поэтому наиболее продуктивной составляющей восстановления физического статуса человека в ситуации болезни повреждённого мозга является установка на достижение ожидаемого результата

Б.Д. Парыгин [6, с.227] отмечает, что понятие психологической готовности всегда соотносится с деятельностью и нередко характеризуется терминологией психического состояния, психического настроения и психологической установки. При этом состояние психологической готовности к эффективной деятельности выступает в качестве целостного проявления личности и не сводится к совокупности отдельных установок. Поэтому психологическая готовность к деятельности может рассматриваться в качестве характеристики меры настроенности человека как на активное включение, так и на наиболее полную отдачу в соответствии со смыслом и характером деятельности.

На основе изучения специальной литературы и проведённого исследования нами составлена схема основных механизмов воздействия рабочей группы для лиц, имеющих двигательные нарушения органического генеза (рис. 1).

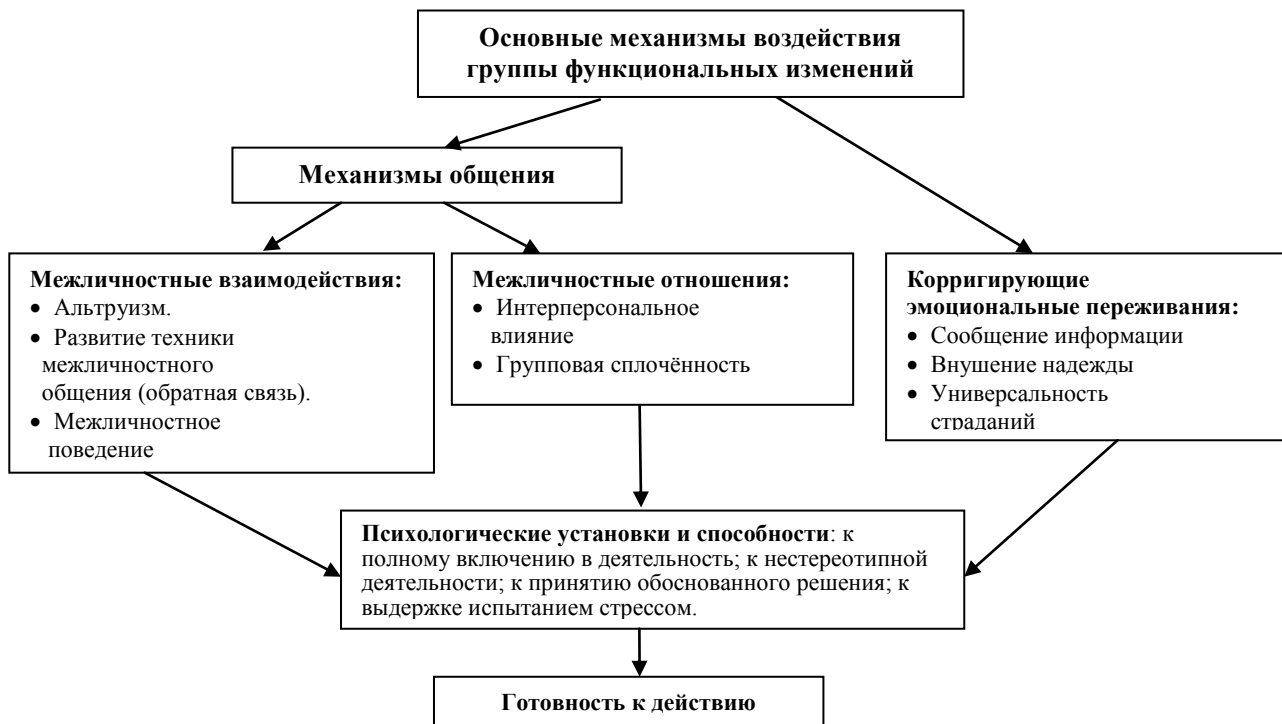

Рис. 1. Основные механизмы воздействия группы функциональных изменений

Для людей с ограниченными двигательными возможностями рассмотренные механизмы группового воздействия на личность человека в конечном итоге должны сводиться к физической активности. Устранение ограничения в деятельности будет способствовать позитивному развитию самоотношения к себе, положительного образа «Я», улучшению психологического состояния человека, его адаптируемости и стрессоустойчивости. При этом отличительной особенностью групповой работы является обратная связь между членом группы и группой как целым. Благодаря наличию обратной связи, каждый из участников группы получает информацию о том, какие реакции у окружающих вызывает его действие (поведение), как он воспринимается другими. Эмоциональное содержание межличностной ситуации влечет за собой реакцию окружающих, корректируя цели и мотивы человека настолько, насколько его актуальное поведение способствует достижению этих целей. Человек видит себя как бы в различных зеркалах, которыми являются другие члены группы. Информация, которую он получает прямо или косвенно от других участников, может противоречить или не согласовываться с существующим образом «Я» и, следовательно, задача групповой работы заключается в решении данной проблемы путем интеграции полученной информации, создавая для этого соответствующие условия.

Таким образом, организация психосоциальной групповой работы по функциональным изменениям для лиц с органическими двигательными нарушениями включает в себя ряд обязательных методических аспектов, которые позволят максимально полезно использовать все характеристики как групповых, так и индивидуальных эффектов.

Анализ методической литературы и опыт автора позволил определить следующую организацию воздействия.

1. Формирование малых групп не более 4-5 человек. Работа групп имеет длительный периодический характер (1-2 года), основанная на сотрудничестве и межличностном общении с целью успешной социальной реадaptации.

Взаимоотношения в группе:

– основываются на побуждениях (интерес, осознание необходимости взаимодействия, кооперации, общения);

– включают соответствующие эмоциональные состояния и чувства – удовлетворённость, симпатию, антипатию, взаимное притяжение;

– включают познание – восприятие другого человека, мышление, воображение, представление;

– предполагают волевые проявления – выдержка, владение собой в ситуации психологического и физического стресса;

– затрагивают поведенческие аспекты (речь, мимика, жесты, формирование необходимых жизненных навыков).

2. Определение цели и задач. Основная цель групповой работы – преднамеренное изменение психологических феноменов и физического статуса человека с органическими двигательными нарушениями.

Задачи психологического блока:

1) развитие способности к адекватной оценке себя, других людей;

2) повышение самопонимания и понимания другого;

3) коррекция, формирование и развитие установок, обеспечивающих успешность общения;

4) приобретение умений и навыков общения в ситуации болезни;

5) умение слышать то, что говорят другие люди, не концентрируясь до этого на подготовке ответа;

6) понимание участниками групповой работы того, как и почему они ведут себя по отношению к другим людям, а также как это поведение влияет на других людей;

7) интеграция личности и согласование его экономических, социальных и личных интересов;

8) обеспечение всестороннего развития и самореализации личности, помощь в выборе или изменении профессии, в осуществлении взаимодействия с другими людьми (в семье, на производстве и т.д.);

9) выработка адекватных форм поведения в разных жизненных ситуациях.

Задачи блока физического воздействия:

1) актуализация эмоционально-волевой сферы человека, перенесшего инсульт средствами ЛФК и элементов психотренинга;

2) повышение возможности социально-бытовой адаптации человека даже при условии неполного восстановления двигательных нарушений опорно-двигательного аппарата;

3) помощь через осознание двигательного акта выйти на двигательную самостоятельность. Поскольку осознание является субъективным состоянием человека, при котором человек понимает процесс движения, он в состоянии воздействовать на своё поведение и может запустить процесс восстановления двигательной активности даже при неполном восстановлении органического поражения головного мозга;

4) максимально возможное восстановление двигательной активности средствами социально-физической реабилитации: формирование мотиваций у человека для осознанного желания борьбы с мышечно-связочным дисбалансом в организме; уменьшение стойкой ригидности мышц поражённых участков тела; максимально возможное улучшение состояния физических качеств человека.

Задачи руководителя группы:

1) создавать условия, в которых человек может апробировать новые пути взаимодействия с людьми;

2) чувственно понимать групповые процессы;

3) понимать то, как действует группа, и какие виды групповых процессов возникают при определенных условиях;

4) оказывать помощь занимающимся в осознании, поиске путей решения, способов достижения принятого решения;

5) добиваться понимания человеком своих трудностей, увидеть их причину, увидеть способы разрешения проблем;

6) вселять веру человека в себя и в успех своих усилий, готовность использования найденных решений проблем.

В данном случае может возникнуть правомерный вопрос о конкретной сущности психофизического воздействия на человека в состоянии органического нарушения двигательных способностей. На наш взгляд, наличие психологического эффекта вследствие группового или индивидуального консультирования не является достаточным для данной категории людей. Поэтому в работу психологической направленности необходимо включить элементы физического восстановления, т.к. дифференцированный подход к данной проблеме не будет в полной мере решать поставленные

задачи. Трудность обозначенного подхода заключается в подготовке специалистов, которые должны владеть соответствующими знаниями, умениями и навыками. В нашем понимании, грань между психологическим консультированием, психотерапией и физическим восстановлением здоровья трудно различима, поскольку психологические, медицинские и педагогические модели воздействия направлены на помощь страдающему человеку.

3. Стратегия помощи (табл. 2). За основу помощи людям в решении их проблем мы взяли виды помощи, предложенные М. Herbert (1988).

Таблица 2.

Стратегия психофизической помощи лицам с двигательными нарушениями органического генеза

Вид помощи	Содержание помощи
Совет	Высказывание пациенту собственного мнения, основанного на своём видении ситуации, в которой он находится.
Информирование	Предоставление пациенту определённой информации, в которой он в данный момент нуждается. Недостаток информации может ослаблять возможности пациента самому справиться с ситуацией; предоставление её может быть максимально эффективной стратегией помощи.
Прямое действие / обучение	Осуществление конкретных и направленных на пользу пациента действий; обеспечение острых потребностей нуждающегося в помощи.
Системные изменения	Оказание направленных воздействий с целью улучшения той системы, которая явилась причиной возникновения трудности. Это работа по организационному развитию и предполагает рассмотрение ситуации в целом.
Психологическое консультирование/ сопровождение	Помощь пациенту в исследовании его проблемы, прояснение конфликтующих позиций; поиск новых альтернативных способов совладения с ситуацией – «помощь людям в их помощи самим себе».

В нашем случае руководитель группы может использовать все эти стратегии, в зависимости от особенностей ситуации и её динамики. Осознанный выбор стратегии и способность её сменить являются областью его профессиональной компетенции. Границы между стратегиями можно назвать условными, т.к. каждая из них содержит в себе элементы другой стратегии.

4. Определение функциональной направленности группы

К основным функциям групповой работы, на наш взгляд, можно отнести следующие: диагностическая, преобразующая, корректирующая, профилактическая и функция адаптации.

Многофункциональность метода свидетельствует о том, что он применим для повышения компетентности в общении и обучения как процесса овладения необходимыми знаниями, навыками и умениями. Возможности групповой работы существенно шире, и охватывают области совершенствования интеллектуальных возможностей больного человека, развития его волевых характеристик, осознания и разрешения личностных и организационных проблем. Определение группы функциональных изменений как метода обучения представляется недостаточно точным, поскольку приобретение знаний, умений и навыков не исчерпывает весь диапазон происходящих в ходе работы изменений, в частности трансформаций установок, отношений, мотивационных структур личности и физической активности человека.

5. Определение принципов, реализуемых группой

Под принципами понимаются основные положения, руководящие идеи, правила реализации работы в группе как метода. Принципы социально-психологической направленности описаны в работах Л.А. Петровской (2007), В.П. Захарова (1990), Н.Ю. Хрящевой.(2006). Они содержательно тесно связаны с факторами изменений психологических феноменов [5, с. 28].

Опираясь на изученные методические материалы и личный опыт, мы определили ряд принципов работы с людьми описываемой категории и естественные противоречия, возникающие в связи с особенностями внешней и внутренней среды человека.

5.1. Принцип системной детерминации предполагает взаимодействие внешней детерминации и самодетерминации через механизмы психического заражения и подражания, обратной связи, регуляции уровня удовлетворения потребностей и включения участников группы определенным образом в организованную деятельность. Специально организованная деятельность предполагает создание оптимальных (внешних и внутренних) условий для реализации программы: психологическая готовность человека к действию и физические возможности должны быть адекватны внешней детерминанте.

5.2. Принцип реалистичности предполагает создание среды с разными по вероятности возникновения и значимости ситуациями и проблемами. Данный принцип для людей с двигательными нарушениями является одним из ведущих. Болезнь предполагает решение проблем различного характера, в связи с чем, таким людям необходим профессиональный руководитель. Как правило, человек в данном состоянии испытывает трудности психологического и физического характера, поэтому групповая работа при соблюдении принципа реалистичности предполагает: 1) учёт реальных возможностей участников; 2) нестандартное, креативное

использование реальных условий и их адаптированность к этим возможностям.

5.3. Принцип избыточности – это создание возможностей выбора участниками различных вариантов представления информации, момента и способа деятельности. Здесь должно учитываться всё, что касается состояния человека, т.е. возможности выполнения заданий и адекватности внешней среды.

5.4. Принцип активности предполагает включение в интенсивную работу всех участников группы. Активность участников группы носит особый характер, т.к. наблюдение создает дополнительную мотивацию за счет процессов межличностного сравнения в системе сложившихся отношений.

5.5. Принцип исследовательской, творческой позиции участников связан с тем, что участники группы осознают, обнаруживают, открывают идеи, закономерности, варианты разрешения проблем, а также, что особенно важно, свои личные ресурсы; возможности и особенности, проявляющиеся в жизнедеятельности. Они могут экспериментировать в широком диапазоне ситуаций, не меняя актуального типа поведения с желаемыми сотрудничества участниками группы. Данный принцип создаёт креативную среду, позволяя человеку максимально подключить свой интеллектуальный потенциал, тем самым поддерживая интерес к занятиям в группе, что является немаловажным фактором в процессе восстановления больного человека.

5.6. Принцип объективации работает для перевода поведения участников группы с импульсивного, неосознанного уровня регуляции деятельности на осознанный. Это значит, что они в любой ситуации должны отдавать себе отчет в том, с какой целью они действуют, адекватны ли избранные ими средства ее достижения специфике ситуации и их возможностям. Учитывая рассматриваемый контингент необходимо, чтобы в начале работы этот принцип реализовывался ведущим и затем был воспринят участниками. Универсальным средством объективации поведения выступает обратная связь, относящаяся к неотъемлемым признакам групповой работы, как метода.

5.7. Принцип субъект-субъектного (партнерского) общения предполагает такое взаимодействие участников, при котором учитываются интересы, чувства, переживания, состояния других, признается ценность их личности. Этот принцип создает в группе атмосферу доверия, открытости, позволяющую участникам группы экспериментировать со своим поведением, а также снимает негативное отношение к своей позиции, что имеет особую актуальность в данной ситуации.

5.8. Принцип «искренности». В работе с людьми, имеющих ограничения в состоянии здоровья, принцип «искренности» должен соблюдаться повсеместно. Только знание истинной реакции на занятия позволит руководителю группы спланировать дальнейшую программу.

5.9. Принцип «здесь и теперь» предназначен для преодоления тенденции отвлечения участников от происходящего в группе в сферы, возможно интересные, но не имеющие отношения к актуальной ситуации. Вместе с тем, принцип «здесь и теперь» не относится к универсальным, т.к. часть работы связана с рефлексией прошлого опыта.

5.10. Принцип конфиденциальности. Соблюдение этого принципа при данном заболевании позволяет формировать открытую атмосферу взаимодействия между участниками и руководителем, а также сохраняет мотивацию участников на обсуждение возникающих вопросов и проблем.

5.11. Принцип ненанесения ущерба соприкасается с принципом конфиденциальности, соблюдение которого предотвращает возможный моральный ущерб, а также соблюдении техники безопасности в работе с такими людьми.

5.12. Принцип соответствия заявленных целей групповой работы его содержанию определяет недопустимость по желанию руководителя изменения содержательного плана работы с группой. Несоответствие заявленных целей его содержанию может нанести вред членам группы, т.к. этот принцип соприкасается с принципом ступенчатости и последовательности.

5.13. Принцип физической закрытости означает, что группа работает постоянно в одном и том же составе; после того как работа началась, новые участники в группу не включаются. Групповая работа с больными людьми предполагает последовательность выполнения задания, поэтому включение опоздавшего или пропустившего занятие человека будет тормозить ход занятия.

5.14. Принцип комплектования группы включает два подпринципа: гомогенности и гетерогенности. Люди после перенесённого заболевания не склонны к работе совместно с людьми противоположного пола, т.к. эстетические дефекты тела не располагают человека к такому общению во время занятий. Поэтому половая принадлежность участников имеет немаловажное значение для таких людей.

5.15. Принцип пространственно-временной организации определяет временные и пространственные характеристики работы группы. Соблюдение этого принципа позволяет избежать сложностей привыкания больного человека к новым внешним средовым условиям, а неадекватные временные характеристики могут спровоцировать

процессы обострения, что относительно данной категории людей является нежелательным результатом коллективной деятельности. В данной ситуации человек может отказаться от занятий в группе.

6. Средства групповой работы

Отличительной особенностью работы в группе людей с обозначенным заболеванием являются расширенные возможности по применению разнообразных методических средств, их совокупность позволяет формировать среду, в которой становятся возможными преднамеренные изменения.

Мы остановились на трёх группах методических средств (техник) [5, с. 121], которые применяются в профессионально-ориентированных программах групповой работы: 1) техники представления информации (функции: осознание и передача информации); 2) имитационные техники (функция: тренировка в безопасных условиях); 3) техники создания реальной среды (функция: действия с реальными рисками).

6.1. Техники представления информации – это короткие лекции, систематизированные обзоры, программированные инструкции и дискуссии. Обозначенной категории людей очень важно удовлетворить потребности «для себя» (самообслуживание) и для «других» (обязанности), на что особо обращают внимание именно женщины. Трудности, возникающие при обслуживании себя и во взаимодействии с другими людьми, вызывают чувство ущербности и неполноценности. Поэтому желание любыми средствами и методами улучшить своё физическое состояние проявляется в потребности вооружённости знаниями, а, значит, в постоянном обновлении информации по интересующему вопросу.

Для данного контингента людей необходимо, чтобы информация исходила из компетентного для него источника. Находясь в проблеме своего состояния, пациент осознанно стремится к большей осведомлённости о вопросах восстановления утраченного здоровья.

6.2. Имитационные техники. В контексте болезни повреждённого мозга имитационные техники мы рассматриваем как инструмент для создания значимых для целей работы группы и конкретных лиц ситуаций. Под ситуацией понимается характеристика физических действий человека, которые он не в состоянии выполнить в данный момент. Независимо от характера повреждения головного мозга психологическое воздействие работает афферентом и, как следствие, может запустить (частично или полностью) эфферентные пути, восстанавливая таким образом, двигательную активность человека.

К имитационным техникам относятся ролевые игры и медитативные техники [5, с. 153]. В нашем случае игровые методы не получают положительной обратной связи в группах, в то время, как к

медитативным техникам проявляется живой интерес со стороны участников групп.

6.3. Техники создания реальной среды: выполнение задания с физическими рисками; выполнение парных упражнений с оборудованием и без. Это комплекс органично взаимосвязанных физических воздействий, активизирующих деятельность различных сторон организма, повышающих компенсаторные функции и способствующих адаптации человека в условиях социальной среды. Следует отметить, что функциональная организация мозга в условиях адаптации к физическим нагрузкам является динамичной, нестойкой, поэтому для стабилизации положительного эффекта тренировки необходимо постоянное «подкрепление» центральной нервной системы (ЦНС) со стороны мышечной системы. Влияние рецепторных сигналов с мышечной системы на ЦНС усиливается речевым воздействием, которое имеет огромное значение в процессе обучения людей физическим упражнениям. Также необходимо отметить и связь реакций функциональных систем организма с эмоциональным восприятием упражнения и окружающей среды (обстановочная афферентация). Активная физическая тренировка укрепляет волю больного, уверенность в своих силах, а положительная мотивация к выполнению физических упражнений ускоряет восстановление нарушенных функций, способствуя психологической реабилитации больных людей.

7. Требования к ведущему группы функциональных изменений

Для проведения тренинговых занятий с людьми, имеющими двигательные нарушения органического генеза, руководителю группы необходимо иметь определённый набор знаний относительно заболевания (иметь медицинское и психологическое образование).

Требования к ведущему группы, по нашему мнению, должны включать следующие характеристики:

- профильный профессионализм, разумная уверенность в своих возможностях;
- ответственность, порядочность, социальная зрелость, коммуникабельность;
- развитый регулятивный потенциал, определяющий возможности ведущего к изменению и целенаправленной активности в тренинге;
- большая степень самообладания, выдержки, развитого самоконтроля;
- способность противостоять агрессии, направленной на него или на других, невротическим и депрессивным реакциям участников группы;

- терпение, устойчивость к неопределенности;
- последовательность и настойчивость в достижении поставленных целей в сочетании с гибкостью и креативностью.

8. Существенные противоречия в работе групп на функциональные изменения.

8.1. Противоречие между возможностями переноса происходящих в результате работы изменений психологических переменных и актуального потенциала человека. Если потенциал изменений оказывается недостаточным для преодоления сопротивления среды, то психологические предпосылки развития остаются нереализованными. В связи с этим необходимо учитывать широкий спектр внешних обстоятельств людей, проходящих групповую работу. Это могут быть ситуация в семье, потеря трудоспособности, проблемы физического характера (двигательные нарушения).

8.2. Противоречие между необходимостью сопровождения высокореалистичными моделями практики, обеспечением универсальности этих моделей и возможностями данного человека. Необходимо учитывать категорию людей, участвующих в данной группе, т.к. очень часто психологические и физические возможности не позволяют в полной мере реализовать программу работы. Поэтому предоставление возможности участия в различных видах деятельности, выбор которых осуществляется самими участниками, позволит свести к минимуму противоречие этих характеристик.

8.3. Противоречие между поставленными целями и готовностью участников измениться. Изменения невозможны без усилия, значительных психологических, физических и энергетических затрат, что само по себе будет вызывать напряжение и активизировать психологические защиты, отгораживающие участников от происходящего. В связи с этим рабочая среда, с одной стороны, должна быть достаточно психологически безопасной для участников, а с другой – сохранять необходимый уровень новизны и проблемности. Это предполагает избыточность средств регулирования уровня мотивации людей, участвующих в группе функциональных изменений.

Таким образом, образовавшиеся новые детерминанты на уровне межличностных отношений и феноменов группового влияния в процессе групповой работы изменяют самоотношение большого человека, а также формируют психологические установки на достижение ожидаемого результата и, следовательно, готовность к эффективному действию.

Здесь необходимо отметить, что именно методическая организация специально организованной групповой работы формирует «кумулятивный эффект», заключающийся в накоплении совокупности изменений, приводящих к качественным изменениям

личностных и субъективных характеристик больного человека, что и будет способствовать развитию эмоционально-волевых установок субъекта по отношению к себе. В свою очередь, методические средства и потенциальные возможности группы позволяют достичь преднамеренных изменений, приводящих к качественным трансформациям личностных и субъективных характеристик даже если физическое восстановление невозможно. В этом случае больной человек принимает свою болезнь такую, какая она есть, и новый сценарий жизни будет восприниматься им менее болезненно, чем в случае его погружения в своё патологическое состояние.

Литература

1. Донцов, А.И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследования / А.И. Донцов. – М., 1984. – 208 с.
2. Клиническая психология в социальной работе / В.А. Агарков, Б.А. Маршинин, Н.Н. Ямщикова и др // под ред. Б.А. Маршнина. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 224 с.
3. Куницына, В.Н. Межличностное общение / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
4. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М., 1984. – 444 с.
5. Макшанов, С.И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика / С.И. Макшанов. – СПб. : Образование, 1997. – 238 с.
6. Парыгин, Б.Д. Социальная психология / Б.Д. Парыгин. – СПб. : ГУП, 2003. – 616 с.
7. Рудестам, К. Групповая психотерапия / К. Рудестам. – СПб.: «Питер», 2006. – 357 с.
8. Смулевич, А.Б. Психопатология депрессий (к построению типологической модели). Депрессии и коморбидные расстройства / А.Б. Смулевич, Э.Б. Дубницкая, А.Ш. Тхостов. – М., 1997. – С. 28-53.
9. Цветкова, Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность / Л.С. Цветкова. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 424 с.
10. Ялом, И. Групповая психотерапия. Теория и практика / И. Ялом, М. Лесц. – СПб. : Питер, 2009. – 688 с.
11. Bachanan, P.C. Differentiating human relation laboratories / P.C. Bachanan, J. Reisel // W Soc. change. – 1972. – V. 2. – № 2. – P. 1-3.

Лежнева М.В.
*Студентка кафедры дефектологии
Северо-Кавказского федерального университета
г. Ставрополь, Россия*
*Научный руководитель: доц. кафедры дефектологии,
канд. психол. наук Пьянова О.В.*

Проблема социализации личности

Л.С. Выготский выдвинул тезис о социальном происхождении психических функций человека. Выдвигая этот тезис, Выгодский был вынужден примирить его с неоспоримым фактом существования психических функций у новорожденных. Ответом на это противоречие и явилось различие между низшими (натуральными) психическими функциями и высшими психическими функциями [1, с. 97].

Выготский видел развитие психических функций в контексте гегелевской схемы развития, согласно которой любая развивающаяся познавательная функция существует первоначально "в себе", затем "для других" и, наконец, "для себя". Эта схема хорошо поясняется примером о развитии указательного жеста у младенцев: первоначально этот жест существует уже в форме неудавшегося хватательного движения, направленного на желаемый объект. Этот жест способен перейти во вторую стадию если будет соответствующим образом интерпретирован взрослыми. Тогда это движение приобретает значение "помоги мне взять это" и ребенок начинает использовать его как для целей коммуникации с близкими взрослыми, так и для практических целей овладения желаемым объектом. Ребенок еще не осознает, что использует этот жест как социальный сигнал. И в третьей стадии ребенок уже пользуется этим жестом для контроля над своим собственным поведением, например для выделения определенного фрагмента картины и концентрации внимания на нем.

В более общем плане развитие познавательных функций рассматривается как их переход от низших к высшим психическим формам, при этом различие между этими формами проводится по четырем критериям: происхождению, структуре, способу функционирования и отношению к другим психическим функциям. По происхождению большинство низших психических функций генетически врожденны, по структуре они не опосредованы, по способу функционирования они не произвольны, и в отношении к другим функциям они существуют как отдельные изолированные психические образования, (таким образом, можно сказать, что низшие психические функции никоим образом не зависят от социализации, от общества. В отличие от них высшие психические функции являются социально приобретенными: они опосредованы социальными значениями, они произвольно

контролируются субъектом и существуют как звенья в целостной системе психических функций, т.е. высшие психические функции возникают под влиянием общества, под влиянием вовлечения индивида в активную общественную жизнь. Второй и третий критерии составляют особое качество высших психических функций, обозначаемые как осознанность [2, с. 214].

В связи с различием понятий "индивид" и "личность" по содержанию, иногда возникают дискуссии: всякий ли индивид является личностью. Например, иногда утверждается, что личностями являются только творческие люди; из числа личностей пытаются выбросить лиц, ведущих себя антиобщественно (например, преступников), психически больных и т.д. Заявляется, что некоторые люди - это просто индивиды, но не личности. Конечно, личность может быть творческой, а может быть серой (впрочем, каждый человек обладает в той или иной степени "творческим потенциалом", поскольку без творчества, хотя бы и элементарного, человек не может решать жизненные задачи, т.е. попросту прожить), может быть активно-преобразующей или пассивно-приспосабливающейся и т.д. Но каждый общественный индивид, человек является личностью, спорным может быть только вопрос о том, когда в процессе индивидуального развития начинает формироваться личность. Давайте подытожим, в чем же разница между индивидом и личностью: индивид - единичный представитель вида "*Homo sapiens*", в то время как понятие "личность" фиксирует те признаки, которые определяются принадлежностью индивида к обществу (социальное качество).

Личность характеризуется многообразием свойств, и это многообразие закономерно. Психические свойства личности не могут быть раскрыты ни как функциональные, ни тем более как материально-структурные. Они принадлежат к той категории свойств, которые определяются как системные, и этой системой является общество. Под влиянием бихевиористической парадигмы родился такой подход: любой данный индивид развивается в некоей среде путем приспособления к ней. Эта среда представляет собой для индивида совокупность стимулов: физических, технических, социальных. Другие люди в отношении к данному индивиду также рассматриваются лишь как элементы среды. Связь "индивид-общество", по существу, ничем не отличается от связи "организм-среда" [2, с. 223]. Здесь действуют те же законы и те же принципы: адаптации, уравнивания, подкрепления и т.д. Правда, воздействия социальной среды более сложны (чем физической), также как и более сложны ответы индивида. Таким образом, можно прийти к выводу, что социализация индивида, его становление личностью - это ни что иное, как попытка "выживания". Но можно попробовать пойти еще немного дальше. В.М.Бехтерева разделяет несколько типов личных рефлексов. Изначально идут рефлексы появ-

ляющиеся в результате внутренних раздражений крайне необходимых для организма (эти рефлексy относятся скорее к инстинктам). Далее идут внешние раздражители, которые также возбуждают личную сферу, но не в смысле ближайшего удовлетворения потребностей организма, а в смысле дальнейшего обеспечения необходимых для него жизненных условий (например, человеку для выживания необходимо выкопать 12 корешков. После того, как он их выкопал, он, преодолевая усталость, старается выкопать еще 10 про запас.) Такие раздражители имеют связь с прошлым и с будущим. Таким образом, личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для жизни организма прошлого опыта, образует собой главный центр нервно-психической деятельности, лежащей в основе активно-самостоятельного отношения организма к живому миру. С развитием общественной жизни личная сфера человека приобретает, помимо органического, социальный характер, в основе которого лежат нравственные и социальные отношения между людьми. Таким образом личная сфера социального характера является ступенькой для развития личности как "самобытной психической особи в социальной жизни народов". То есть личность будет зависеть от двух типов реакций на раздражители: органических (воздействие окружающей среды) и социальных (воздействие общества), и в зависимости от преобладания того или иного типа раздражителей, в ней будут превалировать черты эгоиста или альтруиста [3, с. 49].

При более высоком развитии невропсихики социальная сфера личности является важнейшим руководителем всех реакций, имеющих связь с общественными отношениями между людьми.

Литература

1. Б. Ф. Ломов "Методологические и теоретические проблемы психологии". Москва "Наука", 1984
2. Поль Фресс, Жан Пиаже "Экспериментальная психология" Москва "Прогресс" 1975. Г. В. Щекин "Основы психологических знаний" Киев, МАУП, 1996
3. Л. С. Выготский, Собрание сочинений т. 6 Москва "Педагогика", 1982 В. М. Бехтерев "Объективная психология" Москва "Наука", 1991 Ж. Годфруа "Что такое психология" Москва "Мир", 1992

Сорокина Л.И.
*Педагог-психолог
государственного бюджетного образовательного
учреждения центр образования №109
г. Москва, Россия*

**Исследование взаимосвязи уровня сформированности
зрительного гнозиса у детей старшего дошкольного возраста и их
успешности в овладении образовательной программой
дошкольного учреждения**

В последние годы в отечественном образовании возрастает количество детей, которые не справляются с освоением традиционной школьной программы. Данная проблема вызывает пристальный интерес педагогов и психологов, поскольку социокультурные изменения, происходящие в современном обществе, обуславливают новые требования к уровню развития, обучения и воспитания детей. Это ведет к серьезным изменениям в системе как школьного, так и дошкольного образования. Система обучения и воспитания детей, осуществляемая дошкольными образовательными учреждениями (ДОУ) требует новых подходов, как к диагностике, так и к коррекционно-развивающей работе с детьми старшего дошкольного возраста. Одним из таких подходов является учет особенностей формирования зрительного гнозиса ребенка в процессе осуществления образовательной деятельности, поскольку зрительный гнозис – один из наиболее важных компонентов ориентации дошкольника в окружающей действительности.

Опытной базой нашего экспериментального исследования являлся ГБОУ центр образования №109 г. Москвы. В экспериментальном исследовании приняли участие дети 5-6 лет (64 человека) и 6-7 лет (81 человек).

В ходе диагностической работы нами был проведен психолого-педагогический мониторинг с целью выявления уровня успешности детей старшего дошкольного возраста в усвоении общеобразовательной «Программы воспитания и обучения в детском саду» под редакцией М.А. Васильевой, В.В. Гербовой, Т.С. Комаровой. Уровень успешности детей в овладении ими образовательной программой оценивался по следующим показателям: сенсорное воспитание, развитие речи, формирование элементарных математических представлений, конструирование. Баллы суммировались и на основе этого выявлялся уровень освоения образовательной программы каждым ребенком (высокий уровень – хорошо успевающие дети, средний уровень – средне успевающие и низкий уровень – плохо успевающие дети).

Анализ современных методов психологической диагностики детей дошкольного возраста показал, что комплексное нейропсихологическое обследование, проводимое с учетом принципов системной динамической организации и локализации психических функций, позволяет не только выявить индивидуальные особенности психического развития детей, обусловленных спецификой их мозговой организации, но и на основе полученных данных строить коррекционно-развивающую работу с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. В связи с этим, анализ особенностей формирования зрительного гнозиса у детей старшего дошкольного возраста был проведен с помощью методик, направленных на опознание наложенных, перечеркнутых и недорисованных изображений, включенных в батарею тестов нейропсихологического обследования [1].

Среднегрупповые данные этого исследования представлены в табл. 1. По некоторым показателям зрительного гнозиса выявлены различия разного уровня значимости у детей двух групп. Не выявлены значимые различия у детей старшей и подготовительной групп в пробе на опознание наложенных изображений ($p=.877$), поскольку среднее количество правильно опознанных изображений детьми 5-6 и 6-7 лет одинаково (по 2,4 картинки). Высоко значимые различия у детей двух групп выявились в следующих показателях зрительного гнозиса: в опознании перечеркнутых ($p=.006^{***}$) и недорисованных изображений ($p=.000^{***}$). В обеих пробах шестилетние дети справлялись с заданиями успешнее, чем пятилетние дети.

Таблица 1.

Среднегрупповые показатели зрительного гнозиса

Показатель	Дети старшей группы (5-6 лет)	Дети подготовительной группы (6-7 лет)	Статистическая значимость различий между группами (по t-критерию Стьюдента)
Опознание наложенных изображений	2,4	2,4	.877
Опознание перечеркнутых изображений	3,5	4,1	.006 ^{***}
Опознание недорисованных изображений	1,1	1,9	.000 ^{***}

* $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$ здесь и далее

Рассмотрим более подробно результаты выполнения отдельных проб у детей двух групп.

Результаты опознавания наложенных изображений (тест В. Поппельрейтера) детьми двух возрастных групп

Ребенку предъявляют карточку с рисунками трех частично перекрывающих друг друга изображений и спрашивают, что там нарисовано. Наложены друг на друга три рисунка – елка, на елке рыба и тарелка.

Пробу на опознавание наложенных изображений дети старшей и подготовительной групп выполняют достаточно успешно (табл. 2). Плохо успевающие дети обеих возрастных групп опознают, в среднем, 2,2 рисунка, средне успевающие дети – 2,3, а хорошо успевающие дети – 2,6 изображения.

При выполнении данной пробы детьми допускались ошибки, к которым относятся: вербально-перцептивные замены, когда тарелку называют блюдцем, сковородкой; ошибки зрительного восприятия, когда один предмет заменяется другим. Например, изображение елки некоторыми детьми воспринимается как вода, осьминог, брызги, а тарелку называют кружком, ленточкой, овалом, обручем. При опознании изображения рыбы ошибок практически не было.

Таблица 2.

Количество правильно опознанных наложенных изображений детьми с разной успешностью овладения образовательной программой

Показатель	<i>Дети старшей и подготовительной групп</i>					
	Плохо успевающие		Средне успевающие		Хорошо успевающие	
	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет
колич. опознан. изображений	2,2	2,2	2,3	2,3	2,6	2,6

Значимых корреляционных связей показателей овладения общеобразовательной программой и количества правильно опознанных изображений у детей обеих возрастов не обнаружено (табл. 3). Эти данные говорят о том, что разница в уровне усвоения образовательных программ не связана с успешностью выполнения данной пробы.

Таблица 3.

Величины корреляций показателей овладения образовательной программой детьми и количества правильно опознанных наложенных изображений

Дети старшей группы			Дети подготовительной группы		
Уровень овладения программой			Уровень овладения программой		
1	2	3	1	2	3
-.123	-.252	-.020	-.302	.179	-.194

Табл. 4 показывает, что статистически значимых различий в количестве опознанных изображений не обнаружилось ни у детей старшей, ни подготовительной группы с разной успешностью овладения программой, ни между детьми разных возрастов с одинаковым уровнем успешности.

Таблица 4.

Величины различий в опознании наложенных изображений детьми с разной успешностью овладения образовательной программой (по t-критерию Стьюдента)

Дети старшей группы		Дети подготовительной группы				Между детьми старшей и подготовительной группы		
Уровень овладения программой		Уровень овладения программой				Уровень овладения программой		
Между первой и второй подгрупп	Между второй и третьей подгрупп	Между первой и третьей подгрупп	Между первой и второй подгрупп	Между второй и третьей подгрупп	Между первой и третьей подгрупп	Плохо успевающие	Средне успевающие	Хорошо успевающие
.987	.123	.243	.850	.150	.304	.984	.993	.564

Таким образом, проба на опознание наложенных изображений оказалась довольно проста в выполнении для детей разного возраста и разной успешности.

Результаты опознания перечеркнутых изображений детьми старшей и подготовительной групп.

Сравним результаты выполнения пробы в старшей и подготовительной группах (табл. 5). Пятилетние дети из шести предложенных карточек после первого предъявления, в среднем, правильно опознают 3,4 изображения, а после помощи

экспериментатора – 3,8 задания. При этом наибольшая разница между первым и вторым предъявлением – у хорошо успевающих пятилетних детей (3,6 и 4,1 изображения соответственно), а наименьшая разница – у средне успевающих пятилеток (3,6 и 3,8 задания). При первом предъявлении задания хуже всех справляются плохо успевающие дети (3,0 изображения) и даже после предоставления им помощи в опознании картинок у них самый низкий показатель правильно узнанных изображений (3,4 задания)

Таблица 5.

Количество правильно опознанных перечеркнутых изображений детьми с разной успешностью овладения образовательной программой

Показатель	Дети старшей и подготовительной групп						В среднем	
	Плохо успевающие		Средне успевающие		Хорошо успевающие			
	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет	5-6 л.	6-7 л.
Количество опознанных изображений с 1 предъявл.	3,0	3,4	3,6	3,9	3,6	4,8	3,4	4,0
Количество опознанных изображений со2предъявл.	3,4	3,7	3,8	4,0	4,1	4,8	3,8	4,2

Воспитанники подготовительной группы справляются с этим заданием более успешно: после первого предъявления изображений они в целом правильно опознают 4,0 изображения, а после второго- 4,2 изображения. При этом наиболее правильно выполняют эту пробу хорошо успевающие дети: по 4,8 верно названных картинок после первого и второго предъявлений. Наибольшая разница между самостоятельным опознанием изображений и опознанием с помощью экспериментатора оказалась у плохо успевающих детей 6-7 лет (3,4 и 3,7 задания соответственно).

Таблица 6.

Величины корреляций уровня овладения образовательной программой детьми и количества правильно опознанных перечеркнутых изображений

Показатель	Дети старшей группы			Дети подготовительной группы		
	Уровень овладения программой			Уровень овладения программой		
	1	2	3	1	2	3
1 предьявл.	.141	.140	.460*	-.042	-.087	-.137
2 предьявл.	.093	.221	.407*	.103	.204	-.188

Далее рассмотрим корреляционные связи показателей уровня овладения общеобразовательной программой и количества правильно опознанных перечеркнутых изображений, представленных в табл. 6. Из табл. 6 видно, что значимая связь между этими показателями обнаружена только у хорошо успевающих детей 5-6 лет: после первого предьявления ($r=.460^*$) и после второго предьявления изображений ($r=.407^*$). Эти данные говорят о том, что помощь, предоставляемая экспериментатором, позволяет хорошо успевающим детям старшей группы выполнять задание более правильно и безошибочно. В других подгруппах детей двух возрастов эти связи отсутствуют.

Таблица 7.

Величины различий в выполнении пробы опознание перечеркнутых изображений у детей с разной успешностью овладения образовательной программой (по t-критерию Стьюдента)

Показ.	Дети старшей группы			Дети подготовительной группы			Между детьми старшей и подготовительной группы		
	Уровень овладения программой			Уровень овладения программой			Уровень овладения программой		
	Между первой и второй подгруп	Между второй и третьей подгруп	Между первой и третьей подгруп	Между первой и второй подгруп	Между второй и третьей подгруп	Между первой и третьей подгруп	Плохо успевающие	Средне успевающие	Хорошо успевающие
1 пред.	.282	.864	.436	.148	.001***	.002***	.562	.294	.005***
2 пред.	.567	.448	.296	.382	.002***	.012**	.713	.438	.054*

Величины различий показателей выполнения пробы на опознание перечеркнутых изображений у детей с разной успешностью овладения образовательной программой детского сада представлены в табл. 7. Табл. 7 показывает, что значимые различия между подгруппами с раз-

ной успешностью овладения образовательной программой выявлены только у детей 6-7 лет: после самостоятельного опознания перечеркнутых изображений различия обнаружены между хорошо – и средне успевающими детьми ($p=.001^{***}$), а также между хорошо – и плохо успевающими ($p=.002^{***}$) и после второго предъявления – между этими же подгруппами детей ($p=.002^{***}$ и $p=.012^{**}$ соответственно).

Эти данные свидетельствуют о том, что с данной пробой в подготовительной группе лучше справляются хорошо успевающие дети, в отличие от своих плохо – и средне успевающих сверстников. Сравнение детей старшей и подготовительной групп в целом, показало, что хорошо успевающие дети 6-7 лет, в отличие от хорошо успевающих детей 5-6 лет, правильно опознают большее количество перечеркнутых изображений как при первом предъявлении задания ($p=.005^{***}$), так и после предоставленной им помощи ($p=.054^*$). Анализ характера ошибок при выполнении данной пробы показал, что чаще всего встречаются вербально – перцептивные ошибки. Например: дети говорят, что кувшин – это лейка, ваза, чашка, ведро; ландыши – колокольчик, цветок; бабочка – жук, балалайка - гитара. Эти ошибки указывают на трудности, связанные со словарным запасом детей и актуализацией названия предмета.

Результаты опознания недорисованных изображений детьми двух возрастных групп

Таблица 8.

Количество правильно опознанных недорисованных изображений детьми с разной успешностью овладения образовательной программой

Показатель	Дети старшей и подготовительной групп						В среднем	
	Плохо успевающие		Средне успевающие		Хорошо успевающие			
	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет	5-6 лет	6-7 лет	5-6 л.	6-7 л.
Количество опознанных изображений с1 предъявл.	1,0	1,2	1,0	1,8	1,2	2,4	1,1	1,8
Количество опознанных изображений со2предъявл.	1,0	1,2	1,1	1,9	1,2	2,5	1,1	1,9

Выполнение этой пробы оказалось наиболее сложным из трех заданий на исследование зрительного гнозиса. В старшей группе с первого и со второго предъявления дети опознают в среднем 1,1 изображения с неполным набором признаков, а в подготовительной – 1,8

и 1,9 соответственно (табл. 8). При этом большее количество изображений опознают хорошо успевающие дети 6-7 лет: 2,4 и 2,5 картинок из предложенных шести.

Дети старшей группы вне зависимости от успешности освоения образовательной программы, выполняли эту пробу с трудом и опознали очень мало изображений.

Таблица 9.

Величины корреляций уровня овладения образовательной программой детьми и количества правильно опознанных недорисованных изображений

Показатель	Дети старшей группы			Дети подготовительной группы		
	Уровень овладения программой			Уровень овладения программой		
	1	2	3	1	2	3
1 предьявл.	.001	-.098	-.274	.123	-.167	.433**
2 предьявл.	.001	-.104	-.274	.123	-.174	.441**

Результаты проведенного корреляционного анализа (табл. 9) указывают на наличие связей средней значимости уровня овладения программой и количества правильно опознанных изображений только у хорошо успевающих детей 6-7 лет: после первого предьявления материала ($r=.433^{**}$) и после помощи в опознании недорисованных изображений ($r=.441^{**}$). У детей старшей группы значимых корреляционных связей не обнаружено.

Рассмотрение различий в выполнении пробы на опознание недорисованных изображений у детей с разной успешностью овладения общеобразовательной программой (табл. 10) показало, что у детей старшей группы значимых различий в выполнении данной пробы не обнаружено, а в подготовительной группе различия на низком уровне значимости выявлены только между хорошо- и плохо успевающими детьми после первого ($p=.032^{**}$) и второго предьявления ($p=.036^{**}$).

Таблица 10.

**Величины различий в выполнении пробы на опознание недорисованных изображений у детей с разной успешностью овладения образовательной программой
(по t-критерию Стьюдента)**

Показ.	Дети старшей группы			Дети подготовительной группы			Между детьми старшей и подготовительной группы		
	Уровень овладения программой			Уровень овладения программой			Уровень овладения программой		
	Между первой и второй подгруп	Между второй и третьей подгруп	Между первой и третьей подгруп	Между первой и второй подгруп	Между второй и третьей подгруп	Между первой и третьей подгруп	Плохо успе - вающие	Средн е успе - вающ ие	Хорош о успе - вающи е
1 пред.	.720	.357	.648	.160	.072	.032**	.589	.007*** *	.025**
2 пред.	.840	.740	.648	.116	.139	.036**	.589	.021**	.027**

Сравнение по группам детей в целом по количеству опознания недорисованных изображений показало значимые различия между средне успевающими детьми 5-6 и 6-7 лет (после первого предъявления на высоком уровне значимости – $p=.007***$, после второго на среднем уровне значимости- $p=.021**$) и между хорошо успевающими детьми (после первого предъявления– $p=.025**$ и после предоставленной помощи – $p=.027**$) в пользу детей подготовительной группы.

Выявились следующие наиболее характерные ошибки детей при выполнении данной пробы. Часть детей оценивали увиденный фрагмент предмета, как целый предмет: часть ножниц – ложка, ракетка, иголка, погремущка; цоколь лампочки – шапочка; часть якоря – стрелка. Иногда дети на основании увиденного фрагмента называли предмет, крайне далекий от зрительного образа: чайник – рука, белка, туфель; очки – клюшки, велосипед, ручки коляски.

Анализ полученных данных у детей старшей и подготовительной групп ДООУ по параметрам зрительного гнозиса позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее простой пробой из трех предложенных для детей старшей и подготовительной групп оказалась проба на опознание наложенных изображений, а пробу на опознание недорисованных изображений дети обеих групп выполняли с трудом. Такая тенденция, по данным Н.Н. Полонской, сохраняется и при исследовании учеников начальной школы [3].

2. При опознании наложенных изображений статистически значимые различия между детьми 5-6 и 6-7 лет не выявлены: дети старшей и подготовительной групп в среднем опознают по 2,4 изображения из трех возможных ($p=.877$).

4. Результаты выполнения пробы на опознание перечеркнутых изображений не выявили значимых различий между детьми старшей

группы с разной успешностью в овладении программой, а в подготовительной группе с данной пробой лучше справляются хорошо успевающие дети (по 4,8 верно названных картинок после первого и второго предъявлений), в отличие от своих плохо – средне успевающих сверстников. Сравнение детей старшей и подготовительной групп в целом, показало, что хорошо успевающие дети 6-7 лет, в отличие от хорошо успевающих детей 5-6 лет, правильно опознают большее количество перечеркнутых изображений как при первом предъявлении задания ($p=.005^{***}$), так и после предоставленной им помощи ($p=.054^*$).

3. Анализ полученных результатов опознавания изображений с неполным набором признаков (недорисованных предметов) показал, что в старшей группе с первого и со второго предъявления дети опознают в среднем 1,1 изображения, а в подготовительной – 1,8 и 1,9 соответственно. При этом большее количество изображений опознают хорошо успевающие дети 6-7 лет: 2,4 и 2,5 картинок из предложенных шести.

5. Сравнение по группам детей в целом по количеству опознавания недорисованных изображений показало значимые различия между средне успевающими детьми 5-6 и 6-7 лет (после первого предъявления на высоком уровне значимости – $p=.007^{***}$, после второго на среднем уровне значимости- $p=.021^{**}$) и между хорошо успевающими детьми (после первого предъявления – $p=.025^{**}$ и после предоставленной помощи – $p=.027^{**}$) в пользу детей подготовительной группы.

6. Дети старшей группы вне зависимости от успешности освоения образовательной программы, выполнили пробу с недорисованными предметами с трудом и опознали очень мало изображений (в среднем 1,1 картинку из шести). Возможно, это связано с тем, что при выполнении данной пробы задействованы не только правополушарные стратегии обработки зрительной информации, но также и левополушарные, аналитические. Тем не менее, данная методика важна для выявления трудностей у детей и планирования дальнейшей работы с ними по развитию зрительного гнозиса.

Литература

1. Ахутина Т.В., Игнатъева С.Ю., Максименко М.Ю., Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Яблокова Л.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–8 лет// Вестн. Моск. Ун-та. – Сер.14. – 1996.-№2.-с.51-58
2. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 504с.
3. Полонская Н.Н. Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 192с.

4. Степанов В.Г. Психологические особенности школьников и взрослых, обусловленные функциональной асимметрией мозга: возраст, обучение, профорентация. Монография. – М.: Издательство МГОУ, 2009. – 242с.

Федосина С.С.

*Старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии
Пермского государственного
национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия*

Сюзева А.В.

*Студент 4 курса направления «Психология»
философско-социологического факультета
Пермского государственного
национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия*

Структурные и содержательные различия социальных представлений о мобильном телефоне в различных возрастных группах пользователей

В начале XXI в. значительно усложнились социальные условия жизни современного человека. Это вызвано тем, что современный человек кардинально изменил окружающий мир и кардинально изменился сам. Эти изменения наблюдаются, прежде всего, в структуре социальных представлений об окружающем мире, о себе и своем месте в нем.

Особенно актуальным в настоящее время становится изучение социальных представлений о мобильном телефоне, который ввиду определенных причин получает все большую социальную значимость и становится одним из наиболее характерных атрибутов современного человека. Телефонизация всего общества, новые потенциалы мобильного общения, возможности оставаться на связи и получать информацию – все это оказывает прямое и значительное влияние на общество в целом и поведение индивидов.

Понятие «социальные представления» было предложено С. Московичи. Под социальными представлениями понимается сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации [1, с. 207].

Социальные представления рассматриваются как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но и для целой группы. Социальные представления называют также «теориями здравого смысла», «объектами, сконструированными социальной группой», подчеркивают их зависимость от социальных субъектов и считают, что они основаны на коммуникации обсуждаемых вещей [8, с. 258].

Социальные представления можно интерпретировать как один из механизмов сознания личности, отмечая их разноплановость. Одни представления являются абстрактными, другие отражают позицию личности, третьи оказываются ее основанием. Для принятия отдельных представлений личность прилагает усилия, другие отвергаются ею, а третьи усваиваются автоматически [3].

Структура социальных представлений была описана Ж.-К. Абриком, Социальное представление, с его точки зрения, состоит из двух основных частей: ядро, потенциальная зона изменений (элементы данной части периферической системы перемещаются в ядро представления при его трансформации) и собственно периферическая система представлений. Периферическая система представления конкретизирует значение ядра, это связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью, она опирается на индивидуальную память. За счет этого свойства периферия позволяет представлению адаптироваться к изменяющемуся контексту [8].

В настоящее время исследование социальных представлений – одно из приоритетных и перспективных направлений в социально-психологической науке. Изучаются социальные представления о справедливости [4], о благополучии [9], о русских людях [7], и причинах стремления к политической власти [10], о здоровье и болезни [2] и др. Однако исследований, посвященных изучению социальных представлений о мобильном телефоне, ранее не проводилось.

Наиболее близким к нашей теме является исследование социально-демографических характеристик пользователей мобильного телефона. Показано, что пользователи возрастной группы ранней взрослости ориентированы на впечатления, труд и карьеру, новейшие технологии, моду и стиль, имидж, семью, статус, лидерство и власть, а представители возраста средней взрослости характеризуются более выраженной осознанностью обособленности в области социального и семейного положения, стабильностью во взглядах и представлениях [5,6].

На основании данных о возрастных особенностях социально-психологических характеристик пользователей мобильного телефона нами была выдвинута гипотеза о существовании структурных и со-

держательных различий социальных представлений о мобильном телефоне в группах пользователей ранней и средней взрослости.

Для оценки структуры и содержания социальных представлений о мобильном телефоне было проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие две группы пользователей мобильного телефона: ранней (20-35 лет) и средней (40-55 лет) взрослости, всего 57 человек (28 в группе ранней взрослости, 29 в группе средней взрослости). Средний возраст по выборке составил 29 и 46,1 лет соответственно; распределение по полу равномерное в каждой группе. К исследованию приглашались испытуемые с учетом положительного отношения, на основе добровольного участия, не имеющие отношения к производству и продаже мобильных телефонов и услуг сотовой связи.

Для опроса респондентов была разработана анкета, включающая в себя метод рисунка, метод определений и метод свободных ассоциаций. Результаты обрабатывались с помощью контент-анализа и прототипического анализа П.Вержеса. Использовались следующие методы математической статистики: ϕ -критерий Фишера.

Содержание СП о мобильном телефоне. При обработке вербальных реакций метода свободных ассоциаций и метода определений нами была использована категориальная сетка контент-анализа представленная в работе М. Боберга «Сравнительное изучение представлений о мобильном телефоне среди французских и финских подростков» [11].

Таблица 1.

Матрица категорий контент-анализа «Метода определений» и «Метода свободных реакций»

Фактор	Категория	Формальные признаки
F1. «Многомерное Я»	«Личное Я»	Высказывания, обращенные к собственным чувствам, эмоциям, мыслям.
	«Материальное Я»	Указание принадлежности себе, ценности мобильного телефона.
	«Общественное Я»	Отражение ценности функции коммуникации.
F2 Самооценка компетентности	«Уверенность»	Уверенность/неуверенность в собственных силах при использовании/ владении мобильным телефоном.
	«Удовлетворенность»	Удовлетворенность/неудовлетворенность функциональными возможностями и мобильным телефоном в целом.

	«Решение проблем»	Отражение многофункциональности мобильного телефона.
F3 Дистанцированность общения	«Общение на дистанции»	Роль мобильного телефона в общении на дистанции. Возможность общения на расстоянии.
	«Избегание ситуаций контакта»	Роль мобильного телефона в избегании ситуации контакта с собеседником.

В возрастной группе пользователей (20-35 лет) всего было получено 78 реакций на слово стимул «мобильный телефон». Наиболее значимыми для пользователей оказались категории «Общение на дистанции» (75,9%) и «Общественное я» (68,9 %), далее «Решение проблем» (62%), «Удовлетворенность» (24,1%), «Личное Я» (17,2%), «Материальное Я» (13,8%), «Уверенность» (0,06%).

В возрастной группе пользователей (40-55 лет) было получено 65 ассоциаций. Наиболее значимыми категориями оказались «Общение на дистанции» (82,1%) и «Решение проблем» (42,6%), далее следуют «Удовлетворенность» (28,6%), «Материальное Я» (21,4 %), «Личное Я» (17,8%), «Уверенность» (17,8%), «Общественное Я» (10,7%).

Частота встречаемости ответов в категории сравнивалась с помощью ϕ -критерия. Рассмотрим значимые различия в частоте встречаемости категорий, выявленные при анализе метода свободных ассоциаций и метода определений.

Таблица 2.

Сравнение встречаемости категорий контент-анализа «Метода определений» и «Метода свободных ассоциаций» в двух возрастных группах пользователей мобильного телефона

Категория	Возрастная группа 20-35	(%)	Возрастная группа 40-55	(%)	ϕ - критерий	Уровень значимости
«Общественное Я»	20	68,9	3	10,7	4,880	$p < 0,01$
«Избегание ситуаций контакта»	-	-	3	10,7	2,517	$p < 0,01$

Значимые различия были получены по категориям «Общественное Я» и «Избегание ситуаций контакта». Это означает, что для возрастной группы 20-35 лет более свойственно обращать внимание на свое «общественное Я», а для представителей возрастной группы 40-55 лет, напротив, использование мобильного телефона – это возможность избежать нежелательного контакта («пустые разговоры», «просто позвонить»).

Категориальная сетка контент-анализа метода рисунка строилась эмпирически, на основании полученных данных. Были выявлены следующие категории: 1.»Динамичность»; 2.»Статичность»; 3. «Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона»; 4. «Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона»; 5. «Ценностно-эмоциональное содержание отношения к мобильному телефону»; 6.«Когнитивное содержание анализа использования мобильного телефона»; 7.«Позитивный тип оценки мобильного телефона»; 8.«Негативный тип оценки мобильного телефона».

Таблица 3.

Эмпирические индикаторы категорий контент-анализа метода рисунка.

Категория	Эмпирические индикаторы категорий	
	Цвет	Изображение
Динамичность	Легкие цвета (светло-голубой, желтый, светло-зеленый, розовый и тп)	Стремительность формы, объемность изображения, обилие деталей (более 2-3 дополнительных).
Статичность	Тяжелые цвета (черный, коричневый, темно-синий и тп)	Плоское изображение, без дополнительных деталей.
Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона	Отсутствие функциональной активности (звонок, сообщение, уровень связи и батареи, указание оператора связи, тщательная прорисовка кнопок, время и дата, модель телефона).	
Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона	Присутствие функциональной активности (звонок, сообщение, уровень связи, указание оператора связи, тщательная прорисовка кнопок, время и дата, модель телефона). Возможны подписи к изображению.	
Ценностно-эмоциональное содержание отношения к мобильному телефону	Обилие цветовой гаммы (использование трех и более цветов).	Дополнение образа телефона объектами из других эмоционально значимых сфер жизни (семья, работа, досуг). Изображение в центре листа наклонено или углах листа.
Когнитивное содержание анализа использования мобильного телефона	Цветовая гамма ограничена 1-2 цветами.	Наполнение образа телефона познавательно значимыми деталями (время, дата, модель телефона, уровень и оператор связи, уровень батареи и тп). Строгое расположение изображения в центре

		листа без наклона или в левом верхнем углу без наклона.
Позитивный тип оценки мобильного телефона	Использование нескольких цветов или цветов, относящихся к легким (голубой, розовый, желтый, светло-зеленый и тп).	Использование подписей «хороший», «любимый».
Негативный тип оценки мобильного телефона	Изображение телефона маленького размера, небрежно прорисован.	Использование подписей «плохой», «ненужный».

Для проверки правомерности соотнесения эмпирических индикаторов категориям контент-анализа была проведена процедура экспертного оценивания. Эксперты были ознакомлены с целью и программой эмпирического исследования, им также были представлены таблицы формальных признаков категорий и эмпирические индикаторы категорий контент-анализа.

Перед экспертами ставилась задача проанализировать предложенный список эмпирических индикаторов и отнести их к определённой категории. Группа экспертов состояла из 3 человек, имеющих или получающих психологическое образование (преподаватель кафедры Общей и Клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета, выпускник специальности «Психология» ПГНИУ и студент 4ого курса специальности «Психология» заочного отделения Пермского государственного педагогического университета).

Таблица 4.

Степень согласованности экспертов с выделением категорий и их индикаторов

Эксперт	1	2	3
Процент согласия	91,1	92,7	95,3

Из таблицы 4. видно, что общий процент согласия экспертов с выделением категорий и их эмпирических индикаторов составляет 93%. Таким образом, общий процент согласованности экспертов и степени их согласия с выделенными категориями позволяет говорить об относительно объективном выделении единиц анализа и распределении их по категориям.

При использовании рисуночного метода мы получили следующие результаты. В возрастной группе пользователей (20-35 лет) наибольшая частота встречаемости ответов наблюдается в категориях «Динамичность» (67%) и «Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона» (62%). За

ними следуют категории «Позитивный тип оценки мобильного телефона» (55,22%), «Когнитивное содержание анализа использования мобильного телефона» (48,3%), «Негативный тип оценки мобильного телефона» (44,8%), «Ценностно-эмоциональное содержание отношения к мобильному телефону» (41,4%), «Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона», (37,8%), «Статичность» (31%).

В возрастной группе пользователей (40-55 лет), напротив, наибольшая частота встречаемости ответов наблюдается в категориях «Статичность» (71,4%) и «Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона» (71,4%). За ними следуют категории «Позитивный тип оценки мобильного телефона» (42,9%), «Негативный тип оценки мобильного телефона» (39,9%), «Ценностно-эмоциональное содержание отношения к мобильному телефону» (35,7%), «Когнитивное содержание анализа использования мобильного телефона» (32,1%). Категории «Динамичность» и «Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона» (28,6%), которые являлись преобладающими у пользователей возрастной группы ранней взрослости, занимают последние места в этом ряду.

Частота встречаемости ответов в категории также сравнивалась с помощью ϕ –критерия. Были выявлены значимые различия для четырех категорий.

Таблица 5.

Сравнение встречаемости категорий контент-анализа метода рисунка в двух возрастных группах пользователей мобильного телефона.

Категория	Возрастная группа 20-35	(%)	Возрастная группа 40-55	(%)	ϕ - критерий	Уровень значимости
Динамичность	20	67	8	28,6	3,140	p<0,01
Статичность	9	31	20	71,4	3,140	p<0,01
Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона	11	37,9	20	71,4	2,592	p<0,01
Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона	18	62	8	28,6	2,592	p<0,01

Результаты показывают, что представители возрастной группы 20-35 лет склонны обращаться к категориям «Динамичность» и «Активно-деятельностная позиция личности в использовании мобильного телефона». Представители возрастной группы 40-55 лет, напротив, описывают мобильный телефон с помощью категорий «Статичность» и «Пассивно-созерцательная позиция личности в использовании мобильного телефона». Это говорит о том, что возраст влияет на оценку мобильного телефона либо как подвижного объекта, подлежащего изменению, либо, напротив, как объекта стабильного и неизменного.

Ядерно-периферическая структура СП о мобильном телефоне. После обработки данных с помощью прототипического анализа П.Вержеса были получены результаты, отразившие объективную структуру и содержание социальных представлений о мобильном телефоне в каждой из двух возрастных групп пользователей.

Таблица 6.

*Социальные представления о мобильном телефоне
(возрастная группа 20-35 лет)*

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации			
	Менее 2,3		Более или равен 2,3	
Более или равна 17	Общение (25; 1,41) Связь (24; 1,8) Функциональный (22; 2,2)	I	<i>Красивый (21; 2,3)</i> <i>Современный (21; 2,72)</i> <i>Коммуникабельность (19; 3,41)</i> <i>Независимость (18; 4,21)</i> <i>Уверенность в себе (17; 5,1)</i>	II
Менее 17	<i>Друзья (16; 2,1)</i> <i>Контакты (15; 2,2)</i> <i>Другие люди (11; 2,21)</i>	IV	<i>Выход в интернет (16; 6,1)</i> <i>Развлечения (16; 7,2)</i> <i>Время (14; 8,3)</i> <i>Смс (12; 8,9)</i>	III

Примечания. Первое число означает частоту встречаемости понятия, второе – ранг его появления; римскими цифрами обозначены зоны ядерно-периферической системы представлений: I – ядро, II и IV – потенциальная зона изменений, III – собственно периферическая система. Жирным шрифтом отмечены данные, попавшие в ядерную зону, курсивом – в потенциальную зону изменений.

Центральное ядро социального представления о мобильном телефоне в возрастной группе ранней взрослости образуется: «Общение», «Связь», «Функциональный». Отсутствие этих элементов уничтожит или радикально изменит представление. Они придают смысл и ценность представлению. Периферические элементы образуют основу контекста представления, обеспечивая его функционирование и динамику: «выход в интернет», «развлечения», «время», «SMS». Эти элементы напрямую зависят от контекста и

обеспечивают гибкость социального представления. Элементы, входящие в потенциальную зону изменений («друзья», «контакты», «другие люди», «красивый», «современный», «коммуникабельность», «независимость», «уверенность в себе»), в зависимости от контекста могут перемещаться либо в ядро социального представления, либо в собственно периферию.

Таблица 7.

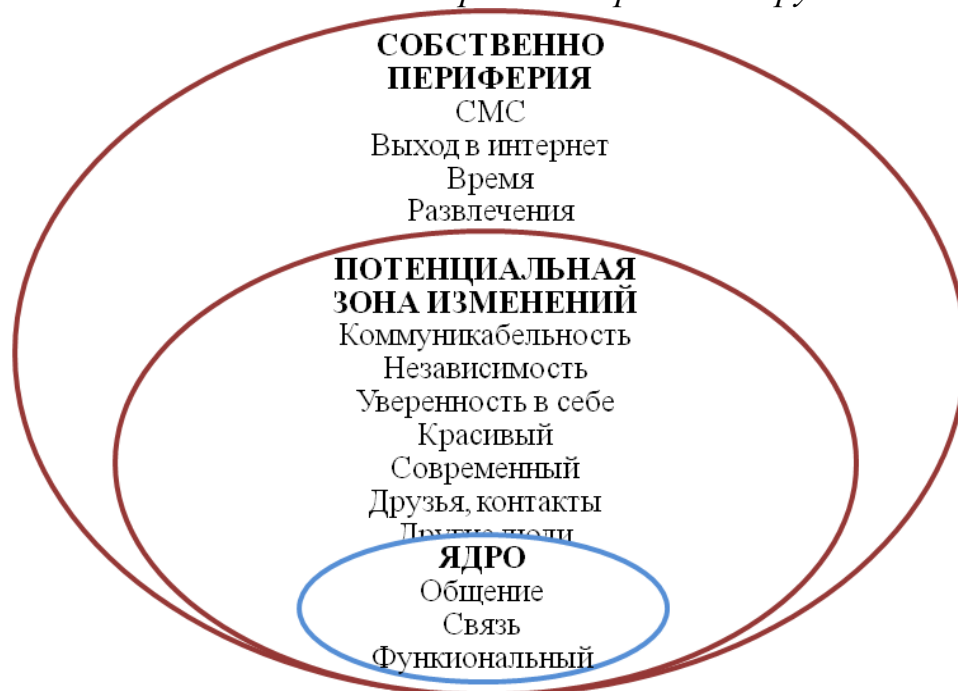
*Социальные представления о мобильном телефоне
(возрастная группа 40-55 лет)*

Частота категории	Средний ранг ассоциации			
	Менее 2,3		Более или равен 2,3	
Более или равна 17	Связь (23; 1,34) Общение (19; 2,1)	I	<i>Удобно(20; 2,3)</i> <i>Мобильно(19; 2,71)</i> <i>Быстро(19; 3,1)</i> <i>Функции (17; 3,57)</i>	II
Менее 17	<i>Качественный (16; 2,1)</i> <i>Хороший(16; 2,2)</i> <i>Дешево (15; 2,2)</i>	IV	<i>Спокойно (15; 2,53)</i> <i>Игры (14; 2,9)</i> <i>Будильник (13; 3,2)</i> <i>Собеседник (13; 3,51)</i> <i>Новости (12; 4,1)</i>	III

Примечания. Первое число означает частоту встречаемости понятия, второе – ранг его появления; римскими цифрами обозначены зоны ядерно-периферической системы представлений: I – ядро, II и IV – потенциальная зона изменений, III – собственно периферическая система. Жирным шрифтом отмечены данные, попавшие в ядерную зону, курсивом – в потенциальную зону изменений.

Элементы «связь» и «общение» образуют ядро социального представления о мобильном телефоне в возрастной группе средней взрослости (40-55 лет). Ядро является устойчивым и стабильным, оно практически не зависит от контекста и всячески сопротивляется изменениям. Элементы собственно периферии выступают связующим звеном между представлением и реальностью: «спокойно», «игры», «будильник», «собеседник», «новости». Элементами, входящими в потенциальную зону изменений и способными переместиться в ядро или периферию, являются: «качественный», «хороший», «дешево», «удобно», «мобильно», «быстро», «функции».

Рис.1 Графическое сопоставление ядра и периферии социального представления о мобильном телефоне в возрастной группе 20-35 лет.

Рис.2 Графическое сопоставление ядра и периферии социального представления о мобильном телефоне в возрастной группе 40-55 лет.

Таким образом, в результате проведенного исследования были обнаружены различия в содержании и структуре социальных представлений о мобильном телефоне в двух возрастных группах пользователей.

Содержательные различия.

Представители возрастной группы 20-35 лет занимают активно-деятельностную позицию по отношению к использованию мобильного телефона, что согласуется с представлением о мобильном телефоне, как о динамичном, подвижном объекте. Мобильный телефон также дает возможность группе ранней зрелости реализовать свое «общественного Я» посредством функции коммуникации.

В возрастной группе 40-55 лет, напротив, предпочтение отдается пассивно-созерцательной позиции в отношении к использованию мобильного телефона, что также согласуется с представлением о мобильном телефоне, как о статичном, неподвижном объекте. Для представителей возрастной группы 40-55 лет в большей степени характерно избегание ситуаций нежелательного контакта с помощью мобильного телефона.

Структурные различия.

Возрастная группа 20-35 лет. Ядро представлений данной возрастной группы сосредоточено вокруг коммуникационной роли и многофункциональности мобильного телефона. Конкретизация функций телефона осуществляется периферической частью представления («СМС», «выход в интернет», «время», «развлечения»). Потенциально важные характеристики мобильного телефона связаны с личностными качествами его владельца («независимость», «уверенность», «коммуникабельность»). Период ранней зрелости связан с перестройкой социальных отношений личности: поиском постоянного места занятости, созданием семьи. Таким образом, мобильный телефон для данной группы является потенциальным средством позиционирования себя в обществе.

Возрастная группа 40-55 лет. Ядро представлений содержит указание на коммуникационную роль мобильного телефона. Конкретизация функций также осуществляется за счет периферической зоны представлений («игры», «собеседник», «будильник» и «новости»).

Потенциальная зона содержит указание на удобство мобильного телефона («удобно», «быстро», «качественно»), что отражает практическую ориентацию пользователей данной возрастной группы. Представители возраста средней зрелости характеризуются более выраженной осознанностью обособленности в области социального и семейного положения, стабильностью во взглядах и представлениях, что накладывает отпечаток на структуру социальных представлений о мобильном телефоне.

Следовательно, наша гипотеза о существовании структурных и содержательных различий социальных представлений о мобильном телефоне подтвердилась.

Данное исследование напрямую связано с проблемой особенностей выбора и использования мобильного телефона. Знание содержания представления позволяет сделать его выбор более эффективным, так как социальные представления определяют осмысление и понимание окружающего социального мира.

Социальные представления представляют собой сложную систему, способы организации и функционирования которой остаются темой для дискуссий. Формирование социальных представлений, по-видимому, обусловлено влиянием множества факторов, поэтому данная проблема требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Уч. пособие для студентов высших учебных заведений.-М.:Аспект Пресс, 2000.-288с.
2. Бовина И.Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы.-Автореф.дисс.-М.-2009
3. Гостев А.А. Актуальные междисциплинарные проблемы изучения образной сферы человека //Мир психологии.-2009.-№4(60).-С.196-205
4. Голынчик Е.О. Социальные представления о справедливости // Мир психологии, 2004, №3, с. 108-116
5. Грейс Крайг, Дон Бокум. Психология развития. 9-е изд.- Питер.-2005.- 940 с/
6. Доведов С.Н. Владение мобильным телефоном как субъективный фактор социальной стратификации.- Автореф.дисс.- М.- 2007
7. Паттисон А.С. Использование теории социальных представлений в поиске решений межнациональных проблем // Социальный мир человека – Вып.2: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальные миры изменяющейся России»/ Под ред. Н. И. Леонова. Ижевск: ERGO.- 2008.- С. 257-259
8. Семенов А.В. Социальные представления как способ познания// Актуальные проблемы психологии и педагогики: Межвузовский сборник научных работ. Часть I.- М.: ООО НИЦ «Инженер».- 2005. - С.139-151
9. Фоломеева Т.В., Серегина И.И.. Социальные представления о благополучии / // Мир психологии : научно-методический журнал / Ред. Д.И. Фельдштейн, А.Г. Асмолов. – 2004. – №3 июль-сентябрь 2004. - с. 122-133
10. Шалашова Е.О. Изучение социальных представлений о причинах стремления к политической власти // Теоретическая, эксперимен-

тальная и прикладная психология, Г. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, Т.4, с. 164-168, 2003

11. Boberg M. Mobile phone and Identity: A Comparative Study of the Representations of Mobile Phone among French and Finnish Adolescents. Academic dissertation. University of Joensuu, February 2008.

Чистяков И.В.,
Старший преподаватель МГТУ, г. Москва, Р.Ф.,
Шаймярдянов И.К.,
К.п.н., доцент кафедры физвоспитания МГТУ, г. Москва, Р.Ф.,

Один из способов измерения психомоторных качеств индивидуума в применении к осуществлению профессиональной деятельности в области музыки

Скорее всего, стоит согласиться с тем утверждением, что индивидуальные психомоторные качества конкретного индивидуума накладывают отпечаток на всю его профессиональную деятельность, осуществляемую в рамках социального общества.

Однако, к сожалению, бумажные опросники, предлагаемые психологами, почти всегда не отражают истинное «положение дел» у индивидуума и при определённом желании и умении можно ввести в заблуждение изучающего личность психолога. И тогда, как следствие, получаемые психологом результаты не вполне будут соответствовать действительности.

По мнению авторского коллектива, только при предельных, по скорости и амплитуде движениям испытываемой личности можно оценить «внутреннее содержание» индивидуума, определить то, на что он способен тогда, когда от него требуется предельная концентрация и внимание. Отметим, что не всегда «внешняя форма» индивидуума, его «экстерьер» определяет «наполнение» индивидуума. Слишком много индивидуальностей, которые очень и очень сложно учесть в полном объёме. Поэтому внешние антропометрические данные, изучающие «экстерьер» часто выдают недостоверную информацию.

В нашей жизни моментов, когда от человека требуется предельная концентрация внимания, бывает достаточно много. Оставим в стороне все экстремальные варианты и рассмотрим только два, где проявление данных качеств имеет не последнее значение: это спорт и музыка.

Для спорта данные качества важны, как показатель будущей успешности или неуспешности в соревновательной деятельности, элемент, без которого человек в спорте не добьётся успеха и его занятия спортом превращаются в занятия физкультурой.

А где же важны данные качества индивидуума в музыке?

На этапе профессиональной подготовки и отбора при занятиях музыкой.

Как пример. Если за музыкантами, так называемыми «юными дарованиями» установить педагогическое наблюдение, которое проводится в по определённой методике в течении длительного времени, то можно с высокой степенью достоверности прогнозировать дальнейшие успехи данного наблюдаемого индивидуума. И тогда, занятие музыкой может быть разделено на две категории, первая из которых это занятие музыкой для себя, то есть как бы любительское увлечение и занятие музыкой, как род профессиональной деятельности.

Практически как занятие физкультурой, возможно даже осуществляемое на профессиональной основе, но без активной соревновательной деятельности, так и занятие спортом, где соревновательная деятельность положена во главу угла или именно то, что ради этого и происходит занятие спортом.

Для конкретного примера в рамках данной статьи будем рассматривать музыканта, специализацией которого является игра на фортепиано.

Несомненно, что циклические движения в виде игры на данном инструменте в рамках концертной деятельности, особенно длительных концертах, сравни выступлению атлета спортсмена в ответственных соревнованиях.

Только если спортсмен соревнуется с соперниками в очном поединке, в единоборствах, или пытается улучшить свои результаты в борьбе со временем и пространством, то у музыканта такая задача не стоит принципиально. Задача музыканта состоит, в том числе в исполнении выбранного музыкального произведения в соответствии с установленным регламентом, единолично или в составе оркестра. Не последнюю роль играет и то, какая социальная составляющая, производящая впечатление на окружающих будет в исполненном произведении. У музыканта отсутствует, как таковая текущая соревновательная деятельность, нет видимых соперников. Возможно, некоторое исключение могут составить музыкальные конкурсы, где в некоторой степени происходит сравнение исполнителей и это похоже на соревнование спортсменов. Наиболее близкий вид спорта типа спортивная гимнастика, выступление женщин в вольных упражнениях на ковре, где идёт последовательное выступление спортсменов и важна не только техническая

составляющая выступления, но и артистизм и другие параметры, свойственные социальному воздействию на окружающих зрителей.

Однако, при чём тут некие показатели психомоторики индивидуума, которые изучаются авторским коллективом и на основании данных исследований делаются определённые выводы? Разберём последовательно часть методического обоснования принятого способа измерения.

При исполнении быстрого или очень быстрого произведения в суммарном получаемом результате, в том числе и технического характера, есть две основные составляющие, которые желательно разделять при проведении анализа исполнения произведения музыкантом.

Первая и основная составляющая как раз и определяется индивидуальными показателями психомоторики организма человека, его физиологией, как биологического существа.

У каждого индивидуума есть уникальные индивидуальные показатели скорости прохождения нервных импульсов при осуществлении двигательного акта, которые являются врождёнными, генетически определёнными и практически не подлежащие коррекции в процессе жизнедеятельности индивидуума.

Именно такие показатели и определяются теми тестами, которые используют авторы данной статьи при проведении своих педагогических наблюдений во время проведения «теппинг-теста по методике Чистякова-Радимова».

Для музыканта – пианиста максимальное количество кликов в единицу времени по клавише будет именно тем пределом, который определяет его возможности при исполнении произведения.

Как пример. Если исполнение произведения требует от музыканта, условно говоря, 80 кликов, то есть ударов по клавише за 10 секунд или 8 кликов в секунду, а его ЦНС (центральная нервная система) с учётом периферических органов может осуществить только 60 или 70 кликов, то с большой долей вероятности исполнение выбранного произведения будет неуспешным.

Здесь и далее используются реальные значения цифр, которые получены при измерениях в условиях Московского Горного Университета в рамках проведения педагогического наблюдения над студентами девушками начальных курсов.

Никакими средствами, никакой мотивацией, никакими педагогическими и иными приёмами нельзя изменить показатели психомоторики индивидуума. Надо просто отказаться от данного музыкального произведения в виду «профнепригодности» музыканта для таких показателей скорости исполнения.

Однако, чистого «кликания» по клавише, как такового, в музыке практически нет. Есть целостное произведение, которое требует определённого передвижения пальцев, как исполняющих периферических органов по клавишам.

Исследования авторского коллектива показывают, что здесь велика степень «научения».

Приведём пример. Для конкретного индивидуума были получены следующие результаты. Простое «накликивание» одним пальцем – среднее значение за 6 попыток, проводимых в течении 10 секунд, около 75 кликов. Это весьма и весьма посредственный результат.

Для справки: есть наблюдаемые индивидуумы, которые «накликивают» до 120 кликов за 10 секунд, то есть 12 ударов в секунду. Специализация данного индивидуума, можно сказать спортсмена – лёгкая атлетика, гладкий бег на 100-200 метров, то есть короткий спринт. Возраст 25 лет, мужчина.

А вот при перебирании указательным и средним пальцем, последовательное перебирание, сначала следует клик одним пальцем, затем другим, получены результаты, сильно отличающиеся от результатов других испытуемых. Около 60 «перебираний» за 10 секунд. Оказалось, что данный индивидуум, девушка, до поступления на учёбу занималась музыкой в музыкальной школе по классу фортепиано.

Некоторые девушки в рамках проводимого педагогического наблюдения вполне спокойно одним указательным пальцем «накликивают» цифру в 80 и даже 90 кликов за 10 секунд. Однако, при проведении варианта теста с перебиранием двух пальцев уровень, получаемых результатов даже ниже 40 перебираний за 10 секунд.

Авторский коллектив делает вывод, что возможно, данный тест с перебиранием двух пальцев показывает текущий уровень тренированности, при анализе которого можно сделать вывод о будущей «профпригодности» индивидуума для выбранного им инструмента специализации.

Однако, это всё-таки предварительные результаты.

«Теппинг-тест по методике Чистякова-Радимова» показывает тот биологический предел, которым возможен для конкретного индивидуума. Возможность его изменения чрезвычайно мала и без специальных, изучаемых авторами методов, скорее всего невозможна.

Это «накликивание» одним пальцем по манипулятору типа мышь в течении 10 секунд.

Перебирание двумя пальцами показывает уровень, характеризующий степень приближения индивидуума к предельному значению, определяемому генетическими данными, то есть уровень «профессионализма».

По мнению авторов статьи, на основании предварительно проведённых педагогических наблюдений, можно «ранжировать» музыкантов и определять степень их профпригодности для исполнения произведений в высочайшем темпе, который требует от музыканта предельной концентрации в работе всех физиологических органов.

В рамках данной статьи, чтобы не утомлять читателя, вопросы энергообеспечения двигательного акта при выполнении музыкального произведения специально не были затронуты. Это несколько упростило подход к статье, но сделало её более доступной для понимания.

Исследования авторским коллективом продолжаются полным ходом и получаемые результаты внушают оптимизм в том, что проводимые в ходе педагогического наблюдения исследования будут востребованы не только в спорте высших достижений, но и в музыке, «музыке высших достижений», где крайне важны все составляющие человека, как биологического существа.

РАЗДЕЛ 13. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Бистяйкина Д.А.

*К. социол. н., доцент кафедры социальной работы
ФГОУ ВПО «Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева»
г. Саранск, Россия*

Луконина Т.Ю.

*Студент кафедры социальной работы
ФГОУ ВПО «Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева»
г. Саранск, Россия*

Особенности реализации Республиканской целевой программы «Доступная среда» В Республике Мордовия

В настоящее время государство проявляет все возрастающую заботу об инвалидах. Внимание к инвалидам в современном обществе объясняется тем, что среди незащищенных категорий населения, именно они являются наиболее уязвимыми. Не только экономические, физические трудности являются проблемами для инвалидов, но и проблемы передвижения, общения, доступности информации. На протяжении российской истории, инвалиды воспринимались, как люди с физическими недостатками, и лишь в последнее время принципы полноценной жизни и равных возможностей для инвалидов постепенно, медленно, но неуклонно начинают утверждаться в сознании людей.

В настоящее время в Республике Мордовия проживает около 82 тыс. инвалидов, что составляет 9,9 процента населения.

Эффективным механизмом реализации государственной политики в решении проблем инвалидов в Российской Федерации стали целевые федеральные и региональные программы, объединяющие усилия различных ведомств.

В целях своевременной реализации мероприятий государственной программы Российской Федерации «Доступная среда на 2011-2015 годы, утвержденной Правительством Российской Федерации от 17.03.2011г. № 175, а также обеспечения участия Республики Мордовия в реализации государственной политики в отношении инвалидов и других маломобильных групп населения, создания для них доступной среды жизнедеятельности, постановлением Правительства Республики Мордовия от 19.03.2012г. № 82 утверждена Республиканская целевая программа «Доступная

среда» на 2012-2015 годы, а также индикаторы конечных результатов Данной Программы.

При разработке Программы были учтены предложения общественных организаций.

Целью программы является создание для инвалидов доступной и комфортной среды жизнедеятельности.

Общий объем финансирования составляет 215705,0 тыс. рублей, в том числе:

- средства республиканского бюджета Республики Мордовия – 119719,0 тыс. руб.;

- прогнозируемый объем средств местных бюджетов – 15646,0 тыс. руб.;

- внебюджетные средства – 340,0 тыс. руб.

К 2015 году планируется принятие нормативно-правовых актов для реализации мероприятий, обеспечивающих формирование доступной среды для инвалидов с учетом положений Концепции ООН о правах инвалидов. В настоящее время проводится анализ нормативных актов на предмет их соответствия названной Концепции.

Кроме этого, предполагается сформировать к указанному сроку карту доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения.

Одним из мероприятий программы является оснащение зала лечебной физкультуры Центра реабилитации и интеграции инвалидов войны Мордовской Региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане с целью апробации и внедрения современных методик лечебной физкультуры в восстановлении двигательных и других функций организма у военнослужащих, получивших ранение, травмы и увечья при ведении боевых действий.

Автономной некоммерческой организацией «Импульс» в рамках реализации программы будут предоставлены услуги по социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних, проведены коррекционно-развивающие занятия для детей с интеллектуальными и комплексными нарушениями путем проведения занятий по иппотерапии.

В целях увеличения количества общеобразовательных учреждений, в которых создана универсальная безбарьерная среда, позволяющая обучаться совместно детям-инвалидам и детям, не имеющим нарушения развития, в учреждениях образования проведены ремонтно-строительные работы по созданию необходимой инфраструктуры для организации беспрепятственного доступа детей-инвалидов.

В настоящее время количество образовательных учреждений , реализующих образовательные программы общего образования, в которых созданы условия для обучения детей-инвалидов, по Республике составляют 124, из них:

- в 89 образовательных учреждениях созданы условия для дистанционного обучения детей-инвалидов;

- 7 специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений;

В 18 образовательных учреждениях созданы условия для совместного обучения инвалидов и лиц, не имеющих нарушения развития.

В 2011 году в городском округе Саранск в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 годы создана сеть базовых общеобразовательных учреждений, реализующих образовательные программы общего образования, обеспечивающих совместное обучение инвалидов и лиц, не имеющих нарушения развития. В качестве базовых школ определены 10 муниципальных общеобразовательных учреждений, в которых создана универсальная безбарьерная среда.

В соответствии с реализацией Программы, по линии Министерства образования Республики Мордовия проведена комплексная адаптация 6-ти учреждений среднего образования. На сумму 8406,6 тыс. рублей были закуплены транспортные средства, установлен лифт, пандусы, интерактивные доски, приобретены сенсорные комнаты для 6 школ районов Республики Мордовия (МАОУ «Козловская средняя образовательная школа» Атяшевского муниципального района; МБОУ «Берсенеvская средняя образовательная школа» Лямбирского муниципального района; МБОУ «Ромодановская средняя образовательная школа №1» Ромодановского муниципального района; МБОУ «Ардатовская средняя образовательная школа» Ардатовского муниципального района; МБОУ «Поводимовская средняя образовательная школа» Дубенского муниципального района; МБОУ «Инсарская средняя образовательная школа №1» Инсарского муниципального района).

В целях создания равных условий доступа для получения качественного образования в республике проводится комплекс мероприятий по развитию дистанционного образования детей-инвалидов. В 2012 году в проекте дистанционного образования детей инвалидов участвовало 193 ребенка и 103 педагога.

Всем участникам проекта поставлено необходимое техническое оборудование, подключен безлимитный Интернет. Для каждого обучающегося разработаны индивидуальные образовательные программы. В целях просвещения, консультирования и психолого-

педагогической поддержки родителей, воспитывающих детей инвалидов, создан сайт «Особые дети» (<http://i-way.edurm.ru/>).

Специальные (коррекционные) школы-интернаты обеспечены необходимым специальным оборудованием:

- тифлооборудованием и книгами с увеличенным шрифтом, шрифтом Брайля для слабовидящих детей;

- сурдооборудованием для слабослышащих и глухих детей.

В специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях Республики Мордовия, подведомственных Министерству образования, занятия проводятся по программам общеобразовательных, специальных (коррекционных) школ, а также по индивидуальным программам, скорректированным для каждого ребенка с учетом его интеллектуальных и физических возможностей.

Однако, не смотря на принятые меры по обеспечению доступности образовательных учреждений с целью создания условий для предоставления детям-инвалидам с учетом особенностей их психофизического развития равного доступа к качественному образованию, произошло снижение контингента учащихся инвалидов (детей-инвалидов) в ряде образовательных учреждений: в школах и школах-интернатах общего типа – со 1128 чел. в 2009/2010 учебном году до 964 чел. в 2012/2013 учебном году; в средних профессиональных учебных заведениях со 119 чел. в 2009/2010 учебном году до 88 чел. в 2012/2013 учебном году; в высших учебных заведениях – с 272 чел. в 2009/2010 учебном году до 218 чел в 2012/2013 учебном году.

Инфраструктура действующих образовательных учреждений не позволяет детям-инвалидам учиться вместе со своими сверстниками в общеобразовательных школах.

По линии Министерства спорта и туризма Республики Мордовия в 2012 году за счет предоставленной из Министерства спорта Российской Федерации субсидии в размере 1401,1 тыс.рублей для Государственного бюджетного учреждения дополнительного образования «РКДЮ спортивно-адаптивная школа «Прометей» приобретен 18 местный автобус марки «Peugeot» для перевозки инвалидов.

С 2014 года предполагается активное участие субъектов Российской Федерации в реализации программных мероприятий с предоставлением средств федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 1225.

К субъектам Российской Федерации установлен ряд требований, и основное из них – наличие комплексной программы, направленной

на достижение целей, задач и целевых показателей (индикаторов) Государственной программы.

Разработанный проект Республиканской программы (на основе примерной программы субъектов Российской Федерации по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других малогабаритных групп населения утвержденных приказом Минтруда России от 06.12.2012г. № 575 «Об утверждении примерной программы субъекта Российской Федерации по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других малогабаритных групп населения») в 2012-2013 гг. доработан и направлен в Минтруд России для рассмотрения на заседании Координационного совета по контролю за ходом реализации Государственной программы.

Таким образом, можно сделать вывод, что государство постепенно подходит к интеграции лиц с ограниченными возможностями в социум, к механизму создания равных возможностей инвалидам, для того чтобы быть социально востребованными, восстановления социального статуса личности, обеспечения социальной адаптации в обществе, достижения материальной независимости. Реализация программы должна создать условия, соответствующие требованиям и нормам цивилизованного государства, при которых инвалид, как и любой гражданин, имеет возможность на равных условиях получить образование, трудиться, материально обеспечивать себя и иметь доступ ко всем объектам социальной, производственной и хозяйственной инфраструктуры.

Волколупова Ю.М.

Социальный педагог

*Государственного бюджетного образовательного учреждения
среднего профессионального образования города Москвы*

Педагогический колледж № 4

г. Москва, Россия

Жить в согласии с маленьким взрослым

Какие они подростки XXI века? Вот идем мы по улице, и мимо нас мелькает множество людей. Каждый занят своими проблемами, все мы спешим ..... Наш век – век продвинутых технологий, развитого культурного общества занят миллионом проблем или радостей. И каждый из нас проходит мимо, не замечая друг друга. Кто он тот самый маленький гражданин нашей большой страны, обладающий с одной стороны достаточным количеством прав и ответственности, но являющийся еще ребенком?

Он идет по улице, одежда вызывающе - яркая, громко разговаривает, слушает музыку, не совсем понятную обществу, но модную для него, он не читает книг, а рассматривает яркие журналы, гуляет до утра и бесконечно требует денег на свои развлечения, употребляет алкоголь и курит. Он тот самый «взрослый», который уже вроде бы готов им быть, но так беспомощен в незнакомых новых для него ситуациях. Родители такого ребенка находятся в недоумении, как их недавно тихий, ласковый, учащийся на одни четверки и пятерки ребенок превратился в «неуправляемого монстра». А самое главное они не понимают, как им быть и что делать. Ведь дети появляются на свет без сопроводительной инструкции, и родителям, по большому счету, приходится справляться с ними по собственному разумению. К тому же они невысказанно сложны, и у родителей нет гарантированной формулы, которая работала бы во всех случаях [1, с. 8]

В сложившейся ситуации родителям кажется, что наступило трудное время. Они расстроены, обеспокоены, может быть, даже разгневаны тем, как ведет себя их ребенок-подросток. В глазах всего мира проблема таких родителей может казаться частной, личной и очень незначительной. Но она может быть и настолько значительной, что в ее решение оказываются вовлеченными окружающие – учебное заведение или полиция.

В любом случае для родителей все подобные ситуации представляются значительными, заставляя беспокоиться о том, чем же все это кончится, что он или она сделает в следующий раз; и, возможно, задуматься: как вы сами будете жить с этим человеком до тех пор, пока он или она не достигнет взрослости [2, с.7].

С другой стороны мы мало задумываемся над тем, что ведь трудно не только с ним, трудно в первую очередь ему самому. Значит, именно этот ребенок нуждается в особом внимании и помощи родителей, педагогов [4].

«Проблемные», «трудные», «непослушные» и «невозможные» дети, так же, как дети «с комплексами», «забытые» или «несчастные» – всегда результат неправильно сложившихся отношений в семье [2, с.2].

В отношениях с детьми важно не только то, чему мы их учим, но и то, как помогаем переживать трудности. Умение слушать, выражать себя, быть позитивным, разрешать конфликты входят в техники общения [3, с.4]. Мировая практика психологической помощи детям и их родителям показала, что даже очень трудные проблемы воспитания вполне разрешимы, если удастся восстановить благоприятный стиль общения в семье [2, с.2].

Робертом и Джинном Байярдом предлагаются следующие способы по усовершенствованию общения родителей и детей-подростков:

1. Успокойтесь и подбодрите себя. Работая над улучшением той или иной ситуации во взаимоотношениях с ребенком, важно позволить себе поверить в самую возможность такого улучшения – а для этого надо научиться расслабляться, видеть перспективу в вашей ситуации и обретать определенную степень внутренней умиротворенности [1, с.9].

2. Передайте ребенку ответственность за его собственную жизнь. Возможность предоставить ребенку право совершать ошибки может создавать трудности и даже пугать родителей. Это может происходить из-за стремления быть хорошим родителем, но стремление контролировать жизнь ребенка в соответствии с вашими представлениями, может оказывается безуспешным. Если же этот контроль успешен, то ваш ребенок может упустить возможность лучше освоить самостоятельный образ жизни.

Для того, чтобы и вы, и ваш ребенок смогли освободиться от проблем в ваших взаимоотношениях и перестали испытывать связанное с ними беспокойство:

- замечайте любые проявления своей привычки принимать решения за ребенка и начните освобождаться от нее;

- научитесь получать удовольствие от принятия решений вашим ребенком;

- измените некоторые из ваших мыслей и убеждений относительно вашего ребенка.

3. Измените ваши собственные мысли и убеждения. Иначе говоря, если вы верите, что ваш ребенок (или вы сами) плох, беспомощен или труслив, вы, совершенно не осознавая этого, будете и вести себя так, чтобы сделать вашего ребенка (или самого себя)

именно таким. С другой стороны, если вы убеждены, что он или она изначально наделены положительными качествами, способны принимать верные решения и самостоятельно руководить собственной жизнью, то вы неизбежно и без особых усилий будете и воздействовать на ребенка именно в этом направлении [1, с.35].

4. Если вы решили, что вам нужно установить более равноправные взаимоотношения со своим ребенком, то теперь вы должны определить, каковы ваши права, и начать отстаивать их. Будьте готовы к тому, что вам придется потрудиться над выработкой у ребенка новых представлений о справедливости ваших прав. Не бойтесь столкновений, ведь через них вы отдаете – частицу самого себя и в этом очень нуждаются ваши дети.

5. Будьте открытыми, ведь ваша открытость – главное в установлении равноправных отношений с ребенком и благополучного разрешения проблем.

Согласиться с выше сказанным легко. Научиться жить по новому, во всех тех разнообразных ситуациях, которые преподносит вам жизнь, - трудно.

Помните, что большинство семей, проходящих через период подростничества своих детей сталкивались с трудностями. Вы не одиноки. Буквально сейчас тысячи родителей проходят через то же самое, что и вы; а еще больше родителей испытали все это в прошлом.

Литература

1. Байярд Р. Т., Байярд Д. Ваш беспокойный подросток: практ. рук. для отчаявшихся родителей/[пер. с англ. А. Б. Орлова]; Научно-внедрен. лаб. психопедагогике образования.- М.: Акад. Проект,2003.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? - М.: ЧеРо, Сфера, 2003.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Продолжаем общаться с ребенком. Так? – М.: АСТ, Астрель, 2008.
4. www.silknet.ru/content/trudnye-podrostki

Гущеварова С.Ю.

*Учитель истории и обществознания, социальный педагог
МБС(к)ОУ «Специальная (коррекционная)
общеобразовательная школа № 54 VIII вида»
г. Пермь, Россия*

Система социально-педагогической работы с дисфункциональной семьей в условиях коррекционного развития и воспитания

Главным социальным институтом, располагающим широким диапазоном уникальных средств влияния на формирование и саморазвитие личности, является семья. Это коллектив, играющий в воспитании основную, долговременную и важнейшую роль. В связи с особой воспитательной ролью семьи, необходимо направлять усилия на восстановление взаимопонимания в семье, повышение педагогической культуры и правовой грамотности родителей, на совершенствование воспитательного потенциала семьи.

Особенно требуется от родителей огромных физических и духовных сил в воспитании ребенка, имеющего ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). Взрослым важно сохранить физическое здоровье и душевное равновесие, терпимость и оптимизм. От того, как по отношению к ребенку ведут себя родители, будет зависеть судьба ребенка и самой семьи в целом. Поэтому, наилучший способ в развитии и воспитании детей с ОВЗ – это помощь их родителей, и в целом семьи, во всех сферах жизнедеятельности ребенка.

В последние годы отмечается падение педагогического потенциала семьи, престижа семейных ценностей. Исходя из этого, подход к семье и условиям воспитания в семье должен осуществляться системно и методически правильно.

В нашем учреждении социально-педагогическая работа с семьей строится по следующему алгоритму:

- диагностический этап;
- аналитический;
- реализационный;
- результативно-оценочный.

В качестве методов изучения семьи используются следующие формы работы: педагогическое наблюдение, изучение социально-бытовых условий проживания, беседы с детьми и родителями, консультации узких специалистов, анкетирование и тестирование.

На основе наблюдения и семейных условий воспитания неблагополучные семьи можно классифицировать (на основе разработок Л. Алексеевой и А. Захарова):

Тип семьи	Признаки
С дефицитом воспитательных ресурсов	В семье отсутствует один из родителей. Воспитанием ребенка могут заниматься родственники.
Конфликтная	В семье царит атмосфера недовольства, недоверия, раздражения, агрессивности.
Нравственно неблагополучная	В семье узкий круг духовных и культурных интересов и ценностей, пассивная социальная позиция, безынициативность.
Педагогически некомпетентная	Родители допускают ошибки в воспитании ребенка, наиболее типичные из них: авторитарность, попустительство, гиперопека (гипоопека), непоследовательность и противоречивость, недостаточная отзывчивость, инверсия родительских ролей (одностороннее женское/мужское влияние, самоустранение матери/отца от воспитания).
Асоциальная	Распушенность со стороны родителей (пьянство, тунеядство), один из членов семьи имел судимость или отбывает срок.

Из анализа и обобщения полученной информации планируются мероприятия по улучшению и стабилизации семейных воспитательных условий развития ребенка, на преодоление семейных трудностей любыми видами доступной помощи.

1. Психолого-педагогическая помощь родителям и ребенку (направлена на преодоление психологических барьеров в области семейного общения, психолого-педагогическую поддержку детям, на преодоление неблагополучных жизненных семейных ситуаций):

- психологическая диагностика и коррекция эмоционально-волевой сферы и регуляции;
- определение программы обучения на ШПМК (школьный медико-педагогический консилиум);
- коррекционные занятия с узкими специалистами школы (логопед, психолог, социальный педагог);
- дополнительные занятия с детьми по оказанию помощи в учебе с педагогами-предметами;
- патронаж семьи (представляет собой посещение на дому с диагностическими, контрольными, адаптационно-реабилитационными целями, позволяющими устанавливать и поддерживать длительные связи с семьей, своевременно выявлять проблемные ситуации, оказывать незамедлительную помощь);
- вовлечение детей в систему дополнительного образования;
- взаимодействие с субъектами профилактики (КДН и ЗП, ОДН).

2. Медико-социальная помощь (необходима для содействия лечению, медицинское консультирование, санитарного просвещения

детей и родителей по профилактике заболеваний, формированию навыков ЗОЖ):

- консультация врача-психиатра, невропатолога с целью компетентной помощи для коррекции эмоционально-волевой сферы и регулятивной функции ребенка;
- помощь родителям специалистами (психиатра, нарколога и др.);
- помощь семье со стороны родственников и ближайшего окружения;
- учет семей в учреждениях и органах социальной защиты;
- осуществление устройства детей в специализированные учреждения для социальной реабилитации при бродяжничестве, проявлении негативных форм социального поведения.

3. Юридически-правовая помощь:

- информирование детей и родителей об их правах и свободах;
- информирование детей и родителей об их обязанностях;
- выявление нарушений прав и интересов детей и их защита;
- помощь в оказании консультации юриста.

4. Лечебно-оздоровительные мероприятия (организация оздоровительного отдыха и досуга учащихся):

- организация отдыха детей в ЛДО, в ЛТО, загородных лагерях, туристических лагерях и сплавах;
- оздоровление в лечебно-оздоровительных учреждениях;
- медицинское обследование нуждающихся.

5. Материальная помощь:

- содействие в улучшении ЖБУ (ремонт квартиры, приобретение одежды, учебных принадлежностей, игрушек);
- содействие в трудоустройстве родителей через ЦЗ населения;
- содействие в социальных выплатах (пособие многодетной малоимущей семье).

После проведенных мероприятий с семьей, проводится оценка результативности работы на основе следующих показателей:

Ребенок (обеспечение безопасности и благополучия)		
Потребности ребенка	Способность быть родителем	Семейные и социальные факторы
<ul style="list-style-type: none"> - здоровье; - образование; - поведенческие навыки; - навыки самообслуживания; - отношение с семьей и обществом; - социальная адаптация 	<ul style="list-style-type: none"> - уход и забота; - обеспечение безопасности; - эмоциональное тепло; - развитие; - контроль; - стабильность 	<ul style="list-style-type: none"> - социальная интеграция семьи; - работа и доход; - условия проживания и условия воспитания

Положительная динамика семейной ситуации оценивается по критериям:

- 1) выстроены доверительные отношения с семьей;
- 2) семья признает проблемы и обращается за рекомендациями и помощью узких специалистов;
- 3) симптоматическое поведение ребенка более не наблюдается или стабилизируется;
- 4) сфера социализации ребенка и семьи расширилась.

Оценивая результаты социально-педагогических мероприятий, комплексную работу с семьей можно приостановить, но в течение всего периода обучения ребенка в школе семья должна находиться на контроле администрации ОУ.

Литература

1. Азаров Ю.П. Семейная педагогика//М.: Просвещение,1985;
2. Айвазян Е.Б., Павлова А.В., Одиноква Г.Ю. Проблемы особой семьи//Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2008, № 2, 3
3. Беличева С.А. Психологическое обеспечение охранно-защитной превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних//М.: Просвещение, 2003;
4. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи//М.: Просвещение, 1998;
5. Инструктивно-методическое письмо об организации ранней профилактики СОП//Департамент образования г. Перми, Управление содержанием и технологиями, 2007;
6. Карпунова Н.М. О десоциализирующем влиянии стиля родительских отношений в дисфункциональной семье//Дефектология, 2009, № 5;
7. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение//Избранные педагогические сочинения в 2 т. т.1//М.: Педагогика, 1951;
8. Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. Учебное пособие для студентов ВУЗ. Под ред. В.И. Селиверстова//М.: ВЛАДОС, 2003;
9. Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей: учебное пособие//М.: Дрофа, 2007;
10. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция//М.: ГУ, 1990.

Игнатова Е.В.
*Специалист учебно-методического управления
Пермского института экономики и финансов
г.Пермь, Россия*

Теоретические аспекты понятия неблагополучной семьи

Проблема семейного неблагополучия является одной из актуальных проблем современного общества. Распространенность семейного неблагополучия в России, жестокого обращения с детьми в семье рассматривается как одна из основных проблем в сфере детства, обозначенных в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы.

Но какие семьи можно характеризовать как неблагополучные, а какие нет? Где находится граница перехода благополучной семьи в неблагополучную? Кандидат медицинских наук, детский психиатр М.И.Буянов, писал, что все в мире относительно - и благополучие, и неблагополучие. В научных исследованиях нет однозначного определения неблагополучной семьи. Каждый автор вкладывает свой смысл в это определение, поэтому во многих исследованиях понятие «неблагополучная семья» имеет разный смысл.

Так, Н.Ф.Басов и В.М.Басова к неблагополучным семьям относят семьи, которые в течение определенного времени не способны противостоять воздействию дестабилизирующих внесемейных и внутрисемейных факторов. По мнению авторов, неблагополучными семьями являются криминальные семьи (в семье жестоко обращаются с детьми, имеется угроза жизни и здоровью членов семьи, члены семьи ведут аморальный образ жизни), конфликтные семьи и педагогически несостоятельные (при внешнем благополучии семьи в поведении детей проявляются девиации). [5, с. 67]

Т.И.Шульга под неблагополучной семьей понимает семью, в которой ребенок испытывает неблагополучие, где отсутствует благо для ребенка. Это может быть семья полная и неполная, экономически состоятельная и экономически несостоятельная и т.д. Главной характеристикой неблагополучной семьи является отсутствие любви к ребенку, заботы о нем, удовлетворения его нужд, защиты его прав и законных интересов. [8, с. 12] Таким образом, по мнению автора, уровень материальной обеспеченности семьи, ее состав не являются определяющими характеристиками семейного неблагополучия.

Такой же точки зрения придерживается М.И.Буянов, отмечая, что первым и главным показателем неблагополучия семьи являются дефекты воспитания. Ни материальные, ни бытовые, ни престижные показатели не характеризуют степень благополучия или неблагополучия семьи.

М.А.Галагузова, И.Ф.Дементьева, В.Д.Москаленко, Л.Я.Олиференко, В.М.Целуйко считают, что неблагополучная семья характеризуется низким социальным статусом в разных сферах жизнедеятельности, значительно сниженными адаптивными возможностями. Такая семья не справляется с возложенными на нее функциями, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями. [8, с. 18]

М.А.Галагузова кроме неблагополучных семей выделяет категорию асоциальных семей. В асоциальных семьях, как отмечает автор, родители ведут аморальный, противоправный образ жизни, жилищно-бытовые условия не отвечают элементарным санитарно-гигиеническим требованиям, воспитанием детей, как правило, никто не занимается, дети оказываются безнадзорными, отстают в развитии, становятся жертвами насилия.

По мнению Н.Н.Бессоновой, Ю.Н.Галагузовой семьи, которые не выполняют жизненно важные для развития и социального становления ребенка функции, объединяются понятием «неблагополучные семьи». К данной категории семей авторы относят семьи с низким материальным достатком, семьи, ведущие асоциальный образ жизни, семьи, в которых нарушены детско-родительские отношения (т.е. имеют место конфликты, насилие, отчуждение, безразличие и т.п.).

И.В.Маркина рассматривает следующие типы неблагополучных семей:

1. Проблемные семьи, которые характеризуются в основном нарушением педагогической компетентности родителей. В основном это конфликтные семьи с дисгармоничным стилем воспитания.

2. Асоциальные семьи, в них доминируют такие явления как алкоголизм, пренебрежение нуждами детей. Но детско-родительские отношения в таких семьях полностью не разорваны.

3. Антисоциальные семьи. Проживание детей в таких семьях является крайней степенью семейной дисфункции, которая характеризуется несоблюдением моральных, нравственных норм в отношении несовершеннолетних, противоправным антиобщественным поведением.

4. Аморальные семьи – семьи, полностью утратившие семейные ценности, где наблюдается безнадзорность, беспризорность, жестокое обращение с детьми. [3, с. 22]

Б.Н.Алмазов среди неблагополучных семей выделяет:

1. Семьи с недостатком воспитательных ресурсов. К ним относятся разрушенные или неполные семьи; семьи с недостаточно высоким общим уровнем развития родителей, не имеющих возможности оказывать помощь детям в учебе; семьи с низким

материальным уровнем. Эти семьи создают неблагоприятный фон для воспитания детей.

2. Конфликтные семьи.

3. Нравственно неблагополучные семьи.

4. Педагогически некомпетентные семьи. В таких семьях надуманные или устаревшие представления о ребенке заменяют реальную картину его развития. [6, с.136]

Неблагополучные семьи характеризуется невыполнением семейных функций (воспитательной, социализирующей, первичного социального контроля, организации досуга и отдыха, эмоциональной, экономической, коммуникативной и др.).

В своем единстве все функции семьи представляют собой систему семейных отношений. Рассогласование функций (дисфункция) приводит систему в аномальное состояние. Игнорирование какой-то функции приводит к дестабилизации семейного образа жизни.

Семью, которая нормально выполняет свои функции, вследствие чего удовлетворяет потребности всех своих членов, называют нормально функционирующей. В дисфункциональной семье удовлетворение потребностей оказывается нарушенным, что деструктивно сказывается на многих сферах ее жизнедеятельности и препятствует реализации личностного потенциала отдельных членов семьи.

Многие ученых наряду с понятием «неблагополучная семья» используют понятие «семья группы риска» (семья социального риска).

Так, М.В.Фирсов, Е.Г.Студенова отмечают, что семьи, имеющие проблемы с социализацией детей и трудностями адаптации на рынке труда, определяются как семьи группы риска, или неблагополучные семьи. Таким образом, понятия «семьи группы риска» и «неблагополучные семьи» приравниваются.

В национальном стандарте Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» дано определение семьи, находящейся в социально опасном положении, и семьи группы риска, однако, понятие неблагополучной семьи в данном документе вообще отсутствует. Так, семья группы риска - это «семья, имеющая в своем составе алкоголиков, наркоманов, токсикоманов или лиц, совершающих правонарушения или другие антиобщественные действия». [1]

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы отмечается высокий уровень социального неблагополучия в семьях, которое сопряжено с пьянством и алкоголизмом, наркозависимостью, деградацией семейных и социальных ценностей, социальным сиротством. [4]

Многие авторы рассматривают неблагополучные семьи и семьи группы риска (семьи социального риска) как две разные категории.

М.А.Галагузова отмечает, что семьи группы риска характеризуются наличием некоторого отклонения от норм, не позволяющего определить их как благополучные. У таких семей снижены адаптивные способности, они с большим напряжением справляются с задачами воспитания ребенка.

Среди семей группы риска выделяют неполные, многодетные, малообеспеченные, безработные, опекунские семьи, имеющие в составе инвалидов, семьи беженцев и вынужденных переселенцев и др. Как отмечает Е.И.Холостова, эти категории семей в силу объективных или субъективных причин находятся в состоянии жизненного затруднения и нуждаются в помощи со стороны государственной системы социальной защиты и социального обслуживания.

Если семьи группы риска могут стать неблагополучными, а могут и удержаться, пережить сложный период, то неблагополучные семьи уже эту грань перешагнули.

Российским законодательством введено понятие «семья, находящаяся в социально опасном положении», - это семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. [7, с. 1]

Критериями социально опасного положения семьи являются употребление несовершеннолетним алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива, наркотических, психотропных и одурманивающих веществ; злоупотребление родителями (законными представителями) алкогольными напитками и психоактивными веществами; бродяжничество, попрошайничество несовершеннолетнего; вовлечение детей в занятия бродяжничеством и попрошайничеством; совершение несовершеннолетним правонарушений, общественно опасных деяний, преступлений; обвинение или подозрение в совершении преступлений; уклонение родителей (законных представителей) от обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению детей; жестокое обращение с детьми.

В последние годы исследователи феномена семейного неблагополучия отмечают нарастание отчуждения между родителями и детьми вплоть до его гипертрофированных форм – полного самоустранения родителей от выполнения своих воспитательных функций или отказа от родительских прав. Следствием является появление безнадзорности, беспризорности, социального сиротства. [2, с. 26]

Таким образом, в рамках данной статьи рассмотрены только некоторые из определений и классификаций неблагополучных семей. Несмотря на многообразие определений, все они сводятся к тому, что образ жизни неблагополучной семьи, в первую очередь, негативно влияет на формирование и развитие личности ребенка в физическом, психическом, духовном и социальном аспектах.

Литература

1. ГОСТ Р 52495-2005 Социальное обслуживание населения. Термины и определения.
2. Иванова Н. Неблагополучные семьи как причина трудной жизненной ситуации детей // Социальная педагогика . – 2008. - № 2. – С.25-33.
3. Маркина И.В. Неблагополучные семьи – какие они? // Социальная работа. – 2009. - № 3. - С.21-24
4. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы / www.garant.ru Информационно-правовой портал
5. Основы социальной работы. / под ред. Н.Ф.Басова. М., 2007
6. Рожков М.И. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением. М., 2006.
7. Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» / www.garant.ru Информационно-правовой портал
8. Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей. М., 2005.

Суворова Н. В.

*Магистрант направления подготовки
031600.68 Реклама и связи с общественностью,
ФГБОУ ВПО РАНХиГС при Президенте РФ
Поволжский институт управления им. П.А.Столыпина
Г. Саратов, Россия*

Роль мультипликации в процессах социализации ребенка

Важная особенность социального развития ребёнка дошкольного возраста – преобладание образных форм познания. Если до трёх лет у малыша преобладает наглядно-действенное мышление, то после трёх лет, оно постепенно сменяется наглядно-образным мышлением. Именно в этот сензитивный период дети наиболее восприимчивы к визуальным образам. Это именно тот момент, когда у ребёнка активно развиваются все сферы деятельности: творческая, эстетическая, речемыслительная. Поэтому очень важно, чтобы в этот период дошкольника окружали добрые мультфильмы, которые имеют

воспитательное значение, которые учат малыша дружить и сочувствовать, помогать товарищам и защищать слабого, быть щедрым и великодушным, любить родителей и бабушку с дедушкой, покажут выход из многих непростых ситуаций, избавят от детских страхов.[6, 114]

Мультипликация как современный интегрированный вид искусства и обучения позволит: решать вопросы социального развития дошкольников; расширять границы познания; формировать у детей способность разносторонне и вариативно рассматривать, осознавать и оценивать конфликтные ситуации, явления окружающей действительности, предлагаемые мультипликацией; расширять границы поиска решений поставленных задач за пределами мультипликационного пространства; активно включать детей в процесс творчества: решать конкретные поставленные творческие задачи, а так же самостоятельно ставить перед собой и раскрывать их на практике; формировать целостное гармоничное сознание дошкольника, позволяющее ему адекватно воспринимать произведения искусства, явления действительности, формировать эстетические оценки и предпочтения, а так же активизировать свободу творческого проявления; создать особое образовательное пространство: культурное, патриотическое, интеллектуальное, эстетически и творчески активное, в центре которого - развивающаяся, думающая, мыслящая личность ребёнка.[7, 86]

Проблема заключается в том, что родители, педагоги, воспитатели не осознанно подходят к выбору мультфильмов для детей. На данный момент нет четко сформированной системы использования мультфильмов с целью научения и образования детей.

Цель данной работы рассмотреть возможности мультипликации как способа социализации детей дошкольного возраста и провести анкетирование среди родителей, отражающее использование мультфильмов как способа социализации ребенка.

Проблема формирования личности ставит перед искусством особые задачи и требует определения его места в комплексном подходе к воспитательной деятельности общества. Представители функциональной теории считают, что нельзя недооценивать научные возможности понятия «функции искусства», позволяющего более дифференцированно и конкретно описывать воздействие искусства на человека и общество, с тем чтобы оптимизировать это воздействие.[5, 147]

Исследователи, разрабатывавшие эту идею, предлагали достаточно обширный список функций художественного произведения, число которых достигало четырнадцать и более наименований. В этом перечне значились познавательная функция, эмоциональная функция (воздействие на эмоциональную сферу человека), коммуникативная функция (восприятие «художественного

произведения как передатчика вложенной в него художником информации»), эвристическая функция (побуждение реципиентов к творчеству вообще и к художественному творчеству в частности), агитационно-воспитательная функция (побуждение реципиентов к действиям, к изменению своих установок, убеждений или взглядов).

Человек впервые годы жизни воспринимает гораздо больше информации, чем за всю свою последующую жизнь. О ребенке часто говорят «впитывает как губка». В связи с этим ответственность находящихся рядом с ним взрослых, будь то, родители, родственники, воспитатели, педагоги, состоит в том, чтобы «эта губка» впитывала в себя полезную, формирующего позитивного порядочного человека, информацию.

Искусство в данный исторический момент весьма разнообразно и многолико. Одним из популярных видов массового современного искусства являются мультипликационные фильмы (мультфильмы) [3]. Мы подразумеваем под мультфильмами не только созданные таким способом фильмы, но и другие фильмы, созданные путем анимации, компьютерной графики и т.д. Мультфильм – отражение современной культуры. Совершенно очевидно, что мультфильмы, как и другие виды искусства, отражают ценности той или иной и цивилизации: так, например, можно разделить мультфильмы по группам (мультфильмы советского периода, современные западные и российские мультфильмы; японские мультфильмы и т.д.). Поэтому мультфильм, безусловно, обобщенно выражает ценности того сообщества и того времени, в котором создается. Но мультфильм – не просто носитель культуры, это активный носитель культуры, формирующий культуру подрастающего поколения.[1]

Культуру, ценности, образцы поведения у ребенка с самого рождения начинают закладывать в большей или меньшей степени практически все факторы, с которыми ребенок соприкасается. Мультфильм – один из самых первых друзей ребенка из области искусства. Конечно, книги тоже очень важны. Но существенное отличие мультфильма от книги в том, что для «соединения» с книгой нужен другой человек (поскольку ребенок еще не умеет самостоятельно читать), а для «дружбы» с мультфильмом зачастую не нужен никто. Ребенок способен самостоятельно с ним взаимодействовать (работать).[1]

Содержание мультфильмов как способа социализации ребенка можно условно разделить на следующие группы: элементарные знания и представления о мире; новые слова и предметы, явления; модели поведения и взаимоотношений между людьми; человеческие ценности, эстетический компонент. Мультфильмы передают ребенку в доступной форме общечеловеческий опыт, культуру, традиции и историю народа.

В настоящее время вопрос о влиянии телевидения на социализацию ребенка становится все более актуальной. Естественно, что ребенок становится самым беззащитным перед влиянием телевидения на психику. Это отражается еще тем, что у дошкольника нет средств самозащиты. Исследователи этой проблемы делают акцент на негативное влияния ток-шоу или фильмов, и не принимая во внимания влияния мультипликации, так как считается что все мультфильмы созданы для детей и не могут нести вред детям. Однако современные мультфильмы способны нанести огромный вред развитию ребёнка. Поэтому первоочередной проблемой мы считаем проблему психологического влияния мультипликации на ребёнка, прежде всего, влияния на его эмоциональную сферу.

Известно, что с распадом СССР в мультипликации настал кризис. В силу экономических обстоятельств мультфильмы просто перестали сниматься, а когда открылся «железный занавес» в страну хлынул огромный поток зарубежной мультипликации разного качества. Наши мультфильмы подменили зарубежными аналогами, в основном американского производства, чьи культурные ценности не соответствуют русскому национальному самосознанию. Замещение отечественных мультфильмов западными аналогами привело к разрушению естественного механизма национальной самоидентификации. Наиболее уязвимой частью населения в этом плане являются дети, родившиеся в постсоветский период, которые растут и развиваются в принципиально новом информационно-культурном пространстве.[2]

Дети 90-х годов, воспитанные на американских мультфильмах, компьютерных играх, стремительно теряют связь с историей своей страны, своих предков. Это подрывает преемственность в сфере культурных и нравственных ценностей, понижает порог сопротивляемости инородной культуре. Современные психологи только три-четыре года назад стали бить тревогу, по поводу того, какой негатив несут западные мультфильмы и как отрицательно это отражается на развитии всех сторон личности ребёнка. Они обеспокоены обилием на экране сцен жестокости, убийств и насилия. Большинство западных мультфильмов: оупляют, развращают, развивают чувство агрессии в детях, подают им пример искаженных ценностей.[4, 62]

При анализе современной мультипликации были выявлены следующие её особенности: яркость и образность, краткость и динамичность образов, присутствие реального и фантастического, добрых и злых сил, анимизм (одушевление неодушевленных предметов). Психологические механизмы мультипликации как вида искусства особенно воздействуют на сознание ребёнка – дошкольника. При просмотре мультфильмов срабатывают механизмы формирования массового поведения: заражение, внушение и подражание.

События, происходящие в мультфильме особенно влияют на эмоциональную сферу дошкольника. В этот период у него интенсивно начинают развиваться социальные эмоции и нравственные чувства, в преддошкольном возрасте отсутствовавшие или наблюдавшиеся в зачаточном состоянии. Поэтому очень важно, чтобы в этот период дошкольника окружали добрые мультфильмы, которые имеют и воспитательное значение, учат дружить и сочувствовать, помогать товарищам, любить родителей, показывают выход из многих ситуаций, то есть отвечают актуальным потребностям дошкольника в познании мира. Однако таких мультфильмов, которые не наносят вред развивающейся личности, на сегодняшний день очень мало.

Автором было проведен анкетный опрос. С помощью проведенного анкетирования было выяснено, что все опрошенные родители используют мультипликацию как способ воспитания детей. Большинство родителей используют почти все доступные способы показывания мультипликационных фильмов своим детям. На вопрос смотрит ли ваш ребенок мультфильмы каждый день 62% респондентов сказали, что их ребенок просматривает мультфильмы каждый день, 31% родителей показали, что их ребенок просматривает мультфильмы не каждый день, отвечая на следующий вопрос, они отметили, что просмотр мультфильмов происходит 4-5 дней (68%) или 2-3 дня (32%). Иными словами на этих детей через мультипликацию оказывается постоянное воздействие.

Мы выяснили, что меньше 30 минут мультфильмы не смотрит ни один ребенок. По 30% родителей ответили, что просмотр мультфильмов занимает у детей «от 30 минут до 1 часа» и «свыше 2 часов». 35 % дали ответ – «от часа до 2 часов». Ответы на данный вопрос разделились почти поровну между тремя вариантами ответов. Можно предположить, что те, кто ответили «более 2 часов» с помощью мультфильмов занимают детей на длительное время, благодаря этому дети не тревожат их определенное время.

100% опрашиваемых считают, что с их стороны осуществляется контроль над просмотром мультфильмов их детьми. 79% детей берут сюжет мультфильмов за основу своей игры. Из психологии известно, что одним из главных средств, с помощью которого формируется личность ребенка, является игра. 72% респондентов ответили, что их ребенок копирует поведение мультипликационных героев, 28% не замечает за своим ребенком копирование поведения героев мультфильмов. Родителям необходимо понимать, то что, ребенок видит в мультфильме он начинает копировать и воспроизводить способы и формы поведения которые транслировались в мультфильме. 68% респондентов отметили, что их ребенок проявляет зависимость от мультфильмов, 21% родителей не видит зависимости и 11% затрудняются ответить. Зависимость – навязчивая потребность в

чем-либо. В состоянии зависимости от чего – либо взрослый человек может проявлять агрессивное, неконтролируемое поведение. Так и ребенок, находясь в зависимости от мультфильмов, может проявлять такое поведение. Больше количество респондентов замечает за своими детьми такую зависимость.

25% родителей не считают важным бороться с зависимостью. 10% не способны контролировать своего ребенка. 50% респондентов, желая избавиться от зависимости своего ребенка, контролируют его.

Вопрос «Какие ассоциации возникают у Вас на зарубежные мультфильмы?» направлен на актуализацию ассоциативного ряда, возникающего на «зарубежную мультипликацию». Деление ассоциаций на отрицательные и положительные автор исследования сделал, опираясь на здравый смысл, жизненный опыт и мнение социума. Из таблицы видно, что, так называемых, отрицательных ассоциаций в 4 раза больше, чем положительных. На взгляд автора, вопрос об ассоциациях ориентирован на выявление глубинных отношений (зачастую неосознаваемых человеком) к определенным процессам. Выявленное соотношение не может не настораживать думающих о будущем своих детей.

Значительную долю ассоциаций представляют визуальные ассоциации. Яркость, насыщенность, быстрая смена визуального ряда отвлекает и ребенка и взрослого от нравственных, моральных, обучающих аспектов влияния мультипликации.

При ответе на вопрос «Какие черты характера героев ценятся в зарубежных мультфильмах?» о чертах характера героя зарубежного мультфильма, респонденты отметили 37% положительных и 23% отрицательных черт. Соотношения положительных и отрицательных ассоциаций и положительных и отрицательных черт характера свидетельствуют о неосознанных процессах воздействия зарубежной мультипликации даже на психику взрослого человека.

По результатам анкетирования выявлено следующее:

- Все дети респондентов, участвующих в опросе просматривают мультфильмы, при этом используются все возможные средства просмотра.

- Мультфильмы используются в каждой семье для освобождения времени родителей. Большинство детей смотрят мультфильмы каждый день, при этом около 70% детей больше часа проводят у экрана телевизора. Иными словами из 12 часов бодрствования ребенка, 1/6 – 1/8 часть этого времени занято мультфильмами. Следовательно, большинство детей являются «заядлыми зрителями» и подвержены эффекту унификации.

- Контроль над детьми, при просмотре мультфильмов осуществляют все родители, участвующие в опросе. Форма контроля, по мнению респондентов самые разнообразные.

• Более 70% опрошенных отмечают прямое воздействие мультфильмов на их ребенка (сюжеты игр и копирование поведения героев). Около 70% респондентов называют это зависимостью, при этом только 50% опрошенных после обнаружения зависимости от мультфильмов у ребенка жестко контролируют процесс просмотра.

• Характер воздействия зарубежной мультипликации на психику ребенка, как передача иных культурных стереотипов и образцов поведения, зачастую не осознается родителями, что может привести к непредсказуемым последствиям при формировании личности дошкольника.

Итак, дошкольный период детства сензитивен для формирования у ребенка основных качеств личности, а также гуманного отношения к другим людям. Если основы этих качеств не будут сформированы в дошкольном возрасте, то вся личность ребенка может стать ущербной, и впоследствии восполнить этот пробел будет чрезвычайно трудно. Мультипликация является мощным средством формирования личности ребенка. При ее воздействии наблюдается как эффекты социального научения, так и культивирования образцов поведения, культурной идентичности, ценностей, установок, правил поведения в общем в целом процесс формирования целостной личности.

Список использованной литературы

1. Лалетина А.Ф. Культурообразующее значение мультипликации // Молодежная палата при Челябинской городской думе // URL: http://www.molpalat74.ru/index.php?option=com_content&view=frontpage&Itemid=1 (дата обращения: 31.03.2011).
2. Мелкозёрова Е. В. Возможности мультипликации как вида современного искусства при обучении и воспитании дошкольников // URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/ped27.html>
3. Педагогический энциклопедический словарь / Гл.ред. Б.М. Бим-Бад. М., 2003.
4. Социология дошкольного воспитания: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XIX / под ред. В.С. Собкина. – М., 2006.
5. Столович Л. Н. «Жизнь, творчество, человек» М., 1985.
6. Теплов Б.М. Психологические вопросы художественного восприятия // АПН Известия РСФСР. М., 1947. Вып. 11.
7. Чумичева Р.М. Взаимодействие искусств в формировании личности старшего дошкольника. Ростов-на-Дону, 1995.

Фидченко А.А.
Студент ГОУ ВПО

«Сургутского государственного педагогического университета»

Белошапка Римма Анатольевна

Научный руководитель, к.п.н., доцент, ГОУ ВПО

«Сургутский государственный педагогический университет»

Г. Сургут, Россия

Социальная реклама в современном мире

Социальные ролики являются неотъемлемой частью социальной рекламы. Просмотры роликов в телевидении и Интернет являются самыми популярными среди других СМИ. Социальная реклама привлекает внимание к очень важным проблемам нашего общества и возможным путям решения этих проблем. Охарактеризуем термин «социальная реклама», представленный в Федеральном законе «О рекламе»: «Социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» [3]. То есть социальная реклама может пропагандировать как интересы государства (его институтов: налоговой службы, армии, здравоохранения и т.п.), так и интересы общества (нравственные ценности, гуманизация, актуализация проблем).

На данный момент социальная реклама насчитывает более ста лет существования. Первый социальный ролик был создан в 1906 году «Американской гражданской ассоциацией» в поддержку Неогарского водопада, которому наносили большой вред энергетические компании [1]. В дальнейшем социальную рекламу стали использовать для решения острых политических проблем, например, плакаты, призывающие поступить в ряды армии в годы Первой и Второй мировых войн.

В 50-е годы в Америке Рекламный совет создает социальную рекламу, направленную на улучшение безопасности на дорогах, предотвращение насилия над детьми, ликвидацию безграмотности и т.п.

Со временем социальная реклама в СМИ на бесплатной основе стала занимать большое место, что несло убытки телеканалам и газетам. Так под социальную рекламу в СМИ начали выделять гораздо меньше места, большую же часть начали размещать на коммерческой основе.

В настоящее время сложно отличить социальную рекламу от политической, государственной и даже коммерческой рекламы. Часто встречается социальная реклама, призывающая, например, бросить курить или задуматься о будущем, на самом деле она является

рекламой страховых организаций или клиник, косвенно указывающих на них. Также велика вероятность увидеть социальную рекламу коммерческих организаций, которая является PR-инструментом. Это наводит на мысль, что социальная реклама стала инструментом коммерческих организаций, государственных институтов и политических интересов.

Одним из главных принципов социальной рекламы является отсутствие преследования коммерческих целей, упоминание брендов и марок. Одна из главных задач социальной рекламы: включение общества в социально-значимые проблемы.

Вероятность увидеть некоммерческую социальную рекламу, созданную общественными организациями, в СМИ очень мала. Это связано с тем, что изготовление социальной рекламы и размещение ее в СМИ требует больших затрат. В законе «О рекламе» сказано, что все рекламодатели обязаны размещать социальную рекламу в пределах 5% от всей выпущенной рекламы за год [3]. Бюджет социальной рекламы составляет примерно 1% от числа всей выпущенной рекламы. Это все влияет на количество, а главное, на качество социальной рекламы. Эту проблему связывают с отсутствием специального органа, координирующего деятельность рекламных служб и статьей расходов на социальную рекламу.

Если брать для сравнения страны Запада, то у них производство социальной рекламы считается почетным делом и все больше набирает обороты. Наша страна находится в процессе активного освоения новой тенденции. Чтобы заинтересовать общественность в необходимости социальной рекламы созданы фестивали социальной рекламы, участие в которых могут принимать все желающие на бесплатной основе. Вот самые популярные фестивали:

- Московский фестиваль социальной рекламы.
- Молодёжный фестиваль социальной рекламы «ART.START».
- Студенческий фестиваль социальной рекламы.
- Санкт-Петербургский международный фестиваль социальной рекламы.

рекламы.

Так же в фестивали коммерческой рекламы включили номинацию «социальная реклама» [2]. Эти фестивали собирают в год более 1000 социальных роликов, некоторые из которых не уступают качеству и креативности профессиональным рекламным компаниям.

Таким образом, социальная реклама – это способ воздействия со стороны общественных объединений, преследующих духовные, нравственные, социальные цели; государства на социум в целом или на некоторые слои населения. Это важнейший элемент регуляции современного общества, но не стоит забывать, что это только один из методов, чтобы изменить общество в лучшую сторону следует подходить к этому вопросу комплексными мероприятиями.

Социальная реклама еще не привычна для современного российского общества. Между тем в западных странах, там, где рынок стабилен, сформирован и более эффективно регулируется со стороны государства, существует мощная социальная реклама, на которую государство выделяет средства.

Литература

1. Николайшвили, Г. Краткая история социальной рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=390&SECTION_ID=122&phrase_id=14001
2. Титов, А. Социальная реклама – мода XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=5007&SECTION_ID=108&phrase_id=14008
3. Федеральный закон "О рекламе" № 38-ФЗ от 13.03.2006

РАЗДЕЛ 14. ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Андреева О.В.

к. филос. н., доцент кафедры философии и философской антропологии

Морского государственного университета

им. адм. Г.И. Невельского

г. Владивосток, Россия

Виртуальный опыт экранной повседневности

Являясь итогом бурного развития медиа-технологий, информационно-цифровая эпоха вносит свои коррективы в логику жизненного пространства обывателя. С. Жижек принадлежит высказывание о том, что постмодернистский универсум «экранирован» и представляет «вселенную наивной веры в экран» [1]. Экран становится тем, что окружает индивида в его обывательской жизни: экран компьютера, экран телевизора, экран телефона, экраны наружных рекламных щитов. Постепенно экран становится тем, с помощью чего, человек общается не только с миром масс-медиа, но и с миром вообще.

Современные медиа рожают визуальную культуру, культуру производства и потребления образов. Реальность экрана дематериализована, в том смысле, что содержание в ней представлено номинациями, знаками. Транслируя потоки информации, экран не зеркалит, не возвращает человеку его самого, он поглощает, втягивает в свои границы. Отсюда, экранная повседневность – это иконическая повседневность в круговороте бесконечного числа знаков, не всегда отсылающих к реальному референту.

Одной из черт экранной повседневности является «иллюзия прозрачности». Лежащая в основе медийных процессов симуляция делает коммуникацию, продукцию и информацию избыточными. Реальность становится гиперреальной, гипервидимой. При этом, приближая и обнажая реальность, сами медиа остаются скрытыми, их опосредствование, их работа не является очевидной для медиасубъекта.

Как пишет С. Жижек: «вселенная наивной веры в экран .... обесмысливает сам вопрос о том, что находится за экраном, и предполагает феноменологическое отношение доверия к явлению» [1]. Таким образом, медиа, хоть и вплетаются в повседневность современности и образуют видение реальности, механизм их функционирования далек от понимания обывателем.

Реальность экрана трансформируется в медиареальность, которая

функционирует как симулятивное пространство. Для медиасубъекта характерно неразличение симуляции, фантазма и реальности. Медиа-технологии захватывают монополию на формирование реальности. Они же формируют критерии оценки происходящих событий, ведут информационные войны, которые вторгаются в миропонимание медиасубъекта. В конце концов для медиасубъекта, захваченного образами, текстами медиареальности, жизнь на экране может стать реальнее любой другой реальности. Как и для пелевинского «Номо Зариенс», для медиасубъекта будет существовать только одна реальность - та, что «показывают по телевизору» (В. Пелевин).

Гиперреальность, которая производится экранной повседневностью, создает условие для формирования особого рода опыта, который в исследовании обозначается как «виртуальный». Под виртуальным опытом понимается опыт экранной повседневности, который человек получает при выстраивании отношений с миром посредством электронных и цифровых медиа.

Собственно антропологическую природу опыта задает личностное измерение. Знание, не проникающее в личностное ядро, и не актуализирующееся через личность, невозможно назвать собственно человеческим опытом. Собственно человеческий опыт – всегда опыт переживания, переживание «из самого себя» (М. Мамардашвили), опыт, который позволяет осознать границы своего «Я». Обладает ли тот опыт экранной повседневности, который человек получает при выстраивании отношений с миром посредством электронных и цифровых медиа антропологическим измерением? Для ответа на поставленный вопрос необходимо выделить характеристики того опыта, который получает человек в экранной повседневности.

В качестве первой характеристики опыта экранной повседневности можно выделить «фантазм бессмертия» или отсутствие переживания собственной конечности.

Виртуальный опыт экранной повседневности, характеризуется, во – первых, отсутствием переживания собственной конечности. Если М. Хайдеггер говорил, что самое глубокое знание о самом себе – это знание своей конечности, то медиа тиражируют идею вечной жизни. Своеобразное культивирование тела ограничивается визуализацией телесности. Иными словами, тело рассматривается не как становящаяся телесность, но лишь как образ тела, тело как вещь, как объект потребления. Более того, тело «медиазируется» - опосредуется искусственными протезами: мышкой и клавиатурой, пультом дистанционного управления, тем, что позволяет функционировать, общаться с медиа. Само тело, превращаясь в посредника, остается без внимания, как впрочем, и экзистенциальное переживание смерти.

Следующей особенностью виртуального опыта является

символическая смерть Другого. Пронзительное восклицание Ж.-П. Сартра «Ад – это Другие» в современной медиаккультуре сменяется ироничным призывом С. Жижека: «Возлюби мертвого ближнего своего». За внешней активностью коммуникации скрывается «возрастающее равнодушие и отказ от любых социальных связей». Формализация Другого выражается в «стерилизации», очищении его от признаков инаковости, враждебности, потусторонности. «Важно лишь играть по общим правилам, а кто ты – черный, желтый, белый – совершенно не важно» [2]. Следствием дистанцирования от Другого являются тенденции разрушения и собственного интимного внутреннего пространства, духовного измерения медиасубъекта.

В качестве третьей особенности виртуального опыта выделяется нарушение способности различения, то есть дифференциации восприятия мира и выделения себя в нем.

Согласно Ж. Делезу, Другой служит матрицей, некой структурой, которая опосредует мое восприятие окружающего мира. Эта структура выступает «структурой возможного»; тем, что делает возможным мой мир, в том числе мир без Другого. В виртуальном опыте осуществляется симуляция поддержания присутствия Другого, которая не порождает ничего, кроме «воспроизводства того же самого». Субъект теряет саму структуру различения. Размытость Другого лишает медиасубъекта различения, возможности выбора; порождает размытость самоопределения: понимания где «Я», а где «не-Я».

Последней выделенной особенностью виртуального опыта является невозможность символического обмена. Символический обмен предполагает смысловое пространство, универсальный смысловой контекст, в котором я могу всякий раз воспроизвести себя в качестве себя. Так, Ж. Бодрийяр в своей книге «Символический обмен и смерть» пишет, что сутью символической обязанности является обратимость, взаимность отношений. В опыте экранной повседневности символический обмен не определяет поведение человека. Этот процесс заменен «дискурсом объектов». Субъект, как и все в медиадискурсе, ставится функциональным знаком, который создан для декодирования. Медиасубъект воспроизводит логику предлагаемых моделей, которые им не интегрируются. Самоопределение трансформируется в имиджмейкерство, которое изначально ориентировано не на провокацию внутренних усилий по рождению своего Я, а на выгодное включение в торговые отношения, а значит, на тираж социально выгодного образа Я.

Итак, есть все основания утверждать, что опыт экранной повседневности, по сути своей, является виртуальным. Казалось, погружаясь в виртуальное пространство масс-медиа, человек может расширять границы своего опыта, однако, в этом случае, человек

расширяется путем погружения в «умаленную и участненную, недоволептившуюся и недооформившуюся реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики» [4]. Сложность, многомерность реальности не проникает в виртуальный опыт, и последний остается поверхностным, неглубоким. Таким образом, можно обозначить парадоксальность виртуального опыта: он случается с человеком, но не ему принадлежит. Виртуализация не обеспечивает опыту антропологическую размерность в том смысле, что виртуальный опыт не встраивается в личностную структуру, не воспроизводим в других условиях, а значит, не является собственным опытом человека.

Литература

1. Жижек, С. Невыносимая легкость бытия [Электронный ресурс] / С. Жижек. – Режим доступа: http://lacan.narod.ru/ind_lak/ziz12.htm. Дата обращения: 06.02.2012.
2. Подорога, В. Гибель Twinpeaks .[Электронный ресурс] / В. Подорога // Отечественные записки, №1, 2001. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2001/1/p11-pr.html>. Дата обращения: 08.09.2012.
3. Сивков, Ю. Медиа и метафизика [Электронный ресурс] / Ю. Сивков. – Режим доступа: <http://www.phil63.ru/media-i-metafizika>. Дата обращения: 15.05.2011.
4. Хоружий, С. Род или нерод? Заметки к онтологии виртуальности [Электронный ресурс] / С. Хоружий. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/151260/read>. Дата обращения: 15.10.2013.

Баранов С. Т.
доктор философских наук
профессор кафедры культурологии
и искусств
Северо-Кавказского федерального университета

Гуманизм – миф или реальность

Понятие гуманизма, его происхождение и динамика – важные культурологические вопросы, которые приобретают большую актуальность в современном техногенном обществе. Под воздействием научно–технического прогресса происходят изменения во всех сферах общественного бытия, формах общественного сознания. В сфере гендерных отношений формируется новый тип семьи, сменяющий традиционную семью, где тысячелетиями неизменным оставалось разделение функций между супругами. В шкале ценностей произошло перераспределение акцентов в связи с развитием либерализма и демократии в политической жизни, рыночных отношений в экономике страны, ростом платных услуг в медицине, ростом квартирной платы и коммунальных услуг. Предприниматели всех производств заинтересованы в дешевом труде гастарбайтеров, лишая граждан своей страны рабочих мест. Массовая культура, распространяемая масс–медиа, вытесняет классическую, наблюдается снижение качественного уровня многих институтов культуры, об этом свидетельствуют, например, продукция выставочных художественных салонов, залов, а также театральные репертуары наших столиц.

Механизм функционирования и развития общества в целом, и в частных формах проявления, в современном мире имеет другое устройство, отличное от устройства модернистского общества. Постмодернистское общество часто именуется информационным или коммуникативным, в нем главными ценностями стали информация и связи с «нужными» людьми и организациями. Под гуманизмом имеется в виду установление деловых, взаимовыгодных отношений между партнерами. Для формирования совершенной экономики необходима новая гуманизированная цивилизация экономики, только гуманизация экономики, по мнению современных идеологов, спасет экономику и человечество в целом. Для развития экономики важно еще одно качество, оно носит транснациональный характер, другими словами, экономическая, общественная жизнь должна быть подчинена интересам мировой финансовой элите. В результате рост богатства одних стран сопровождается обнищанием остальных. Прагматистский подход гуманизм фактически сводит к пользе и выгоде, именно они для западной политики и экономики являются главными

ориентирами. В российской гуманитарной науке определяется как движение к человечности, духовности.

Очеловечивание человека – это не тавтология. Это процесс социализации личности, базисными основаниями которого являются мораль, искусство и религия. Такая социализация называется гуманизмом, исторические корни которого уходит в далекое прошлое, первобытное общество. Географические открытия «новых земель» позволили европейцам познакомиться с племенами, сохранившими порядок жизни первобытного строя. Ученые, изучавшие образ, нормы, обеспечивающие существование этих племен, установили, что основой «культурного» пространства отсталых сообществ был страх и соответствующие инстинкты, перешедшие от животного мира, генетическая связь с которым не требует особых доказательств. Забота о потомстве, ухаживание самца за самкой, охрана своей территории и т. д. в племенах облагораживаются, рождаются новые социальные чувства.

Страх – особое психологическое состояние, постоянно существующее у человека с древнейших времен до наших дней, и являющееся важнейшим элементом в жизнедеятельности людей. Страх активизирует общественную и личную деятельность, заставляет искать физическую и психологическую защиту от агрессивной среды.

По большому счету первобытному человеку не надо было ничего открывать, надо было лишь развивать то, что он получил от природы. Для сохранения и развития нравственных, эстетических, религиозных начал, крайне необходимых для функционирования данного общества, предусматривались иногда жесткие меры. В одном из племен Новой Гвинеи, живущего по старым нормам до сих пор, муж жене за измену обрезает нос, мужчине, трусливо убежавшего с поля схватки со своими врагами, ожидает смерть от соплеменников.

Владимир Соловьев (1851 – 1900) высказывает мысль о существовании первичных основ нравственности, которыми являются стыд (страх), жалость и благоговение. Они заданы, «запрограммированы» природой или мировым разумом. По Соловьеву, чувства стыда, жалости, благоговения характеризуют нравственные отношения человека – к тому, что «ниже его», что «равно ему» и что «выше его». «Первичные основы», сформулированные русским философом, являются основой всех возможных нравственных норм: умеренности, храбрости, мудрости, справедливости, великодушия, бескорыстия, щедрости, терпеливости, правдивости и других норм и правил жизни.

Нравственное развитие не может осуществляться само собой в индивидууме, необходимы определенные социальные условия и индивидуальные способности. Мораль своими силами не в состоянии сделать общество совершенным – необходима хорошая юстиция и

нравственная власть. Право должно следить за соблюдением равновесия двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага.

Первым из великих мыслителей, который усомнился в том, что человечество идет в гуманистическом направлении, был Фридрих Ницше (1844 – 1900). Он доказывал условный характер нравственных, эстетических, религиозных норм, принципов, догматов. Призывы к выполнению норм морали выглядят цинично и лицемерно, поскольку жизнь, управляемая волей к власти, как таран сметает с пути все, что мешает сильной личности добиваться осуществления господства над другими. Сущность жизни, основной импульс движения жизни – воля к власти. У обычных людей она слабо проявляется, но рождаются люди с огромной энергетикой, большим самолюбием и страстным стремлением к самоутверждению. Ницше называет их вождями и ставит над жалкой толпой, которая только существует, чтобы быть почвой для прорастания сверхлюдей. Произведения Ницше можно рассматривать как предупреждение человечеству о возможности развития дегуманистических общественных отношений. Случай с плясками девушек в храме Христа – Спасителя символичен. Не случайно представитель русской олигархии Б. Березовский дал высокую оценку. По его признанию, если бы он был автором этого проекта, он бы этим гордился. Эту акцию поддержали и поддерживают другие еще живущие олигархи, те, которые живут не на Рублевке, а в Англии и в других странах Западной Европы. Авторы и исполнители осквернения священного места для православных провозгласили вслед за Ницше – нет морали, нет Бога.

Переоценка ценностей, объявленная Ницше, продолжается. В этом легко убедиться, просматривая телепередачи по всем каналам. Содержание большинства телепроектов направлено не на развитие разума и души, а пробуждение низменных инстинктов, главными из которых является – сексуальные и агрессивные. Ницше культуру представлял как взаимодействие двух начал – аполлоновского и дионисийского, светлого и темного, доброго и злого, рационального и иррационального. В своем первом большом произведении «Рождение трагедии из духа музыки», даже Ницше склонялся к мысли необходимости гармоний двух начал в настоящей культуре. Российские СМИ и те, которые ими управляют, ориентируют людей на чтение посмертных, предсмертных работ немецкого философа. Сверхчеловеку дышится легко и живется спокойно, если население тупеет. Масса не имеет право диктовать личности, сверхчеловек знает, каким он должен быть.

Слово «гуманистический» появилось в XIV веке в Европе, когда преподаваемые в средневековой школе грамматику, риторику, поэзию, историю, философию стали именовать гуманистическими

дисциплинами. В середине XV века преподавателей этих дисциплин уже называли гуманистами.

Начиная с эпохи Возрождения, понятие гуманизма широко обсуждается философами, теологами, учеными и политиками. Нельзя сказать, что гуманизм определился, как идейное движение, он стал рабочей идеей, при помощи которой философы, социологи, культурологи давали оценку происшедшим и происходящим историческим событиям и роли в них личности и народа. Главным в содержании понятия гуманизма были представления о человеке как нравственном существе, который живет в обществе, где правят справедливость и равенство, и он является высшей ценностью. В этом обществе, говорит Ф. М. Достоевский, осуществляется заповедь Христа, возлюби ближнего, как самого себя. После «появления Христа, как идеала человека во плоти, – пишет русский писатель в «Записной книжке 1863 – 1864 г.г. от 16 апреля»,...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я – это как бы уничтожит это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом закон я сливается с законом гуманизма... Это – то есть рай Христов»[1, с. 172.].

Великие люди могут красиво рассуждать, но где такое человеческое сообщество, где люди бы любили друг друга, как самих себя, где люди не убивали других людей, не сжигали других живыми на кострах, не отрубывали головы. Вопрос о нравственном прогрессе спорный вопрос, очень много доказательств в XX и XXI веках, что его, наверное, вообще нет. Люди мечтают. Соловьев В. С. Мечтал о построении царства Божьего на земле, ему казалось, что для этого достаточно реализация экуменических идей.

В эпоху Возрождения были опубликованы книги «Утопия» Томаса Мора и «Город Солнца» Томаса Кампанелла, в которых авторы изобразили свое видение гуманистического общества. Оба писателя считают причиной дегуманизации общественного строя частную собственность, порождающей антагонистические классы. В «Утопии» Мор представляет свою мораль идеального социального устройства, где нет эксплуатации, деления на бедных и богатых, труд является обязательным, на острове «Утопия» все счастливы. Социальные мифы, созданные Мором и Кампанеллой, имели продолжение во многих европейских социально–утопических теорий переустройства мира. Одной из таких теорий было учение К. Маркса и Ф. Энгельса о построении коммунистического общества, которое было использовано для организации политического переворота в России.

Для Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра разговоры о гуманизме являются пустыми и ненужными. Бессмысленность жизни порождает

у человечества страх, неуверенность в будущем, а в результате – рост агрессивности, как на индивидуальном, так на общественном и государственном уровнях. Представители экзистенциализма называли слащавой иллюзией утверждение, что общество, построенное на рыночной экономике трансформируется в общество всеобщего благоденствия. Главной темой их произведений были вопросы о кризисе культуры и человеческого существования. Экзистенциализм различает бытие и сущее (единичное, конечное, преходящее). Бытие определяет сущее, но бытие остается тайной. Перед бытием бессилён человеческий разум, а значит господство человека над общественными и природными силами не более чем иллюзия, и притом опасная, угрожающая самому существованию человечества. В повседневной жизни человек существует неподлинным образом, теряет свою индивидуальность, нивелируется, растворяясь в существовании других. Повседневная жизнь, социальное общение это мир сущего и не более. Человек не может покинуть его, поскольку он в нём живёт. Пребывание в сущем неизбежно, но беда заключается в том, что человек прижился в нём, погрузился в него с головой, и ему кажется, что он в этом сущем обрел самого себя.

Постмодернизм, возникший вслед за экзистенциализмом, не паникует перед действительностью, она такая, какая есть, и к ней надо приспособляться. Они не видели большой беды в алкоголизме, наркомании, однополном сексе, поскольку некоторые из них были геями, наркоманами или алкоголиками. Для философов – постмодернистов гуманизм, мораль, – это всего лишь слова, или, как они называют, текст, описывающий явления, глубину и сущность которых обнаружить невозможно. Понятия – истина, смысл жизни, нравственные нормы и т. д. допускают множество интерпретаций. Авторы текстов получают информацию–послание, утверждает Ж. Деррида, неизвестно откуда, передают ее дальше наугад, не зная своего адресата и не имея уверенности в том, что они адекватно воспроизвели содержание информации.[2, с. 8.]. В постсовременном обществе нет идеалов и ценностей, люди отказываются от многих нравственных норм, их формой поведения является вседозволенность и цинизм. Этика уступает место эстетике, принимающей форму гедонизма, где на первый план выходит культ чувственных и физических наслаждений, произошла окончательно потеря человеком веры в религию, философию, науку, прогресс.

Французский философ Лиотар постмодернизмом называет культуру технотронного общества, которая характеризуется особым состоянием знания в наиболее развитых странах. Это знание не стремится дать полную физическую картину мира или теорию развития общества. Объектом знаний является не целое, а часть. Такое знание носит гипотетический характер, а потому нельзя доверять

футурологам, всем, которые объясняют будущее. «Чем пытаться, – пишет Лиотар, – выстраивать картину, которая все равно не может быть полной, мы будем отталкиваться от характеристики, непосредственно определяющей наш предмет»[3, с. 15.]. Таким образом, постмодернисты советуют исследователям не совать свои носы туда, куда не следует. А не следует заниматься философскими вопросами, такими, как смысл жизни, моральные нормы, гуманизм, будущее человечества.

Наука абсолютно самостоятельна, она не подчиненный, а подчиняющий феномен. В прошлом осталось время, когда теории «быть включенной в программирование общественного целого, как простое орудие оптимизации достижений общества оттого, что ее желание абсолютной и всеобщей истины основывается также на единой и всеобщей практике управляющих систем»[3, с. 20.]. Наука перестала быть средством достижения целей, сформированным человеческим сознанием, если даже оно принадлежит гениальному человеку. Настоящие цели спрятаны в науке, а социум со всей своей культурой есть лишь средство реализации недоступных для человечества идей–целей.

У современной западноевропейской философии отношение к человеку двойственное: с одной стороны, он – созидатель концептов и дискурсов; с другой стороны, он – беспомощное существо, находящееся полностью во власти науки, обстоятельств. Научное объяснение общества, как единого целого невозможно, абсурдно прогнозировать перспективу развития и движения социума. Идеология, даже на теоретическом уровне, носит частный, относительный характер, пытаясь представить его, как универсальный, абсолютный.

С гуманизмом не совместима постмодернистская концепция человека, в которой центральное место заняла телесность вместо духовности. Опошляется сущность и природа человека. Дух, душа, сердечность, душевность воспринимаются постмодернистами, как «рудименты» чего–то далекого, странного. Телоцентризм, широко распространенный в современной западной культуре, оказывает негативное воздействие на российское СМИ. В телепрограммах, телепроектах часто имеет место повышенный интерес к сексу, смакуются тайные пороки людей, выставляется напоказ бесстыдство и т. д. и т. п.

Характер и уровень развития гуманизма в социуме определяется состоянием нравственных отношений. Истина, красота, добро должны находиться в таком же органичном единстве, какое в христианстве имеет место между ипостасями Бога. Проблемы современного глобализирующего общества показывают, как важно, чтобы развитие политических институтов, социальных отношений и нравственности

не отставало от развития науки. Великий древнегреческий философ сказал мудрые слова: «Кто двигается вперед в науках, но отстоит в нравственности, тот более идет назад, чем вперед»[4, с. 1.]. Аристотель одним из первых обратил внимание на проблему соотношения науки и морали, которая приобрела наибольшую актуальность в условиях технического прогресса. Ученые, безусловно, несут моральную ответственность за свои открытия, но в большинстве случаев они не предвидят негативных последствий открытий.

Однако обвинять одну мораль в возникновении и существовании проблем, несущих моральную и материальную угрозу здоровью и жизни людей, не корректно. Некоторые ученые заявляют, что якобы мораль показала свое бессилие, так как она на протяжении долгого времени не решает проблемы добра и зла, долга и совести, вера в честность и ответственность ученых падает.

Мораль не существует обособлено, отдельно от всего, она, как бы, вплетена во все виды деятельности людей, нет специальных моральных институтов, учреждений, которые могли ее управлять. Преступность с помощью одной морали не уничтожить, необходимо право, закон, предусматривающие наказание. Антигуманный политический режим будет развивать науку и технику и вместе с тем аморальность в обществе распространяется. Удивительно, как могла мораль сохраняться, если история человечества – история непрерывных войн, насилия, жестокой борьбы за физическое существование? По мнению великих русских гуманистов – Соловьева В. С., Достоевского Ф. М., Толстого Л. Н., в сознании каждого человека находятся моральные абсолюты, которые каждый раз спасают человечество. Если наука изменить природу человека, тогда начнется новая история, история новой формы разумной жизни во Вселенной. Постоянные гигантские взрывы во Вселенной – не являются ли они результатом космических войн?

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. – Л., 1980. Т. 20.
2. Деррида, Ж. От экономии ограниченной к всеобщей экономии // <http://www.phiiosoph.ru/library/derrida/ekonom.html>.
3. Лиотар, Ж.–Ф. Состояние постмодерна // Ж.–Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998.
4. Zitata.com aristotel.shtml.

Безугла Р.І.
*К. мистецтвознавства, доцент кафедри
теорії та історії мистецтв
Київського національного
університету культури і мистецтв
м. Київ, Україна*

Гламур у об'єктивно-суб'єктивних оцінках соціуму (історико-культурологічний аспект)

Аналіз літератури, яка прямо чи дотично присвячена гламуру, дозволяє стверджувати, що більшість авторів, які займалися виокремленою тематикою, зосереджують свою увагу на критиці гламуру та негативних якостях цього явища. Досить часто (а не тільки в окремих випадках та в якості додаткового аргументу), гламур (та відповідно нарочита візуальна демонстративність) згадується сучасними авторами як дещо очевидне і, в більшості випадків, тільки з негативною конотацією, яку можна пояснити багатьма причинами, як суб'єктивними так і об'єктивними.

Оскільки, при дослідженні гламуру, як соціокультурного явища, ми прагнемо дотримуватися «нейтральної позиції», нам довелося відмовитися від експресивно-оціночних обертонів, що дозволить нам визначити об'єктивні та суб'єктивні чинники, які викликають таке емоційне несприйняття даного феномену. В той же час, важливо відмітити, що саме критика гламуру дозволила позначити межі явища, його специфічні риси, його неузгодженість з культурною традицією. Тобто, більш точно визначити предмет дослідження, виділити його із загального культурного процесу, створити мову для його опису. Саме в цьому і полягає основне завдання першого етапу дослідження гламуру: його виявлення, позначення і диспозиція в більш широких соціокультурних структурах в комунікативному та інформаційному просторі, повсякденності, сучасних ідеологіях і навіть економічних стратегіях.

В даній статті ми продовжуємо розпочате нами раніше (див. [Безугла 2010, Безугла 2011, Безугла 2012]) дослідження гламуру, як соціокультурного феномену.

Обов'язковою умовою існування гламуру є наявність соціального контексту: співіснування двох або більше індивідів, адже в іншій ситуації візуальна демонстративність взагалі втрачає сенс, адже відсутність людського оточення позбавила б людину можливості візуально продемонструвати свої переваги (матеріальні статки, зовнішні дані, інтелект тощо). Візуальну демонстративність ми тлумачимо, як прагнення людини чи певних соціальних страт,

виставити на показ (візуально продемонструвати) тіло, одяг, розкіш, багатство, певне положення в суспільстві, певну манеру поведінки тощо. Візуальна демонстративність - засіб досягнення мети для тих хто прагне влади, визнання, успіху, публічності тощо, для тих у кого на перший план виходить бажання бути та значити більше порівняно з іншими людьми: «в "системі конкуренції" ідеї життєвих завдань та їх значимості виробляються в принципі тільки на основі бажання бути і значити більше через порівняння всіх з усіма іншими. Будь-яке "місце" стає всього лише транзитним пунктом у цій загальній гонитві за "більше-значущістю"» [5].

Гламур безпосередньо пов'язаний із демонстрацією певних особистих переваг (успіху, багатства, гарної зовнішності тощо). Така ситуація, зрозуміло, не може бути однозначною, адже візуальна демонстративність провокує людину на ціннісне порівняння самого себе із іншими. М. Шелер відмічав, що «ми постійно порівнюємо нашу власну цінність взагалі або яку-небудь з наших якостей з ціннісними якостями інших людей; такі порівняння робить кожен - благородний і підлий, добрий і злий. Той, хто вибирає собі за зразок, скажімо, "героя", якимось чином залежить від цього ціннісного порівняння. Всякого роду ревності, честолюбство наскрізь пронизані такими порівняннями...» [5].

І. Кант вважає, що «бажання перебувати в однаковому положенні зі своїми ближніми і бути в такому ставленні до них, щоб кожному діставалося те, що покладається йому по праву, є, звичайно, не пристрасть, а визначальна підстава вільного свавілля через чистий практичний розум. Але якщо це бажання викликане одним лише себелюбством, тобто тільки для своєї вигоди, а не заради законодавства для кожного, то мається чуттєве спонукання ненависті чи не до несправедливості [взагалі], а до тих, хто несправедливий по відношенню до нас...» [2, с.355].

Проблема «свідомості, що порівнює» досить ґрунтовно розкрита в роботах таких філософів, як Ф. Ніцше, Г. Зіммель, М. Шелер та інших. Вони приходять до висновку, що кожна «свідомість, що порівнює» може реалізуватися різноманітними способами. Так, М. Шелер виокремлює два основних способи. На його думку, у «першому випадку елементи відносин схоплюються окремо в особливих перцептивних актах вже до і незалежно від процесу порівняння, або як відношення "подоби", "однаковості", яке раптово виникло і т.д. (без усякої попередньої діяльності, що порівнює). У іншому випадку, навпаки, елементи відносин існують лише завдяки тому, що наповнюють собою невизначені підстави заздалегідь схоплених одноеlementних або взагалі порожніх відносин» [5]. Г. Зіммель вважає, що ціннісно-порівнюючий "вимір" власної цінності і цінності іншої людини ніколи не стає основоположною умовою для досягнення

та розуміння ціннісних орієнтації (власної цінності та цінності іншої людини), а даний вимір ніколи не обмежує і не піддає змістовній селекції ті цінності, які досягаються різними людьми. Чим більшою мірою людина залишається цілісною особистістю (залишається «собою», «вірна сама собі» тощо), тим більш боліснішим буде для інших порівняння з нею, оскільки індивіди можуть бути рівними тільки тоді, коли кожен з них приховує свою власну сутність [1; 4].

Можна констатувати, що візуальна демонстрація певних особистих переваг (успіху, багатства, гарної зовнішності тощо) в більшості випадків викликає несприйняття оточуючих. Таке несприйняття можна пояснити тим, що відчуття «образи та неприязні, викликані спогляданням зверхності інших» [4, с. 30]. З іншого боку, споглядання успіхів та переваг інших людей, досить часто викликає такі почуття, як заздрість та ресентимент.

Ми не стверджуємо, що обов'язково будь-яка людина, що знаходиться в певних обставинах повинна відчувати почуття заздрості або ресентименту, це було б не зовсім коректно. Проте, ми вважаємо, що показна візуальна демонстративність досить часто провокує небезпеку виникнення вищезазначених почуттів. В такій «ситуації» знаходиться більш слабка особистість, у якої за певних обставин відсутня і можливість, і бажання активно діяти, що і призводить до почуття безпорадності і безсилля, а відповідно і до виникнення ресентименту.

Шелер досить слушно зауважив, що у тих випадках, коли сильне прагнення до отримання якоїсь «цінності» (у випадку гламуру: гарної доглянутої зовнішності, певного статусу, матеріального добробуту, придбання бажаної речі тощо) наштовхується на неможливість реалізувати бажання, виникає тенденція свідомості подолати незадоволений стан напруги між прагненням та безсиллям. Це досягається за рахунок заперечення позитивної цінності «блага», його приниження, а іноді «позитивною цінністю» оголошується навіть те, що даному благу протилежно. «Ми "заспокоюємо" і "втішаємо" себе тим, що річ, до якої ми марно прагнули, "нічого особливого з себе не являє", що вона або зовсім не має для нас цінності, або цінність її не так велика, як ми передбачали» [5].

Заздрість – це акт сприйняття. Гельмут Шек досліджуючи заздрість, як соціальне явище та мотив соціальної поведінки людини наголошує на тому, що дане почуття супроводжувало людство протягом всього його існування. Автор стверджує, що вже починаючи з простих племінних культур люди не тільки були знайомі з цим явищем (називали його «лихе око» та вважали, що воно безпосередньо було пов'язане із «чорною магією») і прагнули не тільки приховати дані почуття, але і боялися викликати заздрість по відношенню до себе. У більшості племен прийнято приховувати свої успіхи, добробут

(тобто те, що може викликати заздрість оточуючих), а оскільки їх візуальна демонстрація, з одного боку, може спровокувати звинувачення в магії, а з іншого – зруйнувати досягнутий успіх (здобутки, переваги). Дослідник наголошує, що «успішні люди вважаються зловісними, небезпечними та такими, що володіють надприродними здібностями [4, с.80].

Г.Шек досліджуючи феномен заздрощів, помітив тісний зв'язок заздрощів, магії та матеріального добробуту. Він відмічає, що в різноманітних примітивних культурах існує помітна схильність звинувачувати в магії та чарівництві людей успішних та процвітаючих. Вважалося, що вони досягли різноманітних успіхів в своєму житті (багатства, здоров'я, зовнішньої краси, успішності тощо) тільки завдяки магії.

Дослідження феномену заздрості дозволило нам вибудувати певний логічний ланцюг: заздрість (ревнощі) – магія – руйнування – гламур. Ланцюг, з одного боку, частково пояснює етимологію поняття «гламур» (нагадаємо, що одне із першопочаткових тлумачень терміну «гламур» було безпосередньо пов'язане із магією, адже гламур перекладався, як «вивчення магічних мистецтв, володіння алхімією, чаклунством, магією»): А з іншого – підтверджує нашу гіпотезу, про тісний взаємозв'язок цих явищ.

Цікавою, в контексті нашого дослідження, є гіпотеза Г.Шека про те, що демонстрація приватної власності вперше виникла як захисний засіб від заздрості інших людей по відношенню до наших фізичних якостей. На його думку, однією із функцій приватної власності є захист людини від заздрості та агресії з боку тих хто менше обдарований природою. Наявність приватної власності та її демонстрація відволікає увагу оточуючих від фізичної краси людини. Автор відмічає, що навіть в сучасному суспільстві досить часто відбуваються злочини, мотивом яких слугує заздрість до чийось фізичних переваг. Даний висновок Шек підтверджує різноманітними прикладами із життя¹. Заздрість визначається як незадоволений емоційний стан, що викликаний багатством іншої людини, або її досягненнями. Заздрість - це злісне бажання, щоб інший втратив сам «предмет» заздрості [4, с.31]. Автор визначив наступні чинники, які викликають заздрість: статус, престиж, особиста привабливість, розподіл майна та матеріальні статки. Тобто, домінуючими стають мотиви, що породжені економічними та соціальними відмінностями [4]. Гламур, як візуальна демонстрація соціальної мобільності та

---

¹ Наприклад, в Нью-Йорку після баскетбольного матчу бідно вдягнутий поденний робітник на своєму авто наїхав на красеня гравця (команда якого в той день перемогла, а гравець забив вирішальний гол) коли останній стояв на тротуарі зі своїми друзями та родичами. Вбивця, який не мав жодного відношення до команди, яка програла, заявив, що йому було нестерпно бачити красеня атлета в усій його величі [4, с.161].

матеріально-економічного добробуту безпосередньо пов'язаний із вищезазначеними чинниками.

Шелер вважає, що «існують більш або менш поширені, насамперед вроджені, природні і характерні властивості індивідів і груп, які зазвичай викликають ресентиментну заздрість: краса, високий статус раси, цінні риси характеру, що передаються у спадок; така заздрість сильніше, ніж заздрість до чужої власності, станової приналежності, до імені, честі» [5].

В даному контексті важливо відмітити, що частина вищезазначених переваг (зовнішня краса, високий статус, багатство тощо) притаманні і гламуру. Оскільки, нашим завданням не є встановлення об'єктивних критеріїв того, що викликає заздрість (адже в центрі нашого дослідження – гламур, як соціокультурне явище), це дозволяє нам обмежити коло наших пошуків тільки основними засобами гламуру.

Візуально демонструвати розкіш – провокувати виникнення заздрості та ресентименту. Наявність людських інстинктів та чуттєвих пристрастей дозволяє припустити, що завжди будуть існувати люди, які, з одного боку, за допомогою візуальної демонстративності будуть прагнути досягти певної мети, а з іншого - отримувати задоволення від того, що вони викликають заздрість у інших. Одна із досить вагомих причин, щоб дозволити собі що-небудь, полягає в тому, щоб змусити інших заздрити, продемонструвати їм, що ти краще та «вище» за них, що ти володієш, порівняно з ними різноманітними перевагами. Таким чином, сам по собі предмет, його вартість та корисність не мають жодного значення, порівняно із мотивацією його власника. До такої думки приходять і Адріано Тільгер (1887-1941): «Розкіш шкідлива тільки тоді, коли вона полягає в умонастрої ... людини, яка приєднується до даної групи людей виключно для того, щоб використовувати їх як фон, на кому вона може позувати в якості більш породистої тварини. Наприклад, чисті сорочки в Середньовіччі і протягом більшої частини Нового часу були справжніми предметами розкоші. Але сьогодні людина, що вдягає вранці чисту сорочку, не відчуває, що це робить його вище за інших. Сьогодні людина, яка видобуває із сорочки отруйне почуття переваги, - це та, яка вдягає шовкову сорочку, яку вона купила, щоб інші їй заздрили...» [6].

Шелер відмічає, що просте незадоволення тим, що у іншого є річ, про яку мрію я, не є заздрістю. Адже, насправді воно тільки слугує мотивом, щоб змусити людину до дії (праці, купівлі, насилля або крадіжки тощо), за допомогою якої вона зможе отримати бажану річ. Тільки тоді, коли дана спроба не призводить до очікуваного результату, виникає усвідомлення власної безпорадності і, тоді дійсно виникає заздрість [5]. Не викликає сумнівів припущення, що наявність у людини особистих та матеріальних переваг може викликати у

деяких людей значне незадоволення та негативні почуття, які можна класифікувати як заздрість. Георг Зіммель, в четвертому розділі своєї праці «Соціологія» приходиться до висновку, що заздрісна людина при певних обставинах не прагне отримати те, чому вона заздрить. Для неї є нестерпною думка, що об'єктом її заздрості володіє інший. «Вона стає хворою, від того, що у когось іншого є власна яхта, незважаючи на те, що в неї жодного разу в житті не було бажання навіть ступити ногою на борт корабля» [4, с. 145].

Ображає не сама розкіш та її наявність, а те, що неможливо завадити, таким же людям, як і ми, насолоджуватися відносною розкішшю. Гельмут Шек стверджує, що основною характеристикою заздрості є прагнення до знищення переваг іншої людини (групи, страти тощо), а не їх здобуття або наслідування. На його думку, головна особливість почуття заздрості полягає в тому, що заздрісна людина не стільки бажає мати те, чим володіють інші, скільки жадає такого стану речей, коли ніхто не міг би насолоджуватися предметом або стилем життя, що викликають у неї заздрість.

Незважаючи на те, що досить часто візуальна демонстрація певних особистих переваг призводить до виникнення почуття заздрості (зрозуміло, що заздрість, як почуття в гламурі потребує додаткових наукових досліджень), проте вже на даному етапі ми можемо говорити про певну амбівалентність даних почуттів. Про що йде мова? Дійсно, в одних людей гламур, беззаперечно викликає почуття заздрості або ресентименту. Але існує інший вид заздрості, який дозволяє говорити про наявність певних особливостей «гламурної заздрості». Тобто, людина, яка прагне досягти певної мети, починає не тільки заздрити, тим хто вже володіє «предметом заздрості» (успіх, багатство, зовнішня краса тощо), але і починає орієнтуватися на власника «предмета заздрості», наслідувати його стиль життя, манеру поведінки тощо. Візуальна демонстративність, в даному випадку, починає виступати як об'єкт для наслідування, а гламур - як певна практика конформізму, як стиль поведінки, який характеризується «сліпим» прийняттям чужої думки, що дозволяє уникнути зайвих проблем і труднощів, завоювати авторитет, домогтися поставленої мети. Тобто, гламур дозволяє приховати «власне Я» та створити «соціальне Я», яке дозволить досягти певної мети та буде відповідати соціальним та культурним нормам даного суспільства. Ситуація не може бути однозначною, оскільки в процесі соціалізації конформна поведінка людини відіграє як позитивну, так і негативну роль. Позитив полягає в тому, що дозволяє особистості частково або повністю виправити певні помилки, прийняти ті соціальні норми та ціннісні установки, які притаманні даному суспільству, погодитись із думкою більшості тощо. Негатив в тому, що надмірний конформізм заважає утвердженню індивідуального «я»,

власної думки та поведінки. Можна констатувати, що успіх у процесі соціалізації полягає у поєднанні розумної «частини» конформізму з адекватною самооцінкою і достатньою самовпевненістю.

Вищезазначене дозволяє говорити про деякі особливості «гламурної заздрості», яка, в першу чергу, направлена на наслідування, а не на руйнування. Оскільки метою гламуру є досягнення бажаного, певної мети (гарної зовнішності, матеріального добробуту, престижу, певного статусу, доступу в певні «закриті» заклади тощо). Заздрість – це тихий, прихований і не завжди верифікований процес [4]. Гламур, навпаки, орієнтований на публічність і руйнування в гламурі набуває свого сенсу тільки тоді, коли існує можливість продемонструвати даний процес (наприклад, зруйнувати будь-кому імідж, успіх тощо або, навпаки, за рахунок «руйнування» створити власний образ, підвищити соціальний статус тощо).

В гламурі деструктивна заздрість перетворюється на конструктивне почуття. «Гламурна заздрість» має певні «переваги», оскільки носить відносно конструктивний характер та переслідує певну мету, яка виправдовує, в тому числі і, руйнування та марнотратство, але все це має свій сенс тільки в тих випадках, коли є можливість візуально продемонструвати власні «переваги». Адже «гламурна заздрість» направлена не тільки на наслідування, але й на візуальну демонстрацію (яка вимагає певних зусиль – для створення образу, демонстрації матеріальних статків, зовнішньої привабливості тощо) тобто того, що вдалося створити самому, або завдяки наслідуванню. «Гламурна заздрість» може проявлятися в поведінці та соціальній дії. Гламурна людина прагне наслідувати стиль життя, поведінку, речі, які носить лансер, який досяг успіху та став популярним. Девід Рісмен вводить поняття «особистості, що орієнтована на іншого». Поведінка такої особистості характеризується прагненням наслідувати стиль життя та споживацькі звички оточуючих. Вона (особистість) не тільки купує речі, які могли б, з одного боку підтримати той соціальний статус, який вона займає в суспільстві, або підвищити його. Вона наслідує стиль життя, поведінку та манери тієї соціальної страти, членом якої вона бажає бути. З іншого боку, за допомогою всіх вищеперерахованих засобів (які, до речі, є основними засобами гламуру) особистість може викликати заздрість у тих, хто знаходиться на більш низькому щаблі в фінансовому та соціальному відношенні. На думку Рісмена, така особистість є типовою для сучасних суспільств та являє собою зразок соціально очікуваної поведінки в культурі, що пала жертвою егалітарності.

Гламурна основа людських відношень стала вже настільки універсальною, що перетворилася в політичну реальність. Сьогодні

ми стикаємось із різноманітними проявами візуальної демонстративності («круті тачки», будинки, квартири в престижних районах, «хамовата» поведінка, основою якої стає демонстрація вседозволеності тощо). І, хоча гламур є ідеальним середовищем для певних типів влади, особливо деспотичних, в той же час він несе і значну загрозу для даної влади. Загроза ця колись була описана Ніцше під терміном «ресентимент», в його роботі «До генеалогії моралі».

Ресентимент – це прихована ненависть, що накопичується в результаті тривалих принижень, на які неможливо відкрито відповісти. Як вже відмічалось, в деяких випадках походження заздрості та ресентименту пов'язано з особливого роду установкою на візуальне та ціннісне порівняння самого себе з іншими. У цьому контексті, досить часто показна візуальна демонстративність сприймається саме, як приниження. Як відмічав Шелер, «заздрість призводить до формування ресентименту тільки там, де мова йде про цінності і блага, які за самою їх природою не можна придбати, і лише тоді, коли такі потрапляють у поле нашого порівняння - у сферу, де наше внутрішні зміни відбуваються через порівняння себе з іншими» [5]. Шелер дає таку предметну характеристику ресентименту: «це самоотруєння душі, що має цілком певні причини і наслідки. Воно являє собою довготривалу психічну установку, яка виникає внаслідок систематичної заборони на вираження відомих душевних рухів і афектів, самих по собі нормальних і таких, що відносяться до основного змісту людської натури, - заборони, що породжує схильність до певних ціннісних ілюзій і відповідних оцінок. У першу чергу маються на увазі такі душевні рухи і афекти, як бажання та імпульс помсти, ненависть, злоба, заздрість, ворожість, підступність» [5].

На його думку, найважливішим висхідним джерелом у виникненні ресентименту стає імпульс помсти. Автор визнає, що огидне почуття ненависті заволоділо серця сучасників. І хоча, по деяким позиціям, він не погоджується із Ніцше (наприклад, щодо ролі християнства у формуванні даного почуття), проте під впливом останнього, критикує *ressentiment* як злісне заперечення вищих цінностей низьким людським типом. Вищезазначені автори (Ніцше, Шелер), незважаючи на деякі розбіжності в тлумаченні та розумінні певних явищ та феноменів (наприклад, для Ніцше основним почуттям, що приводить до виникнення ресентименту стає безсилля, з якого і виростає потім ненависть, у Шелера – помста. Проте Шелер, в процесі роздумів приходять до висновку, що «помста вже сама по собі - почуття, що виникає з переживання безсилля, так що вона завжди - доля людини, в будь-якому відношенні "слабкої"» [5]), різними шляхами дослідження приходять до висновку, що в будь-якому

соціумі домінують два основних типи людей, які можна класифікувати, як «людина благородна» та «людина ressentiment».

Шелер безпосередньо пов'язує появу почуття ressentiment із омасовленням суспільства і вважає, що воно є породженням сучасності, зокрема, наслідком відмови від ліберальної демократії на користь охлократії. А різноманітні "прогресистські" теорії (еволюціонізм, лібералізм чи соціалізм тощо) трактуються ним як слідство тренда на суспільство споживання. «Людину, що знаходиться у владі ресентименту, немов магичною силою ваблять до себе життєрадісність, влада, щастя, багатство, зовнішній блиск, фізична сила. Вона не може пройти повз них: "хоче" того чи ні, а вона повинна їх бачити. Її мучить таємне бажання мати все це, але воно усвідомлюється як "марне", і тоді виникає зворотне довільне бажання відвернутися від цих явищ, боязке їх ігнорування, прагнення відвернути увагу від того, що мучить, з'ясовне телеологією свідомості» [5].

М.Шелер відмічає, що «максимально сильний заряд ресентименту повинен бути в такому суспільстві, де, як у нас, майже рівні політичні права і, відповідно, формальне, публічно визнане соціальне рівноправ'я межує з величезними відмінностями в фактичній владі, у фактичному майновому стані і у фактичному рівні освіти, тобто в такому суспільстві, де кожен має "право" порівнювати себе з кожним і "не може зрівнятися реально". Тут абсолютно незалежно від індивідуальних характеристик і переживань у самій структурі соціальності закладений потужний заряд ресентименту, з яким товариству доведеться рахуватися» [5]. Будь-який зовнішній прояв - жести, одяг, манера говорити, ходити, поводитися, - те, що виявляє хоча б натяк на приналежність до «відомої» страти, одразу викликає пориви ненависті і помсти, в одних випадках, і, відповідно, улесливість, боязнь і страх в інших» [5].

Можна констатувати, що гламур є актуальним феноменом сучасного суспільства. Адже людина, з одного боку, прагне візуально продемонструвати свої соціальні та економічні успіхи, з іншого (по різноманітним причинам: побоювання викликати заздрість, невдоволення, осудження, ресентимент тощо) – навпаки приховати, але приховати від широкого загалу. Це дозволяє пояснити наявність різноманітних закритих закладів, заходів, субкультур тощо. Дана тенденція досить поширена і серед українського політикуму (істеблїшменту), який веде більш-менш скромне життя на батьківщині та розкішне і показне життя за кордоном. А заздрість та ресентимент, виникають як відповідна реакція і на гламур та показну візуальну демонстративність, які стали невід'ємною складовою суспільства консюмеризму.

Література

1. Зиммель Г. Избранные работы / Георг Зиммель. – К.: Ника-Центр, 2006. – 360 с. (Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ»).
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Иммануил Кант [Текст] – СПб.: «Наука», 1999. – 471 с. - (Серия «Слово о сущем»).
3. Ницше Ф. К генеалогии морали / Фридрих Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/>.
4. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения / Гельмут Шёк; пер. с англ. В.Кошкина под ред. Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН, 2010. – 544 с. (Серия «Социология»).
5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Макс Шелер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37/>.
6. Tilgher A. Homo Faber. Chicago, 1964, p. 218 f.

Бойко М.М.

К. филос. н., заведующая кафедрой философии и философской антропологии

*Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского
г. Владивосток, Россия*

Телесность как основа философско-антропологического теоретизирования

Специфическая природа человека была отмечена еще И. Кантом. Он открыл новые возможности видения человека (свобода) и задал новую парадигму мышления, называемую философской антропологией. Эти антропологические основания повлияли на возникновение особого отношения к человеческому телу в неклассической и особенно постклассической философии. В классической философской традиции тело понималось в качестве тела вообще, и его концептуализация происходила вокруг понятия трансцендентального субъекта, лишённого пространственных и временных характеристик. Введение понятия телесности в поле европейского философского исследования с начала XX в. рушит миф о самотождественном и самодавящем субъекте. Телесность – характеристика, производная не от того факта, что у человека есть тело, которым он обладает как каким-нибудь предметом, а от факта, что человек есть *тело-телесность*.

Это отмечено в трудах М. Фуко, М. Мерло-Понти, В. А. Подороги и др. Авторы утверждают невозможность «чисто созерцательного мышления» вне чувственности, которая объявляется «гарантом связи сознания с окружающим миром» [5, с.85]. Эта идея прослеживается в следующем высказывании: «Телесность – не часть человека, а весь человек, это вид или тип его целостности. Это часть мира, но именно в ней человек выходит к другому существу и к миру в целом» [6, с.146].

Феноменально понятая телесность является способом, каким человек проживает и переживает свою ситуацию. Человек может быть кем и чем угодно (негром, стариком, плотником, ребенком, добрым и т. д.), но всему этому предшествует телесная чувственная фигуративность (антропологическая форма тела). Пространственно-временнo-смысловая тотальность человека изначально телесна. Телесная открытость миру (М. Босс) – это горизонт всех потенциальных возможностей человека. В этом ракурсе понимать свое тело значит «постигать тотальную интенцию – способ существования» [7,с.18]. Вопрос о телесности указывает на то, чем является человек, раскрывает горизонт его осуществления.

Таким образом, телесность является базисной структурой человеческого бытия. Телесность оказывается гарантом подлинности наличного сущего и выступает как *пакетное понятие*, центрирующее на себе ряд значимых ценностей неклассического философствования. Телесность мыслится как: неосознанный горизонт человеческого опыта; центр трансформации действий, или «порог», где полученные индивидом впечатления превращаются в соответствующие движения (А. Бергсон); тело физическое, тело-препятствие, посредством которого «поток становления» (у Ф. Ницше – жизнь) пытается воспринять себя на различных уровнях своего проявления; центральный элемент процессов коммуникации (Р. Барт); сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов (Ж. Делез, Ф. Гваттари) и др. [2].

Каким же образом решается проблема тела-телесности средствами философского дискурса? Любое философское вопрошание предполагает принципиальный сдвиг в способе тематизации проблемы. Суть этого сдвига – внимание к своим собственным основаниям, условиям возможности. М. Мерло-Понти полагает, что философия это «возобновленный опыт ее собственного начала...» [7, с.13]. «Философия – это совокупность методов, аналитических практик и инструментов, но обращенных не к познанию реальности, а к повседневному опыту чувствования, переживания и мысли», – заключает В. А. Подорога [8, с.26].

В этом смысле основная философская процедура – рефлексия, как обращенность мысли на саму себя и условия ее возможности.

Философию можно толковать как рефлексии об условиях и предпосылках ее существования. Спрашивается не то, как нам мыслить тело – вот здесь всегда уже присутствующую фактическую реальность, а то, как реальность всегда уже здесь присутствующего вопрошающего живого существа, обычно называемого человеком, является реальностью обозначаемой как «телесность»?

Этот синтезирующий взгляд на проблему становится возможен благодаря повороту, осуществленному, во-первых, И. Кантом, во-вторых, Э. Гуссерлем, и затем М. Хайдеггером. В качестве исходного пункта выступает не предмет познания, а специфическая форма самого познания: мы изучаем не только то, *что* мы можем знать, но и *как* мы можем знать путем изучения *способа* работы нашего ума. Философия не в силах освободиться от самого философствующего, конституирующего понятия, так как именно оно носитель индивидуального опыта переживания, без которого аналитическая практика мертва. Однако парадокс аналитического действия в том, что мыслимое всегда противостоит *опыту*, на основе которого выстраивается в порядок *дискурса*. Чтобы понимать опыт феноменологически корректно, необходимо установить различие между *содержанием сознания* и *способом данности*. Ж. Батай определяет философский опыт как «пылкую и тоскливую постановку под вопрос всего, что известно человеку о деле бытия» [1, с.33].

Не случайно и феноменология в начале XX века возникла как альтернатива классической метафизике, как философский метод, способный снабдить нас инструментарием для систематического пересмотра всех наук. Кризис европейских наук, по словам Э. Гуссерля, заключается «в сбившемся с пути рационализме». Можно сказать, что смысл феноменологии в том, что доводятся до завершения, системного продумывания те принципы философии, которые постепенно привели ее к такому состоянию, когда она должна была трансформировать свои фундаментальные основоположения и основания. Пересматриваются основания эмпирической науки: предлагается сместить акценты с изучаемых объектов, предметов на психический «акт переживания», в котором они постигаются. Осуществить рефлексии сознания, по Э. Гуссерлю, невозможно до тех пор, пока мы будем растворять сознание в неопределенном поле его предпосылок (предрассудков, ожиданий) и следствий его применения (теории, культурные объекты). Поэтому необходимо изменить сам способ исследования сознания. Изменение заключается в том, что признается субъект-объектная структура сознания, его интенциональность, являющаяся всегда «сознанием о» и его «трансфеноменальность» (Ж.-П. Сартр).

Тезис об интенциональности сознания порывает с традицией понимания сознания как образного представления предметов и

утверждает неразрывность мира и сознания, при которой открывается возможность познания мира путем проникновения в смыслы, которые присутствуют уже до акта познания. «Жизнь сознания скрепляется «интенциональной дугой», которая проецирует вокруг нас наше прошлое, будущее, нашу физическую, идеологическую и моральную ситуации. Эта интенциональная дуга создает единство чувств, единство чувств и мышления, единство чувствительности и двигательной функции» [7, с.183].

Структура интенционального акта представлена в виде формальной и содержательной сторон: ноэма («что» сознания – смысл предмета) и ноэзис (характер акта сознания) [4]. Однако субъект в данном случае не означает «внутреннее», как и объект не означает «внешнее». Антитеза «внутреннее -внешнее» снимается в понятии феномена. *Феномен* – явление смысла предмета в субъективном акте переживания. Феномен предполагает и акт сознания (переживание, оценка, воспоминание и т. д.), и сам предмет, на который оно направлено. *Способ* бытия сознания – это преодоление своих собственных границ – трансценденция – выход за свои пределы, полагание своего содержания. Итак, благодаря Э. Гуссерлю, сознание больше не замкнуто на само себя, но осознается как способ пребывания в мире и открытость ему [3]. Между мыслью, предметом и сознанием разрушается дистанция. Интенциональность преодолевает замкнутость мира. Феноменологическая позиция – это позиция «незаинтересованного наблюдателя» (Э. Гуссерль), это не «знание о...», а «пребывание в...», это попытка увидеть мир до знания. Другими словами, это нахождение в очень специфическом модусе сознания, называемом *событием понимания*. По М. Мерло-Понти, понимание – это «постижение тотальной интенции – способа существования» [7, с.18]. Поэтому уместно говорить о том, что *философский дискурс* коренится в таком способе организации мысли, посредством которого возможно *феноменологически* тематизировать исходную проблему. В центре дискурсивного внимания анализ не объекта, а *способ* его формирования (М. Фуко). Философский дискурс (discours) – это вопрос человека о себе самом к себе самому, по определению М. Фуко: «непрестанное усилие сознания, обращенного к самому себе, попытка проникнуть в самые глубины своих условий» [9, с. 16].

Прибегнув к философскому аргументу, мы указываем на *способ*, каким телесность человека вообще может *существовать*. В философском смысле речь идет о рассмотрении проблемы телесности на двух уровнях: онтологическом и онтическом, иными словами, перед нами выстраивается гомологический ряд событийности (возможности) и гомологический ряд фактичности (действительности). В первом ряду мы рассматриваем явление

телесности как *событие*, данное в модусе свободы, открытости, смысла, отношения и пр. (т. е. способ существования тела). Второй ряд фиксирует тело как *факт*, характеризуемый закрытостью, дискретностью, значением, предметностью и пр. (т. е. дискурсивно структурированное *содержание*). Таким образом, создаются условия для постижения смысловой целостности телесности в рамках феноменальной полноты и экзистенциальной осуществимости.

В таком философском, феноменологическом по своей сути ракурсе, телесность полагается в горизонте смысла (поля всех возможных и допустимых значений), в отличие от научного знания, которое тематизируется внешним предметом (знание о чем-то) и задает меру как самому объекту исследования (идеальные схемы), так и акту восприятия (исчисление). Об этом же пишет В. А. Подорога: «Антропологические аналитики – это всегда несинтетические конструкции: анализ идет по линиям инволюции той или иной системы мысли, к повторной реконструкции опытных условий ее рождения, и как следствие – к *повторному* со-переживанию базовых образов и метафор невозстановимого опыта в ином времени» [8, с. 27].

Таким образом, в философии *телесность* (плоть, живое тело, тель, динамическое тело, – по терминологии разных авторов) рассматривается как особый феномен: его нельзя понимать как нечто фактически данное, существующее в виде материального, ограниченного во времени и пространстве объекта или «вещи». В свете вышесказанного, телесность полагается как живая, самовоспроизводимая форма, открытая миру и фиксирующая абсолютную феноменальную полноту, и бесконечный горизонт модусов экзистенциальной осуществимости (все возможные измерения и проявления человеческого тела), разворачивающаяся в мире как совокупность тел-образов, социальных и дискурсивных формаций.

Литература

1. Батай Ж. Внутренний опыт. - СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. // Вопросы философии. – 1992. - № 7. – С. 136-177.
4. Гуссерль Э. Феноменология. // Логос. – 1991. - № 1. – С. 12-21.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. - 255 с.
6. Круткин В. Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. – 1997. - № 4. - С.143-151.

7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб.: Ювента, 1999. - 605 с.
8. Подорога В. А. Словарь аналитической антропологии // Логос. - 1999. - № 2. - С.26 – 87.
9. Фуко М. Археология знания. – К.: Ника-центр, 1996г. - 208с.

Степанов А.Н

*К. филос. н., Самарского государственного технического
университета*

Буяновский А.К, Вторушин А.А

Студенты СамГТУ г. Самара, Россия

Нравственно-эстетический императив социума

В представленной статье анализируется проблема эстетического императива системы социальных отношений и условий общественного бытия, рассматриваются вопросы эстетической эволюции в содержании общественного бытия и раскрываются исторические задачи эстетизации социальных отношений, отраженных в экономических, политических и социальных, воззрениях марксизма. Эволюция социально-исторического процесса: экономические, социальные, идеологические и правовые отношения представлены в статье с эстетических позиций. Анализ социальных основ общественно-исторической эволюции с эстетических позиций позволяет выделить позитивные и негативные, трагические и драматические, низменные и возвышенные, уродливые и прекрасные основы социального бытия.

В исторической ретроспективе в результате перехода от первобытности к рабовладению рядовой человек всё более отчуждался от средств производства, источников сырья, природных богатств, полезных ископаемых и орудий труда. Общественная идеология рабовладения, феодализма и капитализма довольно проста – создать класс, отчужденный от всех общественных материальных богатств: рабов, батраков, пролетариев (наемных промышленных и сельскохозяйственных работников). Общественно-исторический результат такого отчуждения – социальная, политическая и правовая дифференциация общества на два антагонистических класса – господ и подневольных, богатых и бедных, роскошествующих и нищих (последних в классовом обществе абсолютное численное большинство). С аксиологических позиций рассматривая процесс создания таких социальных условий, при которых интенсивно беднеет большинство населения общества является антиэстетическим

проявлением по содержанию и по форме, в которых отсутствует социально-гуманная справедливость, а экономическим содержанием и формой является эксплуатация и угнетение, что с эстетических позиций расценивается как антиаксиологическое проявление.

Формационный анализ социального процесса, отраженный в марксизме, с эстетических позиций представляет собой философское понимание логического пути перманентного исторического развития: от первобытности к рабовладению, затем феодализму и после к капитализму. Поскольку каждый существовавший способ производства и система общественных отношений неизбежно сменялись другими, следовательно, процесс социально-исторического развития не остановится и на капитализме, транснациональном и глобализированном империализме. Согласно марксизму, капитализм рано или поздно, но неизбежно уйдет в историческое прошлое, как и все предыдущие социальные формации. Следовательно, в социально-исторической ретроспективе и перспективе существовали, существуют и будут существовать только две общественные системы – частная и/или коллективная форма собственности. Так если первобытная система экономических отношений базировалась на общественной основе, а рабовладение, феодализм и капитализм – на частной (приватной) форме собственности, следовательно, следующий социально-экономический и политико-правовой способ общественного бытия будет базироваться на общественной форме собственности, возможно, государственной форме собственности, сущность которой гуманистической философией понимается как социально-эстетическая ценность прогрессивного процесса исторической эволюции, по сравнению с существовавшей антагонистической системой общественного бытия. Поэтому относительно классовых обществ следует отметить, что “История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов” [1, с. 3].

В самом общем виде социально-экономическая и философская суть марксизма исторически телеологична – ее основной идеей является построение высокоразвитого, культурного, гармоничного, социально справедливого и нравственно прекрасного общества. Эстетической основой формирования материального благосостояния такого общества, во-первых, является прилежная трудолюбивая деятельность каждого дееспособного человека. Во-вторых, высокий уровень интеллектуальности и профессиональной компетентности каждого. В-третьих, нравственно возвышенная сознательная культура межличностных отношений, проявляющихся в общественном труде, производстве, быту, учёбе, а, особенно, в распределении и потреблении произведенных, материальных и духовных благ. "Не

сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" [4. с. 491].

Эта социально-экономическая дефиниция преимущественно верна. Эстетической основой экономического благоденствия каждого человека является нравственная формула эстетического императива производственных отношений социума: гармония произведённого и потреблённого блага каждым человеком. Каждый человек обязан руководствоваться нравственно-правовым принципом – никто не имеет права приватно потреблять более того, чем он даёт своим производственным, интеллектуальным трудом обществу. В связи с этим, нравственно-эстетическим совершенством такого социума является такое государственное устройство, в котором нет привилегированных представителей, каст, сословий, страт, классов.

С высоты развития современной цивилизации рабовладение рассматривается, как трагическая форма и содержание в социально-историческом развитии, феодализм как драматическая, капитализм как развитая, но несовершенная социальная система. В то же время, идеал марксистского коммунизма, расценивается, по сравнению с предыдущими социально-историческими системами, как эстетически более совершенный уровень духовного, социально-экономического, правового и культурного развития, в котором человечество обретет лучшие, социально-справедливые, нравственно-комфортные условия, где материальные и духовные потребности каждого трудящегося будут удовлетворяться в соответствии с формулой нравственно-эстетического императива и где восторжествует общественно-гуманная ценность – социальная справедливость.

Нравственно-эстетическая мера не является прихотью и желанием человека, нацеленным на удовлетворение только собственных интересов. Вот почему в соответствии с аксиологическими и эстетическими ценностями необходимо выработать единую общественную гуманистическую идеологию, основы которой должны быть закреплены в социальных законах. В связи с этим у пролетарских слоев населения социальные интересы и устремления схожи.

Праксеологической сутью марксистской социальной философии также является эстетическая составляющая – гармонизация социальных отношений, но не в рамках дифференциального и отчужденного социального бытия, определяемого классовой структурой общества, а на основе созидания бесклассового общества гуманистического типа. Это вовсе не обозначает того, что надо сформировать общество на основе бедности. Ее аксиологической основой должны стать – эффективное развитие базиса и надстройки: трудовой вклад каждого в дело формирования высокого уровня

материального благосостояния каждого трудящегося и высокий культурный уровень духовно-нравственного благополучия каждого.

Экономические, социально-политические и философские воззрения марксизма дают возможность определить производственную жизнь при коммунизме как нравственно-эстетическую форму общественной системы устройства взаимоотношений людей по их способам и содержанию. В марксизме отмечается, что именно трудовая деятельность эстетически возвышает человека: "...предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его собственных сущностных сил, все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности..." [2. с. 120].

Эстетической стороной марксизма является идея перманентного "отмирания" такого института социальных отношений, как классовое государство, на месте которого рождается бесклассовое государство. Это станет возможным только тогда, когда общечеловеческие гуманистические ценности станут руководством к поступкам и действиям каждого человека. Общество и государство не синонимы: общество представляет собой сложную структуру, состоящую из индивидов, групп, коллективов, этносов, народов, наций. Государство есть система координации и управления обществом, посредством идеологии и политики, права и силовых структур, экономики и финансов и т.д.

Высший этап развития коммунистического гражданского общества – это передача полномочий государства народу. Движущей эстетической силой и гарантом такого социального развития является высокоинтеллектуальная и высоконравственная культура каждого человека. Таким образом, актуальным в деле эстетического созидания общественных отношений и условий совершенствования социального бытия является вопрос о повышении роли образования, воспитания и гуманитарных наук в созидании калокративного социального бытия, чтобы лучше понять смысл истории и определиться с социальными перспективами. "Правда, в целом ряде государств строй менялся таким образом, что постепенно возникали новые потребности, старое подвергалось разложению и т. д." [3. с. 283].

Речь идет не столько о социальной эволюции, сколько о кардинальной перестройке старой системы государственного строя о формировании новых социальных структур, и новой системы политико-правовых ценностей в обществе.

В заключении отметим, что в статье проанализированы онтологические основания эстетического императива системы социальных отношений и социальных условий общественного бытия;

рассмотрены вопросы эстетической эволюции в содержании общественного бытия и исторические задачи эстетизации социальных отношений, отраженных в экономических, политических и социальных воззрениях марксистской философии. В философии марксизма были рассмотрены проблемы аксиологических оснований и эстетических перспектив, ведущих к высшей ступени развития гражданского общества. Для этого необходимо в соответствии с аксиологическими и эстетическими ценностями выработать единую общественную гуманистическую идеологию, основы которой должны быть закреплены в государственных законах. Общественная система будущего социума предстает как более совершенный уровень развития всех сфер бытия, связанным с мотивированным, интеллектуальным и культурно-нравственным развитием и трудовой деятельностью каждого человека. Это означает процесс формирования более гармоничного общественного бытия.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч. т. 4
2. Маркс. К Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. 2-е изд. т. 42
3. Маркс. К., Энгельс Ф. Сочинения. т. 20. М 1961 г
4. Маркс К., Энгельс Ф "К критике политической экономии". Соч. т. 13

Донникова И.А.

*Д. филос.н., профессор кафедры философии
Одесской национальной морской академии,
г. Одесса, Украина*

Культура как феномен постнеклассической науки

Постнеклассическую науку отличает интерес к самоорганизации – специфическому процессу, протекающему в сложных, открытых, нелинейных системах. Изучение самоорганизующихся феноменов обусловило онтологический и методологический поиск, направленный на формирование онтологии становления и соответствующего ей методологического инструментария. Это активизировало меж- и трансдисциплинарный диалог, в котором принимают участие представители разных направлений науки. О плодотворности этого диалога свидетельствует успешное развитие одного из направлений постнеклассической науки – социальной

(социокультурной) синергетики, изучающей феномен социальной самоорганизации, в том числе и в культурологическом аспекте. Предоставляя возможность «переоткрытия» конститутивных начал человеческого бытия, постнеклассическая наука обновляет проблемное поле социально-гуманитарного знания, активизирует обоснование сущностной связи человека и культуры в контексте нелинейности социальных изменений. В предлагаемой статье будут рассмотрены базовые положения, раскрывающие самоорганизационный потенциал культуры, ее негэнтропийную роль в человеческом бытии.

Первоначально обозначим теоретико-методологический контекст, в котором разрабатываются постнеклассические концептуализации культуры. К первым исследованиям в этой области необходимо отнести монографию М.С. Кагана «Философия культуры» (1996 г.), в которой было предложено использование системно-синергетического подхода к культуре (истории культуры) [6]. К методологическим принципам изучения истории культуры автором были отнесены: а) принцип саморазвития, предполагающий, что мотивация процесса развития культуры и ее движущие силы лежат в ней самой; б) принцип перехода от одного уровня организованности к другому, более высокому через нарастание энтропии, чередование состояний гармонии и хаоса; в) принцип нелинейного протекания процесса [6, с. 319, 325, 326]. Философом была подчеркнута необходимость выявления онтологического статуса культуры, то есть сопоставления ее с человеком, обществом и природой – основными формами бытия. Культура рассмотрена как особая форма бытия, созданная в результате человеческой деятельности и соотносимая со сверхприродными качествами самого человека как творца и творения культуры, способами его деятельности, многообразием созданных им предметов, общением как способом реализации потребности человека в человеке [6, с. 36, 41-42]. Таким образом, трехчленная структурная декомпозиция бытия: «природа-общество-человек» приводит к пониманию культуры как преобразования человеком природы по законам общества, а в триединой системе «общество-человек-культура» ее подсистемы как бы наслаиваются друг на друга, пронизывают друг друга, переходят друг в друга [6, с. 45-46]. Свое законченное воплощение синергетическая концепция культуры М.С. Кагана получила в двухтомном издании «Введение в историю мировой культуры» [5].

Для постнеклассических исследований представляет интерес обоснованная М.С. Каганом необходимость анализа культуры в онтологическом аспекте. Вместе с тем, использование системного анализа имеет определенные теоретические последствия. Речь идет об исследовании «отношений культуры как подсистемы бытия с другими

его подсистемами (экстракультурологический аспект) и изучении внутренних отношений в самой культуре (интракультурологический аспект) [6, с. 47-48]. Безусловно, культуру можно рассматривать как особую форму (подсистему) бытия. Но в становящемся социальном бытии – она не «рядомположенное» (наряду с бытием общества и человека) и не сверхприродное бытие, а имманентное бытие человека, в становлении которого создаются условия для развития человека и общества в коэволюции с природой. В таком случае отпадает необходимость разделения экстра- и интракультурологических аспектов, поскольку самоорганизация культуры есть один из аспектов социальных самоорганизационных процессов, генерирующий механизмы самосохранения и саморазвития человеческого бытия.

В Украине среди первых публикаций, представляющих культуру как синергетический объект, следует упомянуть статью А.В. Свидзинского «Культура как феномен самоорганизации» (1992 г.) [12]. Используя одну из главных идей синергетики – идею когерентности, и опираясь на исследования Т. де Шардена и В.И. Вернадского, автором предложено понимание культуры как процесса самоорганизации ноосферы. Концепт самоорганизации, тем самым, указывает на связь самоорганизационных процессов в природе и обществе, определяет роль культуры, которая поддерживает эту связь и становится продолжением природных процессов на качественно новом уровне. Несмотря на возрастающее число научных работ в области социальной синергетики [1; 2; 3], собственно культурологическая проблематика разработана недостаточно. Причины этого, очевидно, следует искать как в сложившихся подходах к культуре, которые сегодня определяют проблемное поле отечественного философско-культурологического и социального знания, так и в синергетике, методологические подходы которой действительно трудно совместимы с «тонким» миром культуры и человеческой индивидуальности. Вместе с тем, на наш взгляд украинская философско-культурологическая мысль обладает достаточным теоретическим потенциалом для междисциплинарного диалога в рамках постнеклассических исследованиях, а именно: для формирования антропо-социо-культурной онтологии, в которой становление социального бытия инициируется взаимодействием человеческих индивидуальностей и обеспечивается особым «механизмом» самоорганизации – культурой.

Эвристичными представляются идеи Киевской философско-антропологической школы, в рамках которой сложилась экзистенциальная антропо-социо-культурная онтология (Э.И. Андрос, Е.К. Быстрицкий, М.А. Булатов, И.В. Бычко, И.Е. Головаха, А.М. Дондюк, О.Е. Гомилко, В.П. Иванов, С.Б. Крымский, В.А. Малахов, М.В. Попович, С.В. Пролеев, В.Г. Табачковский, Г.И. Шалашенко,

В.И. Шинкарук, Н.В. Хамитов и др.). Отличающая Киевскую школу «человекоцентристская» проблематика, с одной стороны, определяет ее как продолжателя традиций украинской философии (идеи органичной сопричастности человека и мира Г.С. Сковороды, гуманизма Т.Г. Шевченко, И.Я. Франко, Л. Украинки, «философии сердца» П. Юркевича и др.), с другой – дает основания включить эту проблематику в постнеклассический научный дискурс, размышляющий о «человекомерности» и «человекомерности».

Идеи Киевской школы могут быть переосмыслены в контексте социальной онтологии становления. Так, «софийно-ноосферный персонализм» С.Б. Крымского, понимание им культуры как «ценностно-смыслового универсума» позволяют интерпретировать отношения человека, общества и природы как субъект-субъектные, смыслогенерирующие, в которых противоречия и конфликты преодолеваются благодаря экзистенциальным вопросам-смыслам, задаваемым человеком миру. В контексте «человекомерного бытия» культура соотносится, прежде всего, с морально-ценностным измерением миропорядка, со способностью человека превращать универсум внешнего бытия во внутренний мир личности на этической основе. Вместе с тем, С.Б. Крымский пишет: «Включая в себя нормы, культура связывает их с возможностью отхода от них с последующим возвращением или окончательным расставанием с любыми императивами» [10, с. 67]. Таким образом, оформляется идея о том, что поддержание социального гомеостаза – не единственная и не основная функция культуры. Первостепенную значимость обретает функция обновления человеческого мироустройства, реализуемая в системе отношений «природа – человек – общество». Насыщенность культуры смыслами индивидуального бытия обуславливает ее динамическую целостность, способность к обновлению путем отказа от устоявшегося, привычного, обжитого. Целостность культуры есть выражение «внутренней» целостности ее творца – человека, через социокультурное бытие включенного в Универсум. Вместе с тем, ценностная, прежде всего, этическая, сущность культуры позволяет ей удерживать созидающий вектор социального развития. Близкими синергетическим аналогиям оказываются философско-антропологические исследования В.Г. Табачковского, в частности, его концепция «полисущностного человека» [14]. С ним мы связываем возможность раскрыть сущность социальной самоорганизации, исходя из сущности (полисущностности) человека, а именно, указать на множественность способов социальной самоорганизации (как следствие универсальности человека, эссенциально-экзистенциальной обратимости его сущностных свойств); акцентировать внимание на потенциальной способности человека к творчеству и разрушению, которая обуславливает его потребность в особых

«человекоберегающих» механизмах самоорганизации; рассматривать смыслополагание как процесс преодоления неопределенности человеческого существования.

Важно отметить, что в теоретических разработках Киевской школы происходит отказ от рассмотрения культуры как автономной по отношению к обществу системы, содержание и развитие которой, тем не менее, социально детерминировано. Культура, не утрачивая своей целостности (внутреннего единства), осмысливается как *целостный процесс* создания социального бытия, основанный на смыслополагающей деятельности человека. Она не локализована в отдельных сферах социума, не является его подсистемой, а «образует поле человеческого существования во всей непосредственности и многообразии его обнаружений для человека», «переживается человеком как естественная принадлежность особому культурному миру [4, с. 8].

Анализ культуры как феномена самоорганизации предполагает и соответствующий методологический инструментарий. В связи с этим востребованными оказываются те методологические решения, которые инициировали антропологический «поворот» в социальном познании, когда человеческая субъективность, сознание, смыслополагающая активность стали рассматриваться в качестве исходных, конститутивных начал социокультурного бытия. Речь идет о так называемых «мягких методах», представленных феноменологией и герменевтикой – методологических программах, в основе которых лежат «смыслосберегающие интерпретации». Безусловно, их функционирование в проблемном поле постнеклассики будет иметь свою специфику. Корректнее, в связи с этим, говорить об использовании концептуальных положений феноменологии и герменевтики, позволяющих «ввести» в социальную онтологию становления создающего социальное бытие субъекта.

Необходимо отметить, что в современном естествознании уже набирает силу подобные трансдисциплинарные тенденции. Так, А.М. Кравченко, анализируя проблемы формирования новой физической картины мира, пишет о том, что «обычные познавательные схемы заменяются схемами ... герменевтико-сценарного теоретического программирования возможного развития событий с учетом исключительных реальных обстоятельств... Герменевтический характер ситуации заключается в том, что вместо традиционной реальности в феноменологических моделях фигурирует «партнер-реальность» определенной метафоризированной суперреальности, призванной выявить спектры еще неизвестных явлений и таким образом привести в осмысленную связь известные нам наблюдения и герменевтически предполагаемые события». Происходит зарождение «супергерменевтической феноменологии», в

границах которой можно свободно прибегать все к новым и новым метафорам реального мира [13, с. 37,38]. Размышляя о проблемах постнеклассической философии, к феноменологии и герменевтике обращаются В.И. Аршинов, Л.П. Киященко, В.А. Конев, Я.И. Свирский и др. Так, В.И. Аршинов и Я.И. Свирский отмечают, что в текстах И.Р. Пригожина, рассуждающего о «переоткрытии времени», присутствуют А. Бергсон, М. Хайдеггер, А. Уайтхед. В тоже время синергетика отсылает к проблемам квантовой механики, а именно к проблеме наблюдателя и наблюдения. Это позволяет заключить, что коммуникативная методология постнеклассической синергетики является постфеноменологической. Синергетический способ видения мира, по их мнению, предполагает сочленение интенциональности Э. Гуссерля и рефлексивности Р. Декарта [11, с. 181]. В контексте пригожинской идеи переоткрытия времени возникает фундаментальная философская проблема человека становящегося, живущего «здесь и теперь». Из методологической проблемы познания возникающей сложности эта проблема переходит в статус онтологической, позволяющей раскрыть появление нового в бытии человека, переживающего его как «здесь и теперь» бытие.

Мы видим возможность использования концептуальных положений феноменологии и герменевтики для обнаружения в человеческом бытии оснований нелинейности как предпосылок самоорганизации, для выявления антропогенного «механизма» социальной самоорганизации. Речь идет о положениях трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, раскрывающих конститутивную, смыслосозидающую роль сознания; о его поздних идеях, связывающих сознание и интерсубъективность, в которой «Я» переживает «Другого»; сознание и «жизненный мир» как универсальный фундамент истории. Феноменология Гуссерля позволяет перейти от идеи трансцендентального субъекта к идее становящегося субъекта. Востребованной становится и герменевтическая феноменология М. Хайдеггера, в частности, такая ее идея, как обнаружение бытия через смысловую определенность сущего. Разные способы «представления» сущего, в том числе и в состоянии кажимости, преодолевают противопоставление бытия и сознания, выявляют сложность бытия, многомерность и нелинейность онтологических пространств, актуализируют в бытии как горизонте возможностей поиск начал, объединяющих единое и множественное. Феноменология придает пониманию онтологический статус, концептуализирует его как способ человеческого бытия, носящий интерпретативный характер (в том числе, и метафорический); акцентирует внимание на предпонимании, указывающем на укорененность человека в бытии (М. Хайдеггер), истории, традиции и культуре (Г.-Г. Гадамер). Возникает возможность выявить

конститутивные (самоорганизационные) начала человеческого бытия в отношении «человек-понимание-культура». Задействованной оказывается и респонзивная феноменология Б. Вальденфельса, в которой «Чужой» представлен в модусе непонятности, отсутствия и внепорядковости, обнаруживает себя как «призыв» и «претензия». Это позволяет интерпретировать интерсубъективность как особую динамичную коммуникативную среду с собственными источниками хаоса и особой топологией порядка.

Концептуальные положения феноменологии и герменевтики позволяют выявить *смысловую неопределенность* человеческого существования, которую можно рассматривать как аналог социального (экзистенциального по природе) хаоса. В данном случае синергетическая метафора выступает в роли специфического посредника, позволяющего переинтерпретировать концептуальные положения феноменологии и герменевтики в контексте неустойчивости, нелинейности и самоорганизации. Она облегчает познание становящегося бытия, поскольку в данном случае познается скорее мир возможного, постижение которого исключительно языком понятий и категорий затруднено. Как отмечает В.А. Конев, «феноменология Гуссерля становится исследованием сознания как особой области бытия, которая реализует себя в смыслоформировании и в котором действуют *разнообразные способы придания смысла, понимания смысла, обработки смысла*» [8, с. 22]. Разные способы *осмысливания*, таким образом, конституируют разные связи и отношения человека с миром, определяют разновекторную перспективу его самореализации. Смысл становится процессом, в котором что-то открывается человеку (и в нем самом, и в окружающем мире), а что-то остается сокрытым, иногда навсегда. Поэтому человеческое бытие, основанное на смыслополагании, принципиально непредзадано, непредсказуемо. В своем становлении человек постоянно пребывает на границе «понимания-непонимания», т.е. в ситуации смысловой неопределенности, возможности и обретения смысла и его утраты. Смысловая неопределенность рассматривается нами как сущностная характеристика человеческого бытия, определяющая его как становящееся бытие, а человека – как нелинейную целостность. Преодоление смысловой неопределенности происходит через творческо-деструктивную самореализацию человека, что обуславливает нелинейность социальной самоорганизации. При этом если феноменология и герменевтика придали смыслу и пониманию позитивно-ценностное содержание, связав их с культурой как миром смыслов, способом человеческого бытия, то в контексте социальной нелинейности однозначность этой связи разрушается. Выявляется, что смысл может конституировать как человеческий, так и античеловеческий социальный порядок, а

значит не только культуру, но и антикультуру. Вопрос о том, какие смыслы и каким образом конституируют человеческое бытие, снижая риски саморазрушения человека и мира вокруг человека, становится принципиальным философско-культурологическим вопросом. Использование синергетической метафоры позволяет выявить истоки социальной энтропии в сущности и существовании человека, связать сущность социальной самоорганизации с сущностью человека и выйти на «человекоберегающие» технологии, благодаря которым человек способен сдерживать собственные энтропийные проявления и оставаться органичным целым самоорганизующегося мира.

В социальном бытии процессы самоорганизации разворачиваются на особом «субстрате» – человеке, сущность которого проявляет себя в феноменах сознания, коммуникации, познания, выбора, свободы, творчества и т.д., причем, проявляет нелинейно – в многовариантных самореализациях человека, в принципиальной непредзаданности его становления. Рассматривая человека как структурный элемент социального бытия, необходимо включать его в процессы самоорганизации не в качестве индивида, агента деятельности, и даже личности, а в качестве целостности, обнаруживающей себя через самореализацию, смыслополагание, экзистирование, способной достигать особого состояния слитности с миром – понимания. Еще раз подчеркнем необходимость обращения к феноменологической, герменевтической, экзистенциальной философской традиции, раскрывающей индивидуально-личностное взаимодействие человека с миром, в котором интенции сознания образуют динамическое единство рационального и эмоционального, логичного и алогичного, осознаваемого и бессознательного, целеполагающего и спонтанного. Человек в единстве его экзистенциально-личностных характеристик являет собой ту спонтанность и самопроизвольность, которая постоянно нарушает хрупкое равновесие в создаваемом им же бытии, в существующей социальной упорядоченности, но, в то же время, является источником возникновения нового. Спонтанность не означает отсутствие рациональной компоненты в человеческих действиях, она соотносится скорее со свободой воли человека, способного выходить за рамки, очерченные обществом, социальным контекстом. Спонтанность как выражение субъективности узнаваема в рассуждениях Э. Гуссерля о живом восприятии, которое всегда уже содержит произвольное (и часто противоречащее нашему рациональному умыслу) истолкование, непосредственный эмоциональный приговор воспринимаемому; в хайдеггеровском «экзистировании» – способности человека «быть вне себя», выходить за пределы своего упорядоченного сознания, эмпирического кругозора, социально организованного опыта; в прямых указаниях Ж.-П. Сартра на «абсолютную

необусловленность», индетерминизм человеческого поведения. Тем самым, человек в целостности его экзистенциально-личностных характеристик становится центром сосредоточения творческого и деструктивного потенциала социального бытия.

Социальная самоорганизация в «человеческом» измерении предполагает, что в человеке следует искать истоки социального порядка и социального хаоса. В связи с этим актуализируется вопрос о направленности изменений, имеющих место в индивидуальном и коллективном человеческом бытии. Обращаясь к синергетике, мы получаем знание о множественности путей эволюции сложноорганизованных систем, среди которых – и пути саморазрушения. Самоорганизующаяся система, осуществляя выбор в точке бифуркации, отдает предпочтение такому порядку, которому соответствует минимальный рост энтропии. Выход на новый вектор развития означает для системы выход на новый порядок, а значит, ее сохранение. В социальной самоорганизации ситуация не так однозначна, и возникшая социальная целостность может представлять порядок в формальном (структурном) смысле, а в содержательном (смысловой наполненности) ассоциироваться с хаосом и вести к разрушению. Понимание социальной самоорганизации требует учета ценностного строя человеческой жизни, более того, выявления зависимости от этого строя. Наполненный ценностным содержанием социальный порядок способен стать человекомерным порядком – воплощением жизненных приоритетов человека, его устремлений и идеалов, «своим» жизненным миром.

Опираясь на феноменологический и герменевтический подходы, мы исходим из того, что человек находится в органичной слитности с миром, переживая и осмысливая его как «жизненный мир». В таком случае способность человека управлять социальными процессами становится одним из аспектов его личностной самоорганизации: направленное воздействие вовне неотделимо для человека от самоуправления, то есть направленного воздействия на самого себя. Эта взаимодетерминация создается и поддерживается культурой, задающей также и ее созидательную направленность. В связи с этим правомерно ставить вопрос о культуре как способе социальной самоорганизации, который, создавая условия для развития индивидуальных социальных образований, сохраняет при этом созидательный, то есть негэнтропийный вектор социальной эволюции.

Если отталкиваться от определения энтропии как меры неупорядоченности системы, то социальная энтропия связана с неупорядоченностью особого рода – рассогласованностью индивидуальных интенций взаимодействующих субъектов, препятствующей их самореализации. В таком состоянии социума снижается возможность становления человека как уникального

культурного формообразования, а общество трансформируется либо в безликую, аморфную массу, либо в такой же безликий, но жестко иерархичный порядок. Энтропия будет минимальной, когда человек идентифицирует себя с индивидуализированным социумом, во множестве других становящихся индивидуальностей «узнавая» себя. Индивидуализированный социум представляет собой динамическую целостность, в которой постоянно продуцируется хаос, но вместе с тем и условия для личностных самореализаций – через механизм трансформации хаоса в творчество. В обществе, соразмерном человеку, вероятность саморазрушения снижается при действии культурогенных механизмов.

В силу этого целесообразна ценностная идентификация социальных энтропийных процессов, которая дает возможность исследовать их с позиции заинтересованного в сохранении социального бытия человека. Социальная энтропия, выражая меру социального хаоса, есть процесс разрушения социокультурного бытия, индикатор того, что в нем неэффективны «человекосберегающие» начала. Энтропия имеет место на всех уровнях и характеризует процессы саморазрушения различных социокультурных целостностей, в том числе и человека. В этом плане, выделяя любую целостность, можно анализировать ее динамику как энтропийный или негэнтропийный (самоорганизационный) процесс. Более того, выделяя в понятии социальной энтропии ценностный аспект, представляется возможным выявить ее зависимость от способов создания социального порядка. Для человека вопрос о том, что такое социальный порядок, неразрывно связан с вопросом о том, каким способом он создается. Разные способы выводят на разные порядки, в том числе, и античеловеческие.

В связи с этим необходимо добавить, что в становящемся социальном бытии могут возникать способы самоорганизации, основанные на подавлении человека, его свободы и творчества. В формальном смысле можно говорить о существовании социального порядка (тоталитарного, криминального и др.) и низкой энтропии, но в содержательном плане он является античеловеческим и потому высокоэнтропийным. Тем самым, энтропия не обязательно ассоциируется с беспорядком. Соответственно, действия человека (людей), направленные на поддержание, укрепление социального порядка не обязательно идентифицируются как негэнтропийные. Социокультурное бытие – такое, в котором социальный порядок наполнен человекотворческим содержанием. Использование понятия энтропии позволяет выделить базовую функцию культуры – негэнтропийную, которая заключается в трансформации социального хаоса в творчество путем когерентных, ценностно ориентированных взаимодействий человека, общества и природы. Применительно к

культуре понятие негэнтропии выступает интегративным выражением ее человекотворческой и человекосберегающей функции. Человек, ответственный за собственное существование, социальное окружение, природу, формируется в культуре и посредством культуры. Социальный порядок, создаваемый культурой, не противоречит ни человеку как его части, ни природе, частью которой он является.

В социальной самоорганизации культура ответственна за то, что можно определить как *культурогенный синтез* социального хаоса и социального порядка, процесс трансформации социального хаоса в творчество. В становлении человекомерного социального бытия культурогенный синтез выступает аналогом нелинейного синтеза [См.:7, с. 32-33]. Культура многомерна, объединяет различные по своей топологии, темпам развития антропо-социо-культурные процессы и явления. Как исторический феномен, она создает особый «темпомир», в котором время жизни личности согласуется с историческим временем, возникают условия для коэволюции общества и природы. Динамика культуры создается динамикой человеческих взаимодействий, в то же время, определяя их. Как плюральное ценностно-смысловое пространство, культура предлагает человеку множество способов «встраивания» в мир через самореализацию, сохраняя при этом безопасный для человека и общества «коридор» эволюции. Становление социокультурного бытия осуществляется через самоизменение человека, создающего различные социальные целостности, взаимодействующего с природой. На разных уровнях социокультурной реальности постоянно возникают ситуации «на краю хаоса», инициируемые человеком как носителем субъективности и являющиеся предпосылкой для творчества. Наконец, «сборка» различных социокультурных образований осуществляется через коммуникацию, в интересности – промежуточной среде, воспроизводящей неустойчивость в социокультурном бытии. Безусловно, эти положения нуждаются в конкретизации, тем не менее, понятие культурогенного синтеза можно рассматривать как «квинтэссенцию» социокультурной самоорганизации. Оно выражает сущностную связь человека и культуры, благодаря которой генерируется ценностно-смысловое содержание его бытия. Выступая аналогом нелинейного синтеза в природных процессах, культурогенный синтез есть механизм преодоления социальной неустойчивости и нелинейности, возникновения социального нового. Понятие культурогенного синтеза, с одной стороны, отсылает к синергетическим схематизациям, с другой – к философско-культурологическому знанию, в котором выявлен культурогенный характер человеческого бытия, присущая культуре способность его целостного структурирования через понимание.

Являясь одновременно и процессом смыслополагания, и состоянием, переживаемым человеком, понимание раскрывает специфику

культурогенного синтеза. Понимание выражает многомерность отношений человека с миром, в которых человек представлен как индивидуально-неповторимая личность и как часть человеческой общности, ассоциирующая себя с теми или иными формами коллективности. И в том и в другом случае оно сохраняет свою особенность, по выражению С.Б. Крымского – «требование вхождения в осознаваемую ситуации» [10, с. 105], что предполагает активность человека как субъекта культуры, носителя ее ценностно-смыслового содержания. В состоянии понимания происходит слияние множества индивидуальных интенций в единую интенцию «жизни в истине», а значит и в культуре, в которой то, «как мы понимаем действительность, практически объективно воплощено» [10, с. 103].

Способствуя становлению целостного социокультурного бытия, понимание объединяет не только человека с человеком, но человека и природу. Создается ситуация, когда, по словам С.Б. Крымского, «стихийность дочеловеческого существования перевоплощается в способность объектов быть «услышанными», принятыми на уровне культуры, в сфере их практического и духовного освоения, а также культурно-символической репрезентации их в языке» [10, с. 106]. Тем самым, понимание есть активизированная культурой способность человека придавать смысл тому, что до этого смыслом не обладало. Пронизанный информационными потоками материальный мир, чуждый в своей объективности и хаотичности человеку, обретает структурированность, комфортность, ценностную значимость через смысл, рождаемый в культуре. Благодаря культуре человек живет в искусственно комфортном мире, защищенным от всего непонятного, тревожного, пугающе-таинственного [9, с. 26].

Смыслополагающая активность человека одновременно разворачивается в двух направлениях – понимания «Другого» (направленность во «вне») и самоосмысления (направленность на собственное «Я»). Существовая на пересечении этих направлений, как «здесь-бытие», человек реализует свою жизнь, в хайдеггеровском понимании, как со-бытие, то есть, становясь самим собой, «осуществляясь», «обретая собственную самость». Перед становящимся человеком мир предстает в его многозначности, смысловой многослойности явлений, как воспроизводящийся хаос, связанный с неопределенностью существования человека в пространстве многочисленных индивидуальных интенций. Тем самым, человек постоянно погружен в ситуацию «определенности – неопределенности», «понимания – непонимания», балансируя на «границе» порядка и хаоса. Обретение человеком самоидентичности достигается через согласование его смыслополагания со смысловыми поисками других индивидуальностей. Понимание и дает человеку возможность самоопределения в данных обстоятельствах, данном

смысловом контексте, а также связывает его с иными субъективностями и формирует общую для них интенцию, в которой сохраняется ценностный статус каждого индивида. Через понимание возникает когерентное (толерантное по сути) взаимодействие открывающихся друг другу индивидов, складывается специфически человеческая – социокультурная общность, которая и ассоциируется с порядком – освоенным, комфортным, выражающим человеческую «самость» в индивидуализированном бытии. Понимание, таким образом, может возникнуть только в интерсубъективности, в которой человек осуществляет самоконструирование собственного бытия и открывает возможность со-бытия с другими становящимися индивидуальностями.

В связи с этим следует подчеркнуть еще одну важную особенность понимания – оно предполагает ценностный контекст, в котором осуществляется человеческое общение, опору на «культурную онтологию» (С.Б. Крымский). Это собственно, и отличает понимание от познания, в котором круг оценок максимально сужен и требуется соблюдение «техники доказательств». Понимание же связано с переконструированием того, что познается, созданием другой системы знания или системы культуры, «когда сознание начинает резонировать в вещах, а вещи выступают как «вещания», раскрывая свой смысловой потенциал, очерченный культурно-историческим опытом» [10, с. 108]. Понимание есть культурно детерминированное отношение и состояние, которое дает прирост новых смыслов, не выходящих, тем не менее, за границы культурного, а значит, и человеческого.

Таким образом, переосмысление концептуальных положений феноменологии позволяет выделить смысловую неопределенность человеческого бытия как предпосылку его неустойчивости, обосновать ценностную неоднозначность личностной самореализации человека. Концептуальные положения герменевтики открывают возможность использования метафоры как методологического средства в построении нелинейной антропо-социо-культурной онтологии; в понятии культурогенного синтеза, раскрывающего роль понимания в становлении человеческого бытия. Представляя методологический инструмент социальное-гуманитарное знание, феноменология и герменевтика позволяют выявить роль ценностно-смысловых, экзистенциально-личностных начал в становлении социального бытия, наполнить культурологическим содержанием предлагаемые постнеклассической наукой концептуализации самоорганизационных процессов. Изложенные положения позволяют определить культуру как духовно-практический способ социальной самоорганизации, направленный на осмысление (понимание), выражение, сохранение и развитие человека и общества. В

социальном бытии культура функционирует как негэнтропийный фактор, создающий условия для самосохранения и саморазвития социального бытия через творческую самореализацию человека.

Литература

1. Андрущенко В.П. Організоване суспільство. Київ, 2006.
2. Аутопоезис соціальних систем. Київ, 2010.
3. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев, 2002.
4. Быстрицкий Е. К. Культура, личность, экзистенция // Онтологічні проблеми культури. – Київ. – С. 6–20.
5. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. В 2 кн. СПб., 2003.
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.
7. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. – М., 2004. – С. 29 – 48.
8. Конев В.А. Философия XX века: Утверждение неклассических идей // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. – С. 19 – 45.
9. Кримський С.Б. Запити філософських смислів. Київ, 2003.
10. Кримський С.Б. Під сигнатурою Софії. Київ, 2008.
11. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.
12. Свідзінський А.В. Культура як феномен самоорганізації // Сучасність. – 1992. – № 4. – С. 141 – 155.
13. Світоглядні імплікації науки. Київ, 2004.
14. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». Київ, 2005.

Ивашкин И.Ф.

*к. филос. н., доцент кафедры философии и истории
Вологодской молочнохозяйственной академии
им. Н.В. Верещагина
г. Вологда, Россия*

Методологическая культура как фактор формирования мировоззрения личности

Актуальность мировоззренческой проблематики связана с тем, что мировоззрение как сознательная компонента личности позволяет видеть мир целостно и организованно. Если же мировоззрение формируется стихийно и случайно, то общество будет иметь дело с большим количеством разных социальных групп, действия которых будут определяться преимущественно бессознательными мировоззренческими установками. Если принять во внимание, что мировоззрение традиционно связывается с философией, то обращает на себя внимание тот момент, что в ряде работ, например, философских словарей термин «мировоззрение» отсутствует. А если в учебниках и учебных пособиях, а также в словарях мы можем встретиться с изложением этого вопроса как неким знанием, то само по себе информирование человека о мировоззрении ничего не меняет в его неосознаваемых установках. Обращает на себя внимание и тот момент, что в большинстве определений мировоззрение склеивается с мироотношением, поскольку вводятся представления об эмоциональной оценке мира человеком [9, с. 232]. Но вряд ли целесообразно для формирования мировоззрения склеивать концепции, теории и онтологии с идеалами и ценностями. Не лучше обстоит дело и с переводными книгами под аналогичным названием. В этих работах мировоззрение распадается на множество частных сведений о разных открытиях и фактах в науках [3, с. 9-19]. Нам представляется, что разговор о мировоззрении на уровне знаний о данном термине ничего и не может дать конкретной личности. Мировоззрение это способность личности видеть мир определенным образом и чтобы эта способность развивалась осознанно, нужно видеть и владеть формой мировоззрения, выраженной в схематическом изображении, которые могут эффективно осваиваться в особым образом организованной образовательной группе.

В то же время появляется все больше работ, где говорится о предельной значимости мировоззрения и мироотношения для формирования адекватных ориентиров поведения человека в обществе [8, с.4]. Например, П.А. Недотко и др. рассматривают мировоззрение как «духовное» тело человека. Он пишет, что суть нового мировоззрения в том, чтобы личность духовно-творчески

управляла своим сознанием [7, с. 17-18]. О принципиальном значении культуры для формирования мировоззрения говорится в работе В.Н. Кузнецова[5,с.22]. Мировоззрение рассматривается им как императив в образовании миропорядка XXI века[5, с.44-51]. Вопросам мировоззрения уделялось внимание и в дореволюционной России. Д.И. Менделеев в 1905 году в своем труде «Заветные мысли» говорил о том, что мировоззрение должно быть целостным, а что касается разделения на материализм и идеализм, то это устаревшая традиция, которая ориентирует человека на борьбу, вражду и войну. Идеалист стремится внедрить в мир свои чисто умозрительные конструкции, а материалистом движет процесс удовлетворения низших потребностей. Личность должна быть реалистом и избегать крайностей материализма и идеализма [6, с. 308-311]. Труд Д.И. Менделеева был переиздан только в 1995 году, а вся история социализма была связана с изложением знаний по курсу философии, в котором материализм постоянно противопоставлялся идеализму, как чуждой для социализма позиции. Это же продолжает повторяться и в современных учебниках по философии, хотя одновременно появляются работы, в которых сегодняшние авторы осознанно относят себя к идеалистам. Разделение мировоззрения на части приводит к потере нравственного содержания данного образования, то есть, мировоззрения. О том, что мировоззрение должно формироваться духом личности, быть мыслящим, нравственным и оптимистичным писал и А. Швейцер в своем труде «Благоговение перед жизнью» [10]. Но, несмотря на то, что в обществе постоянно появлялись работы, в которых содержались весьма ценные знания о мировоззрении, основная масса людей жила и действовала так, словно этих работ и не было.

В.И. Вернадский в работе «О научном мировоззрении» писал о том, научное мировоззрение есть создание и выражение человеческого духа, но наравне с ним, проявлением той же работы служит религиозное мировоззрение, искусство, этика, философия и др. [2, с.1418] Эта замечательная мысль выдающегося ученого говорит о том, что неправомерно разделять мировоззрение на типы и противопоставлять один тип другому, когда доминирующий тип дает право подавлять людей с иными типами мировоззрений. Большинство мыслителей считали и считают, что основанием мировоззрения является духовность человека, в которой соединяются все типы мировоззрения, дополняя друг друга. В.И. Вернадский далее в своей работе пишет, что все элементы культуры должны иметь свою форму, а тем самым и мировоззрение должно базироваться на форме, а в науке на методе[2, с. 1422-1423].

А.Ф. Лосев еще в советский период в беседе с читателями журнала «Сельская молодежь» на тему мировоззрения, говорил о том,

что мировоззрение дает целостное представление о мире, помогает человеку достойно жить, действовать, принимать решения. В свое время эта беседа не была напечатана, хотя это всего лишь знания, которые автоматически не становятся мировоззренческой способностью. Н.М. Амосов в статье «Мое мировоззрение» писал, что марксистское мировоззрение так людям опротивело, что они не хотят никакого, но человек не может не думать [1, с.50]. Поэтому лично он выработал свое собственное мировоззрение. По-видимому, именно на это и нужно ориентировать личность, а не навязывать ей готовые догмы официального мировоззрения, которое не является ни научным, ни философским, хотя и выдает себя за такое.

Задачей данной статьи является обоснование той мысли, согласно которой мировоззрение как осознанная способность мыслящей личности может формироваться только тогда, когда образователь освоил форму мировоззренческой способности, когда на каждом уровне развития мировоззрения фиксируется своя форма, которая и определяет то, как познает человек окружающий мир.

Когда человек встречается с тем или иным словом, то он, иногда, видит само слово, но не видит того, что это слово обозначает. Слово «мировоззрение» как раз относится к таким словам, ибо оно имеет отношение к внутреннему миру человека. Если я, например, изучаю философию, и мне попадается тема про мировоззрение, то я, конечно, буду искать определение этого термина в литературе, в словарях. И там я прочитаю, что мировоззрение это либо совокупность взглядов на мир, либо система взглядов [9, с.232]. Но задумаюсь ли я о своем собственном мировоззрении? Вряд ли? Конечно, меня могут спросить, а что я думаю о своем собственном мировоззрении? Конечно, у меня есть какие-то представления о мире, но являются ли они совокупностью или системой, я не могу сказать. Затем я могу прочитать, что именно мировоззрение определяет то, что человек в этом мире видит. И тогда я начинаю понимать, что по моим текстам, если я их буду создавать, можно понять, что собой представляет мое мировоззрение. Но кто будет с этим разбираться? Ведь если это будет делать кто-то другой, то он в моем тексте увидит то, что обусловлено его мировоззрением.

И тогда мне остается только одно, опираться на свой собственный опыт методологических исследований. А он мне говорит о том, что мировоззрение может быть организовано с помощью формного видения на нескольких уровнях: натуральном, атомарном, рядоположенном, структурном и системном. И все это я могу выразить на схеме.

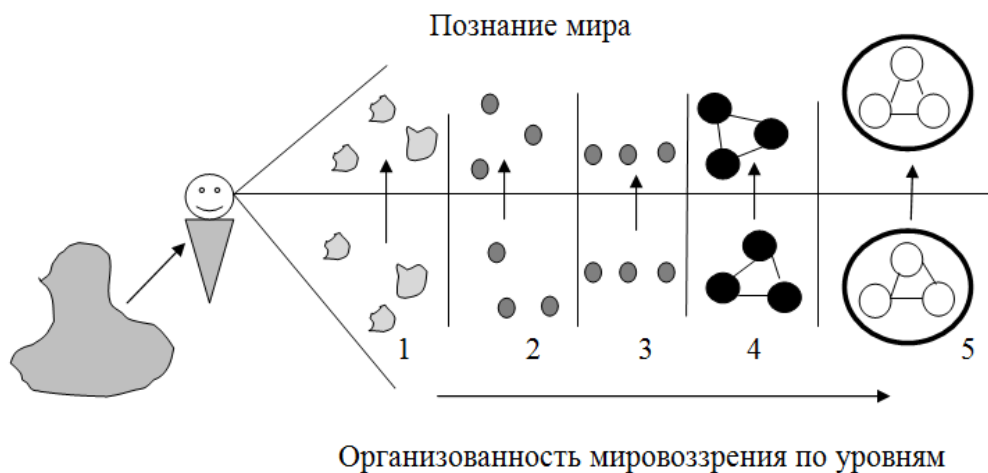

Схема 1.

Внешний мир воздействует на меня или же я его познаю и организую первичные представления в зависимости от уровня организованности моего мировоззрения. Если мое мировоззрение образно и мифологично (1), то и мир будет отражаться в соответствующих представлениях, т.е. антропоморфно (Фалес, Анаксимен). Если же мое мировоззрение атомарно, элементарно (2), то и мир я буду видеть как совокупность элементов, что и наблюдалось, например, в философии Демокрита. Если же мировоззрение рядоположенно по элементам (3), то и представления о внешнем мире я буду располагать в определенной последовательности. Если же мое мировоззрение структурно (4), то и представления о внешнем мире я буду соединять в структуру, т.е. элементы будут находиться во взаимозависимости друг от друга, а если мировоззрение будет системным (5), то и во мне будет рождаться системное представление о мире, когда на первый план выходит целое и подчинение всех элементов целому, а не приоритет их взаимозависимости, как в структурном мировоззрении. То есть, между атомарным и структурным представлением с одной стороны, и системным с другой стороны, есть большое различие. Системное видение не является результатом отражения или познания внешнего мира. Оно результат развертывания внутренней идеи. Системность постигается мыслительно, есть результат внутреннего конструирования на основе внутренних открытий.

И теперь передо мной встает вопрос, а как мне самому определить уровень моего мировоззрения? Каким оно реально является? И что я должен принимать во внимание? В отношении многих наук я могу сказать, что у меня нет даже атомарного представления. Хотя при большом их количестве это и не нужно. Скорее нужно видеть форму науки. И тогда я могу сказать, что атомарное мировоззрение это еще и не мировоззрение вовсе, а некая мозаика из представлений.

Но тогда по самому большому счету я могу сказать, что если я осознанно формирую свое мировоззрение, то на сегодняшний день оно должно быть системным. Но чтобы дойти до системности, я должен пройти весь путь по уровням и каждый уровень соотнести со своими собственными текстами, чтобы понять, где я сегодня нахожусь и куда мне двигаться дальше.

Литература

1. Амосов В.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. – 1992. - № 6.- с. 50-74.
2. Вернадский В.И. О научном мировоззрении /В. Вернадский// Вопросы философии и психологии. - М., 1902. - год XIII, кн. 65 (V). - с. 1408-1465.
3. Гудинг Д., Леннокс Дм. Мировоззрение. Для чего мы живем и каково наше место в мире. – Ярославль: ТФ «Норд», 2001.-384 с.
4. Кондрашов В.А. Новейший философский словарь. – Ростов н/Дону: Феникс. 2008. – 988 с.
5. Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения: социологические особенности мировоззрений 2012 года и последующих лет в контексте РИО+20. М.: Книга и бизнес, 2012. – 685 с.
6. Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.).–М.: Мысль, 1995.–413 с.
7. Недотко П.А., Простов А.Ф., Сумина И.С. Конкуренция глобальных и локальных проектов будущего: Комментарий к Проекту социального развития трудовых ресурсов и территорий в России «Автономная некоммерческая благотворительность». – М.: Изд-во РАГС. 2008. -174 с.
8. Хазиев В.С., Хазиева Е.В. Мировоззрение как субъективная реальность: Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. – 296с.
9. Философский словарь. – Ростов н/Дону: - Феникс. 2010.- 502 с. С 232.
10. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – Москва: Прогресс, 1992. – 573 с.

Канищев Д.В.
*Студент группы 87001001, социально-теологического
факультета
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Научн. Рук.: Филатова Я. С.
к. филос. н., старший преподаватель кафедры теологии
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
г. Белгород, Россия*

К.С. Льюис как проповедник христианской мысли

«Я отлично знаю, почему боги не говорят с нами открыто, и не нам ответить на их вопросы. Пока мы не научились говорить, почему они должны слушать наш бессмысленный лепет? Пока мы не обрели лиц, как они могут встретиться с нами лицом к лицу?»[3, с. 290]. Эти слова принадлежат замечательному английскому писателю и христианскому мыслителю начала XX века Клайву Стейплзу Льюису. Известный всему миру как автор серии сказок для детей и взрослых «Хроники Нарнии», К.С. Льюис выступил в истории христианской мысли еще и как выдающийся богослов, апологет, профессор Оксфордского и Кембриджского университетов.

Все творчество К.С. Льюиса представляет собой ярчайший образец английской классической литературы. Что же касается его богословских и апологетических работ, то широкую известность, по мнению многих исследователей, они приобрели благодаря исключительно простому языку изложения основных вероучительных истин христианства. Причем истины эти одинаково универсальны для всех конфессий от православных до католиков и протестантов. Существование Бога, истинность христианства, духовный мир, искренняя вера и добрые дела, христианская нравственность, страсти и добродетели, духовная жизнь и совершенствование в ней – вот те вопросы, которые раскрываются на страницах как богословских, так и художественных произведений К.С. Льюиса.

Именно поэтому, на наш взгляд такого рода исследование творчества писателя, принадлежащего англиканской церкви, актуально для всех христиан, и православных в том числе. Тем более что склонность к ортодоксальным взглядам К.С. Льюиса является очевидной для многих исследователей как светских, так и богословских наук. Подтверждением тому является статья православного митрополита Диоклийского Каллиста Уэра (Константинопольский Патриархат) «Можно ли считать Клайва Льюиса «анонимным православным»? В статье он приводит цитату из

воспоминаний К.С. Льюиса, где он описывает свои впечатления от греческой службы, на которой ему представилось побывать: «Образец для меня – русская православная служба. Одни сидят, другие лежат ничком, кто-то стоит на коленях, кто-то просто стоит, кто-то ходит, и никто ни на кого не обращает внимания. Умно, учтиво и похристиански»[1, с. 454]. Позже, уже в «Письмах к Малькольму», опубликованных после смерти писателя этот эпизод представлен следующим образом: «Однажды я был на греческой службе, и больше всего мне понравилось, что там, насколько я понял, нет правил для паствы. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то опустился на колени, кто-то ходил по храму, а один человек просто полз, словно гусеница. Самое же лучшее, что никто, ни в малой степени, не следил друг за другом. Хотел бы я, чтобы мы, англикане, это переняли! У нас есть люди, которым очень мешает, что сосед не крестится или крестится. Лучше бы они вообще не смотрели, тем более – не судили чужого раба»[2, с. 143].

В ракурсе озвученной проблемы представляется интересным привести один эпизод, который описывает Эндрю Уолкер в своей статье «Под русским крестом». Статья приводит воспоминания некоторых людей, присутствующих на похоронах К.С. Льюиса. В том числе рассказывается о близких друзьях Льюиса Зёрновых, которые тоже были на похоронах писателя 26 ноября 1963 года. Милица Зёрнова принесла крест из белых цветов, но ей сказали, что в храме цветов не будет. В конце концов, положить венок на гроб разрешили, уже на кладбище. «Кто бы подумал? – пишет Эндрю Уолкер, – Джек Льюис похоронен под русским крестом...»[4].

Таким образом, можно смело утверждать, что творчество К.С. Льюиса, как талантливейшего писателя, является образцом христианской мысли. В его рассказах заключены основные христианские добродетели и пороки. В интересной и необычной форме Льюис рассказывает о вечном: борьбе зла и добра, гордости и смирения, любви и ненависти. На страницах его романов мы видим фантастические образы героев, открывающих в прикровенной форме самые скрытые уголки человеческой души. Через различные образы и представления в его произведениях, сквозь подтекст, раскрывается глубочайший не только нравственный, но вполне религиозный христианский смысл.

В данной статье мы не утверждаем, что произведения К.С. Льюиса являются своего рода альтернативой Святоотеческому наследию. Предание Церкви и поучения Святых Отцов – это незыблемая основа христианства. Но в современном секулярном мире, далеко от христианских ценностей, не каждый человек, в силу многих причин (в том числе и уровня духовной жизни) имеет возможность глубоко проникнуть в опыт духовной жизни Церкви.

Поэтому такого рода произведения как «Хроники Нарнии», «Письма Баламута», «Космическая трилогия», «Расторжение брака», «Пока мы лиц не обрели» и многие другие, написанные простым и живым языком, могут незаметно открыть перед читателем тот единственный жизненный путь, приводящий человека к Богу.

Литература

1. Letters of C. S. Lewis., 1988.
2. Льюис К. С. Собрание сочинений в 8 томах. Т.8. Письма к Малькольму. М., -2003.
3. Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели. Пер. с англ. И. Кормильцева. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012.
- 4 . Уолкер Эндрю «Под русским крестом»: Walker A., Patrick J. A Christian for All Christians: Essays in Honour of C. S. Lewis., 1990.

Ковалева Л.С.

*Аспирант кафедры теории и истории культуры ХГИИК
Хабаровского государственного института искусств и
культуры
г. Хабаровск, Россия*

Массовый человек как категория в классике и современных исследованиях России и зарубежной науки

Феномен «массового человека» в XX веке попал под пристальное внимание крупнейших философов и исследователей культуры. До настоящего времени в социальной философии, культурологии, социологии так и нет однозначного мнения по поводу его природы и роли в жизни современного общества.

На рубеже XIX – XX вв. появление «массового человека» и массового общества было осмыслено как результат глобальных изменений ценностных ориентаций в изменившейся новой культуре. Новый тип человека и общества достаточно быстро были осмыслены такими выдающимися философами, как Ф. Ницше, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет. Они рассматривали массовую культуру как оппозицию культуре элитарной и были фактически первыми, кто выделил такие понятия, как «массовый человек» и «массовое общество».

Для Ортеги-и-Гассета «толпа» является совершенно новым явлением. Он согласен, что толпа была всегда, но при этом она не была этой новой «толпой». Этим самым он подчеркивает свое понимание «массы» как новой качественной характеристики человека.

«Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу». Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса – не выделенных ничем. Речь, следовательно, идет не только и не столько о «рабочей массе». Масса – это «средний человек». Таким образом, чисто количественное определение – множество – переходит в качественное. Это – совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип» [1, 19].

Ф. Ницше считает, что «массовый человек» вышел из тени общества в конце XIX – начале XX вв. По его мнению, новый тип человека породила господствующая в Европе на протяжении всего ее существования мораль, которую он называл «стадной» моралью.

О. Шпенглер также придерживается мнения, что «массовый человек» – это явление, прежде всего конца XIX – начала XX вв. По его мысли, именно в этом указанном отрезке времени происходит конец «истории большого стиля». На первый план вышло третье сословие – буржуазия, которая ознаменовала начало эпохи цивилизации. В эпоху цивилизации происходит формирование большого города, «мировой столицы». Житель «мировой столицы», согласно О. Шпенглеру, это человек который способен существовать только на искусственной почве «столицы». То есть, это человек, лишенный своей культуры, полностью обезличенный. О. Шпенглер связывает появление «массового человека» с нарастающей тенденцией потери культурной традиции, корневой культуры. «Масса» – продукт большого города, уничтожающего деревню (носителя культурной традиции). По мнению О. Шпенглера, масса не имеет корневой родной культуры, поэтому она озлоблена и полна ненависти к традициям старой культуры.

Как считает Х. Ортега-и-Гассет, «массовый человек» существовал всегда, но именно в конце XIX – начале XX он вышел на передний план истории. По его мнению, масса не является только социальной категорией и не определяется только количественными характеристиками. Масса – качественная характеристика нового типа людей.

«По одному человеку можно понять, масса это или нет. Масса – это любой, кто не мерит себя особой мерой, ощущает себя, как все, и не удручен по этому поводу» [1, 20].

В работах Г. Лебона и З. Фрейда «массовый человек» рассматривается неотделимо от толпы, как ее часть. Для данных исследователей «масса» была временным, локальным объединением толпы, которая формировалась людьми ради достижения какой-то цели, после чего распадалась.

Можно сказать, что причины появления «массового человека» вышеперечисленные философы видят в изменениях общества и культуры на рубеже XIX – XX вв. Началась эпоха новой культуры, которая предъявила совершенно иные требования к человеку. Ей был необходим человек, легко управляемый, лишенный своих индивидуальных особенностей. Для новой культуры был важен человек как своеобразный придаток к производству, а не как отдельная целостная личность.

Стоит отметить, что классические теории, касающиеся «массового человека» и «массового общества», создавались людьми, которые были рождены и воспитаны в рамках традиционной культурной традиции. Х. Ортега-и-Гассет таких людей назвал «человеком архаического склада» и можно сказать, что сам философ ощущал себя именно таким. Соответственно, «человек архаического склада» воспринимает приход новой культуры достаточно болезненно, поэтому вполне естественно пытается ей противостоять. По нашему мнению, это одна из главных причин, почему все классики рассматривали «массовое общество» и «массового человека» только с негативной точки зрения.

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. «человек массы» характеризовался как человек с утратой индивидуальности, с запрограммированной поведенческой матрицей, со стремлением к материальным благам и отвержением духовного развития. Следствием запрограммированной поведенческой матрицы стали потеря личностной свободы, конформизм. Также для исследователей массового человека характерно понимание того, что наличие массового человека в обществе ведет к застою и регрессу культуры.

На рубеже XX – XXI вв. происходят новые социокультурные изменения, наступает информационная эпоха. Поэтому новое общество по-другому воспринимает и человека массы. Массовая культура за XX век прочно обосновалась в жизни каждого человека. Современные исследователи культуры – это дети массовой культуры, те люди, которые воспринимают ее не как некую враждебную разрушающую все устои культуру, а как родную сферу, материнскую среду. Таким образом, исследуя массовую культуру, современные ученые обращают большое внимание на ее положительные стороны. Соответственно, и человек массы рассматривается с положительной стороны.

В настоящее время исследователи культуры склонны считать, что главная функция массовой культуры – охранительная. То есть, в момент глобальной урбанизации, утраты корневой культуры человечество создало уникальную культуру, которая смогла помочь человечеству в изменяющемся мире найти хоть какой-то ориентир. Таким образом, человек массы стал тем, кто смог адаптироваться к

новым условиям. К тому же, именно такой тип человека, как было сказано выше, был удобен индустриальному и позже постиндустриальному обществу.

Стоит отметить, что анализ человека массы с положительной точки зрения в основном характерен для зарубежной науки. В нашей стране отношение к массовому обществу и массовому человеку другое.

В СССР и России тема «массового» стала объектом активного изучения с 60-х годов XX в. Для отечественных ученых (Ашин Г.К., Баталов Э.Я. и др.) было характерно рассматривать данный феномен только с отрицательных позиций и также считать его буржуазным проявлением, не свойственным нашей отечественной культуре. Если провести параллель с зарубежной культурной мыслью, то можно сказать, что отношение в нашей науке к массовому человеку было такое же, как в Европе на рубеже XIX – XX вв.

Только в первом десятилетии XXI в. отношение к «массовому человеку» в России стало также претерпевать изменения. Если обратиться к тематике научных исследований, то можно увидеть, что только отрицательное восприятие человека массы постепенно исчезает. Все чаще его пытаются оценить не только с отрицательной, но и с положительной стороны.

Например, в диссертационном исследовании Погорельчик А.В. «Человек-масса (Социально-философский портрет XX века)» говорится, что с начала XX в. человек массы как категория постоянно претерпевал изменения. Каждый новый исследователь по-новому рассматривает его, поэтому, сказать однозначно о его влиянии на жизнь общества и культуры пока не представляется возможным. В работе Валиев Е.С. «Феномен массы в переходный период общественного развития: методологический анализ» также выводится вывод о том, что в настоящее время человек массы претерпевает изменения и давать ему оценочную характеристику пока представляется не целесообразным.

По нашему мнению, пытаясь понять, кто такой человек массы, какими качественными характеристиками он обладает, нельзя рассматривать данную категорию только с бинарных позиций. Человек массы – уникальное явление всей мировой культуры, которое обладает своими положительными и отрицательными свойствами. К сожалению, пока точно нельзя дать ему оценку, т. к. его изучение началось не так давно.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ., 2008. – 347 с.

Лашек И.В.

*Кандидат культурологии, преподаватель истории и
обществознания Государственного бюджетного образовательного
учреждения
среднего профессионального образования г.Москвы
Политехнический колледж № 47 имени В.Г.Федорова
г.Москва, Россия*

Направление развития культуры учительства в контексте проблем модернизации образования в современной России

Все усилия передовой российской интеллигенции, направленные на преодоление кризиса культурно-цивилизационной идентичности России, крайностей антагонистического менталитета народа, чтобы «вступить на средний путь культуры», не увенчались успехом. В октябре 1917 года к власти пришли большевики, настроенное наиболее решительно и непримиримо крайнее крыло российской социал-демократии. В плане общественного развития социум вернулся к общественным отношениям, характерным для доиндустриальных, докапиталистических формаций. Вместе с тем большевики были наследниками прогрессивно-западной составляющей отечественной культуры и, поставив своей задачей догнать и перегнать в научно-технологическом отношении самые развитые страны Запада, приложили все усилия, чтобы форсировать научно-технический прогресс. Культ личности Сталина негативно отразился на профессионально-личностной подготовке учителя. Учителю отводилась роль проводника господствующих политических убеждений. Реформы, начавшиеся после смерти Сталина, создавали более благоприятные условия для развития культуры. Но подлинно культурной среды в советском обществе, только начинающем выходить из тоталитарного режима, не было.

Принципиально новые возможности для формирования современной культуры учительства имеет период, начавшийся в 1985 году. Особым явлением в истории образования стал период 80-х гг., который вошел в историю как «движение новаторов». Дальнейшее развитие реформ в сфере образования было затруднено, а в некоторых аспектах и приостановлено ситуацией жесткого системного социально-экономического кризиса. В настоящее время ситуация медленно, но меняется. По инициативе Президента РФ В.В. Путина летом 2001 года была разработана Концепция модернизации российского образования, а в 2005 принято решение о национальных проектах, в которые вошла и сфера образования. Ситуация системного кризиса наложила свой отпечаток на развернувшуюся в стране широкую дискуссию на предмет целей и стратегии модернизации

образования, но не прервала ее. Среди множества проектов можно выделить две основные. Первая основывается на концепции постиндустриального общества и примыкающей к ней теории постмодернизма в сфере культуры. В ее рамках заложен вполне определенный тип культуры учительства. Это, прежде всего, культура, открытая к будущему, культура инновационного типа, критически настроенная против традиции, технократических атавизмов. Ее можно определить как культуру прекофигуративного типа, возникновение и утверждение которой предсказывала М. Мид [1, с. 354]. В настоящее время это определение культуры подвергается обоснованной критике. В ходе этой критики вырисовываются отчасти альтернативная, а отчасти дополняющая их стратегия модернизации образования, основанная на признании самобытности российской цивилизации и культуры, и соответствующая ей синтетическая модель культуры учительства. Анализ полемики свидетельствует, на наш взгляд, о наличии кроме идеологических причин также и глубинных логико-методологических оснований, мешающих сторонам не то что достигать, но даже и продвигаться по направлению к консенсусу. Очевидно, что стороны исходят из разного понимания самой сущности культуры. Таким образом, возникает вполне реальная угроза раскола российского учительства примерно по тем же ценностно-смысловым основаниям, которые разделили культуру учительства в XIX веке.

Наиболее интересный в культурологическом отношении опыт развития образовательной деятельности на основе приоритетной ценности самобытной отечественной культуры был получен в ходе реализации масштабного культурно-образовательного проекта, который авторы назвали «Истоковедение» [2, с. 219]. По мнению автора, значение и смысл проекта истоковедения может служить прообразом модернизации российского социума в целом. Для дальнейшего развития его автор предлагает воспользоваться разработками в области теории модернизации В. Г. Федотовой. Это концепция модернизации на собственной культурно-цивилизационной основе, или культурологическая модель модернизации. В.Г. Федотова предлагает назвать эту модель постмодернизацией [3, с. 3–28]. Классический образец этой модели дают страны Юго-Восточной Азии. Автор приходит к выводу, что именно эта модель постмодернизации является наиболее адекватной для развития современного этапа развития России и именно эта модель культурологической модернизации образования по существу заложена в концепции истоковедения.

Однако, для того чтобы обосновывать теорию модернизации, культурология сама должна быть модернизирована. Здесь следует в полной мере задействовать опыт философско-культурологических исканий русских мыслителей начала XX века, для которых понятие

«культ» стало определением ядра культуры. Для В. С. Соловьёва, А.Н. Бердяева, В.В. Розанова, П. Флоренского «культ» - основа творчества, источник вдохновения для личного самовыражения человека, проявление его высшей онтологической свободы в демиургическом акте творения образа вечности в форме, который является не только культурным, но и культовым актом. Это прекрасная формула для исторического ядра отечественной национальной и культурно-цивилизационной идентичности. Культурология призвана не разрушать веру, а, напротив, актуализировать ее, развивать, придать современную форму, совместимую с императивами и заданиями постиндустриального, информационного общества XXI века.

Литература

1. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. - М.: Наука, 1988. – 429 с.
2. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. / Г. П. Федотов, - СПб., 1991. - Т. 1. – 354 с.
3. Федотова, В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // Вопросы философии. - 2000.- № 4.- С. 3-28.

Наумов О.Д.

аспирант кафедры философии

*Сибирского государственного технологического университета,
г. Красноярск, Россия*

Полемика Э. Гуссерля и Л. Шестова, или Что же такое философия?

*Что же такое философия? Важнейшее.
Плотин*

Историю философии традиционно принято преподносить в качестве спора противоположных друг другу точек зрения, возникающих, парадоксальным образом, на основе единых культурных конвенций. Не стала исключением и заочная полемика, разразившаяся между русским мыслителем Л.Шестовым и немецким философом Э.Гуссерлем, в определенной степени репрезентирующая различие русского и западноевропейского подходов к пониманию сущности и основных задач философии.

Началом указанного спора послужила работа Л.Шестова «Memento Mori», написанная в ответ на гуссерлианский проект философии как строгой науки и, в частности, феноменологической гносеологии. Свой критический анализ, набирающей популярность феноменологии, русский мыслитель строит с позиций метафилософии, выделяя в европейской традиции философствования два основных направления. Первое, от Парменида, через Платона, Аристотеля, европейский рационализм к неокантианцам, видит свою основную задачу в уподоблении философии науке за счет придания ей строгого и универсального характера. Вторая традиция, по мнению Л.Шестова, начинается с Гераклита и продолжается в дискурсе греческой софистики, делая акцент на индивидуальном философствовании и противопоставляя его поступательному приращению науки и наукообразной философии. Символическим выражением этого противостояния для Шестова и Гуссерля является противопоставление «философа-мудреца» и «философа-исследователя». Первый осуществляет спекулятивные импровизации на «вечные темы», в то время как второй не просто пытается обнаружить абсолютное и несомненное основание бытия, но и указать на единственно правильный метод, способствующий обнаружению этого основания. Иными словами, первый производит временные истины, а второй вскрывает вневременное содержание универсальных бытийственных законов. Выходит, что «философ-мудрец» – это кантовский метафизик, работающий с потусторонним, а «философ-исследователь» – ученый, задача которого заключается в прояснении очевидного. Таким образом, неизменная для всей европейской истории философии конфронтация «метафизика» и «исследователя», возможно, включает в себе не просто указание на исток философии, но и объяснение невозможности индивидуализма и произвола в процессе создания объективных философских истин.

По мнению Л.Шестова, отмеченное противоборство двух традиций философствования является требованием ограничения «диктата» разума в его властных правах и полномочиях. К аналогичному выводу приходит и Э.Гуссерль, выстраивая свою пропедевтику чистой логики посредством критики релятивизма, историзма и психологизма. Однако Шестов, анализирующий феноменологическую гносеологию, идет дальше немецкого философа, ставя вопрос о статусе идеального у Гуссерля. Шестов замечает, что Гуссерль абсолютизирует рациональность, подвергая сомнению реальность [3, С.22]. Именно здесь впервые проясняется суть конфликта, вспыхнувшего между двумя философами.

Созвучный и современный западноевропейскому экзистенциализму, а далее и так называемой современной постметафизической философии, Лев Шестов вовсе не оспаривает

истинность конечных выводов Гуссерля – все дело в том, что для него они не предельны, как того требует философия. Предельность всякого философствования, по мнению русского мыслителя, была впервые показана Платоном в диалоге «Федон»; ее суть – вопрос об отношении к смерти. Именно приготовление к смерти, бытие к смерти – начало всякой философии, поскольку через него в философию приходит начало индивидуальное и конечное. Кроме того, продолжая мысль говорящего устами Сократа Платона, Шестов не просто соглашается с ним, но и говорит о том, что окраины бытия таят в себе тайны многообразия, в то время как знание центра исключает возможность различного – это унифицирующее и далекое от реальности знание, продуцируемое логичным и авторитарным разумом, который не допускает «инакомыслия».

Использование идей Платона в полемике с Гуссерлем позволяет Шестову сделать важные выводы: во-первых, аналитика идеального у Гуссерля, приводит русского мыслителя к идее о том, что гуссерлианская феноменология – новая интерпретация платонизма, но не того с которым соглашается русский мыслитель – речь идет о позднем Платоне. Во-вторых, авторитарный разум, узурпирующий «мыслящего» субъекта и поглощающий реальность в своей претензии на абсолютность фактически становится самопровозглашенным Абсолютом. Обнаруживая это, Шестов окончательно заявляет о своей противоположности Гуссерлю, говоря о том, что в философии невозможно выжить, не помня о смерти и о Боге. По мнению русского мыслителя, ситуация, где царствует такой Абсолют и абсолютное, исключает жизнь.

Таким образом, полемика Шестова и Гуссерля, во многом сводима к вопросу об отношениях философии и науки: с одной стороны – гуссерлианская идея философии как научно выстроенной дисциплины; с другой – «беспочвенник» Шестов, кстати, замечающий, что несводимость философии к науке подмечали уже древние греки. Согласно Шестову, данный вопрос, скорее, звучит следующим образом: является ли философия некой особой наукой (несовершенной или, напротив, верховной), либо вовсе наукой не является? Ответом на этот вопрос может служить указание на две традиции понимания сущности и назначения философии.

Как уже было сказано, первую традицию Шестов связывает с Парменидом, вернее с его тезисом о тождестве бытия и мышления, интерпретируемым русским мыслителем как непротиворечивость мышления и бытия, а также структурирование бытия аналогично мышлению. Таким образом, назначение философии заключается в познании разумно обустроенного объективного мира и разработке метода, способствующего отысканию неизменного основания бытия.

Вторая традиция, связанная с именем Гераклита, заявляет об изменчивой природе бытия, влекущей за собой невозможность выведения и подтверждения универсальных онтологических законов. Следовательно, по мнению Шестова, единственной задачей для философа, разделяющего идеи Гераклита является решительное погружение в стремительный поток бытия вовсе не для того, чтобы остановить и упорядочить его универсальными законами, а для того, чтобы двигаться в нем на свой страх и риск. Причисляя к гераклитовской традиции философствования и себя, Шестов отмечает, что главный урок такого философствования заключается в наглядной демонстрации того, что «индивидуальное» всегда сопротивляется закону и постоянно будоражит мысль. Иначе говоря, именно «индивидуальное» запускает работу философской мысли, восставая тем самым против тираничного захватчика-самозванца – разума. В противоположность Гуссерлю, Шестов добавляет, что содержание истории философии – традиции философствования составляет череда таких «восстаний» одиноких индивидуальностей, а вовсе не стремление придать философии строгий научный статус.

Своеобразным примером правоты собственных взглядов для Шестова является Платон. Анализируя теорию идей Платона, Шестов пытается показать, что «идея» раннего Платона была способом воплощения жизни, от чего впоследствии Платон отказывается в пользу понимания «идеи» как всеобщего закона: «сущность «теории» идей, в том виде, в каком она открылась Платону в счастливую минуту молодого вдохновения, состояла в том, что идея есть квинтэссенция реальности, бытие по преимуществу – о нем же образы видимого бытия дают лишь слабое представление. И только впоследствии, когда была извне навязана задача сделать идеи постоянным и непреходящим достоянием всех, когда, следовательно, пришлось защищать идеи от толпы и доказывать всякому встречному и поперечному то, что по существу доказано быть не может, словом, когда пришлось сделать из философии «науку», Платон стал все больше и больше жертвовать реальностью и выдвигать на первый план «очевидные» для всех положения. Последним этапом была теория идей-чисел: ведь очевиднее арифметики ничего уж не выдумаешь. Так что если вначале Платон вправе был говорить о том, что реальные вещи только тени идей, то под конец у него получилось обратное – идеи у него стали тенями реальных вещей – тенями с резко обозначенными контурами, которые в силу своей определенности для всех могли стать предметом, столь импонирующим людям науки» [3, С.33-34].

Определяя вслед за Платоном топос работы философа как пространство «между» – к примеру, между мудрецом и невеждой, Шестов не только говорит о том, что философ – это тот, кто

испытывает нехватку, стремясь умом к тому, чего не имеет, чем не обладает и чем (самое главное) не может обладать, не перестав быть философом, но и ставит вопрос о множестве, уже не только топосов работы философа, но и состояний его философствования: «говорят, что мы не можем представить иного сознания, чем наше. Но это совершенно неверно» [3, С.28]. Новаторство Шестова, противопоставляющее его гуссерлианской феноменологии заключается в достаточно «несвоевременной» для его эпохи идеи различия – различия бытия, разума и субъекта. В конечном итоге новаторство Шестова – это отказ от тождества-Единого в пользу различия-Множества: «движение прочь от разума *отнюдь не обозначает движения в определенном направлении* [курсив мой – О.Н.]. В плоскости из точки к прямой можно провести только один перпендикуляр. В пространстве же – бесконечное количество» [3, С.37]. В этом смысле Шестов указывает на свою противоположность Гуссерлю, отмечая релятивизм самого Гуссерля, обосновывающего феноменологию как строгую науку за счет критики релятивизма современной ему философии. Ведя многоплановую критику релятивистской философии Гуссерль заключает: «такие существа лишены рассудка, они говорят об истине и уничтожают ее законы, утверждают, что имеют свои собственные законы мышления, и отрицают те, от которых зависит возможность законов вообще. Они утверждают и вместе с тем допускают отрицание утверждаемого. Да и нет, истина и заблуждение, существование и несуществование теряют в их мышлении всякое взаимное отличие» [1, С.281].

Л.Шестов, в отличие от Э.Гуссерля, не так резок в оценке релятивизма философии. Рассматривая релятивизм с точки зрения назначения философии как вопрос о смерти – Шестов пишет, что релятивизм – это прежде всего шаг на пути в сторону от ослепленности и всецелой захваченности позитивизмом и рационализмом. По его мнению, «философия предпочла средний путь. Она не претендовала на абсолютную истину, не и не отказывалась от суверенных прав разума» [3, С.17]. Более того, Шестов отмечает, что релятивизм – характерная, сущностная черта философии – это то самое *memento mori*, заставляющая одинокие индивидуальности сражаться с тиранией разума, прикрывающейся щитом самоочевидности: «труднее всего человеку расстаться с мыслью о том, что его истина есть и должна быть истиной для всех» [3, С.43]. Таким образом, философский релятивизм для Шестова – в отличие от Гуссерля – не ошибка, а продукт осознанного выбора, созвучный с позицией недоверия к очевидности разума.

В конечном итоге становится понятным, что предмет спора между Шестовым и Гуссерлем – вопрос о сущности и оценке философского релятивизма. Стоит сказать, что релятивизм в

понимании Шестова, выступает не только и даже не столько объектом возможной, с точки зрения Гуссерля, критики, сколько своеобразным индикатором, позволяющим оценить и, в перспективе, примирить две смыкающиеся, хотя на первый взгляд противопоставленные друг другу стратегии мысли и понимания философии – экзистенциалистскую мысль самого Шестова и отреставрированный Гуссерлем трансцендентальный идеализм, переходящий в реализм. Таким образом, диспозиция Гуссерль – Шестов, возникающая в связи с пониманием и оценкой релятивизма, состоит в том, что в определенном срезе темы релятивизм гораздо ближе Шестову, нежели позиция абсолютизации разума у Гуссерля; равно как и для Гуссерля строгий тон большинства релятивистов был ближе, чем афористичная манера философствования Шестова. Однако в предельном основании эта полемика вскрывает обоюдное согласованное отношение Шестова и Гуссерля к релятивизму как слабой и немощной философской позиции, требующей от философии и разума того, что не в силах исполнить самостоятельно. В этом смысле Шестов и Гуссерль являют собой два чистых и прямо противоположных друг другу философских типа, заявляющих о самостоятельности и самоценности философии. Иными словами, Шестов и Гуссерль солидаризируются в мнении о том, что философия и философствование невозможно в ситуации ограничения прав самой философии; для них она, как и для Платона – наиважнейшее.

В чем же тогда смысл конфликта между рассматриваемыми философами? Почему они оба смотрят друг на друга с недоумением? Шестов, отслеживая философский путь Гуссерля, удивляется его непоследовательности: через опровержение психологизма, историзма и прочего релятивизма, он вновь возвращается к началу своего пути – к идее чистой логики и рационализму как основе любой философии. На наш взгляд, основная претензия Шестова к Гуссерлю заключается в том, что Шестов получает Гуссерля «из» Ницше и, безусловно, от своего имени. Иначе говоря, Шестова в философии Гуссерля возмущает и приводит в недоумение то, что он философствует так, будто бы и не было Ницше: Гуссерль сужает перспективы философского интереса после того, как они были расширены молотом Ницше.

Таким образом, предмет спора двух философов о сущности и назначении философии – различие традиций философствования. Их критика друг друга – не более чем констатация того, что та или иная философия имеет свои своеобразные границы применимости. Парадоксальным в этом споре является лишь то, что, несмотря на всю историю европейской философии, разворачивающейся в качестве непрекращающегося спора, каждый мыслитель, так или иначе пытается занять в этом споре «правильную позицию», претендуя на

то, чтобы завершить этот вечный спор. Такая «наивность» и самоотверженность философов говорить только об одном: «философия не выносит дискуссий. Ей всегда не до них» [2, С.36]. И вообще, какое дело философии до того, что некто имеет такие-то взгляды, думает так, а не иначе [См.: 2, С.35]..?

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – 340 С.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – 261 С.
3. Шестов Л. Memento Mori // Э.Гуссерль Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – 340 С.

Никитич Л.А.

*Профессор кафедры философии
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Московский Государственный
Университет дизайна и технологий»
г. Москва, Россия*

Роль языка в науке

Природа языка.

Роль языка в науке трудно переоценить. Выдающийся английский математик и философ Уайтхед писал, что «язык символизирует триумф человеческой гениальности, превосходя даже достижения современной технологии. Он говорит о широком распространении интеллекта на протяжении многих тысячелетий» [1, с.363].

Существуя в двух видах, как естественный и искусственный, язык является обязательным условием становления научного знания. Будучи социальным по своей природе, «язык сохраняет от забвения историческую традицию». Он выражает культуру тех общественных систем, которые им пользуются и, как таковой, осуществляет социальную детерминацию всего научно-исследовательского процесса.

Язык выступает посредником между субъектом научной деятельности и окружающим миром, который субъект осваивает.

У человека много измерений, но два мира – внешний и внутренний. Слово – это своеобразная «амфибия», посредник между

ними, это деятельность, преобразующая мир, и средство воздействия на душу.

Гумбольдт, основоположник современной лингвистики.

Основоположник современной лингвистики Гумбольдт (1767-1835) называл язык выражением специфического «языкового мировидения». Друг Шиллера и Гёте, Гумбольдт был дипломатом и утончённым эстетом, литератором и мыслителем. Многие годы он провёл в Риме, где расцвёл и окреп его талант. Известно его определение идеала человечества как идеи, к которой стремится каждый, но не может реализовать её полностью. Эта идея реализуется в истории наций. Провидение действует не извне, а исподволь, через людей, через их дух, через их язык.

Язык не является произвольным творением отдельного человека, он принадлежит всегда целому народу, и народы обмениваются словами и языками, создавая таким образом человеческий род в целом. Язык не только выражение уже познанной истины, но и средство открытия ещё не известной истины.

Хайдеггер о концепции Гумбольдта.

Такие взгляды Гумбольдта были высоко оценены учёными и философами. Целые страницы работы Хайдеггера «Время и бытие» посвящены Гумбольдту. В них Хайдеггер, опираясь на Гумбольдта, рассматривает вопрос о *культурно-исторической природе языка*.

Хайдеггер отмечает, что размышление о языке имеет длительную историю, начало которой было положено греками. «Начавшееся в греческой античности, расходящееся по разнообразным путям размышление о языке достигает, однако, своей вершины в языковедческой мысли Вильгельма Гумбольдта... в большом введении к его работе о языке кави на острове Ява [2, с.261]. Хайдеггер считает, что с момента его опубликования братом Гумбольдта этот трактат определяет собой **всю** последующую лингвистику. Центральную идею о природе языка Гумбольдт, по мнению Хайдеггера, выразил следующим образом. «Язык, схваченный в его действительной сути, есть нечто постоянное и в каждый момент *преходящее*. Даже его фиксация на письме есть всегда лишь несовершенное, мумифицирующее сохранение, которое так или иначе опять же нуждается в усилии по осязательному воссозданию живого произнесения. Сам язык есть не произведение... а деятельность... Его истинное определение может поэтому быть лишь генетическим. А именно, он есть вечно обновляющаяся *работа духа*, направленная на то, чтобы сделать *артикулированный* звук выражением мысли. Непосредственно и в строгом смысле это есть определение конкретной *речи*; но ведь в подлинном и существенном смысле лишь всю совокупность этой речи только и можно считать языком» [2, с.262].

В этих словах главным, по мнению Хайдеггера является то, что язык – это работа духа, что это подлинный мир, который дух своей внутренней работой воздвигает между собой и предметами. Работа духа – это «полагание», дух понимается как субъект тем самым предстаёт в субъект-объектной схеме, «полагание должно быть синтезом между субъектом и его объектами» [2,с.263].

Если учесть, что анализируемая Хайдеггером работа Гумбольдта была написана незадолго до его смерти (1835), работа Хайдеггера в 1927 г., а понятие «концепт» начало осваиваться философией науки в 90-е гг. 20 в., можно предположить, что Гумбольдт в природе языка интуитивно уловил, а Хайдеггер на понятийном аппарате своего времени развернул то, что лингвистика сделала «общим местом» только с 90-х гг. XXв.

«Полагаемое таким образом даёт картину целой совокупности предметов. То, что вырабатывает силу субъекта, что она полагает своей работой между собою и предметами, Гумбольдт называет «миром». В подобном «мировоззрении» определённое человеческое множество приводит себя к самовыражению».

Хайдеггера интересует вопрос, почему Гумбольдт понимает язык как мировоззрение. И объясняет это тем, что это вызвано стремлением Гумбольдта «в единой картине представить совокупность духовно-исторического развития человечества в его цельности, но одновременно также и в его всегдашней индивидуальности». И Хайдеггер приводит слова Гумбольдта из его автобиографии, написанной в 1816 г.: «Я стремлюсь как раз к тому, чтобы охватить мир в его индивидуальности и тотальности» [2, с .263].

Конечно, мировосприятие имеет разные источники. Одним из таких Гумбольдт считает язык. «Это, конечно, не единственная из выстроенных человеческой субъективностью форм мировоззрения, однако всё же та форма, впечатляющей силе которой приходится приписать особо действенную роль в истории человеческого развития, - считает Хайдеггер, отмечая, что – теперь заглавие трактата Гумбольдта в свете его пути к языку звучит яснее» [2,263]. Заглавие это звучит так: «О различии в строении человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человеческого рода».

Концепт и концептуализм.

С начала 90-х гг. представители культуры, как гуманитарной, так и научной начинают в своих работах прибегать к понятию *концепт*, зачастую заменяющему слово «понятие». Появляются серьёзные исследования на данную тему, примером может служить работа С.С.Неретиной «Тропы и концепты». Исследуя концептуализм Абеяра, автор показала, что понятие «концепт» в его «Логике» означает слияние единичного и многообразного в осуществляемом акте познания. «Соответственно, универсальное предстаёт в нём как

«полнота конкретности», что существенно отличает концепт от понятия, и прежде всего потому, что его целостность предполагает соотношение с «душой слушателя». Концепт формируется речью в «пространстве души», в общении, синтезируя такие способности души, как память, воображение и суждение, в то время как «понятие есть *объективное* идеальное единство различных моментов предмета и связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления мысли, *независимо от общения* [3, с.253].

Абеляр – основоположник концептуализма.

В узком значении слова *концептуализм* – это авангардистское течение в современном искусстве, сложившееся в 70-80-е годы XX в. Его характеризует намеренно демонстративное предъявление авторской концепции, превращающей произведение в *концепт*, а также активной игрой с узнаваемыми стилями, штампами речи, массовым сознанием, бытовым поведением, со стереотипами массовой культуры.

Это одно из современных пониманий концептуализма, основоположником которого был Абеляр.

Пьер Абеляр (1079-1142) был мыслителем, пытавшимся объединить номинализм с реализмом. Теоретизация этой попытки и привела Абеляра к концептуализму. Вера должна основываться на разумном понимании, цель знания – истина. Предпосылкой *логического* исследования истины служит физика: прежде чем правильно применять *слова*, необходимо знать свойства самих предметов. Диалектика, по Абеляру, имеет своим объектом *слова как выражение мыслей и мысли как понятия, соответствующие предметам.*

У Абеляра слово не присуще обозначаемой им вещи и становится её обозначением лишь в силу человеческого установления. Слово вторично в сравнении с обозначаемой им вещью.

Абеляр, как видно из изложенного, пытался смягчить крайний номинализм, усматривая природу общего не в словах, как таковых, но в их смысле, или значениях. По Абеляру, общее не может быть реально существующей вещью: если бы общее было вещью, то тогда суждение состояло бы в сказывании вещи о вещи, что нелепо; но общему, несомненно, присуща способность сказываться о многих вещах. Однако, общее не есть и слово как таковое, ибо слово само по себе всегда единично. Общее есть слово, которое относится к целому классу предметов и которое может быть названо общим, лишь поскольку оно есть высказывание об этих предметах, то есть смысл речи. Исследователи средневековой философии называли эту точку зрения Абеляра *концептуализмом.*

В понятии *концепт* Абеляр выдвигает на первый план не субъективное образование мысли, а слово в его отношении к обозначаемому этим словом объекту.

Современные представления о концептах.

Современные зрелые представления о концептах дают работы Микешиной Л.А., Неретиной С.С., Степанова Ю.С. Так, в указанной выше работе Микешиной Л.А. концепт определяется как «термин, обозначающий единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающий знание и опыт человека. Это – содержательная единица памяти, концептуальной системы и языка мозга, а также всей картины мира, отражённой в человеческой психике. В целом концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта путём подведения его под определённые категории и классы, основная единица хранения и передачи информации, достаточно гибкая и изменяющаяся с ростом знания» [3, с.253].

Ю.С.Степановым был создан словарь концептов, в предисловии к которому автор отметил, что базовые концепты существуют «над индивидуальными употреблениями» и, расширив содержание понятия «концепт», отнёс к концептам, кроме слов, ритуалы, вещи, материальные предметы, несущие духовный смысл и выступающие в роли символов.

Видение Ж. Делёза.

В современных философских исследованиях также присутствует содержание понятия «концепт», например, в работе французского философа Ж. Делёза «Различие и повторение». Делёз различает понятия и концепты и рассматривает различные порядки общности – понятия природы, понятия свободы, подобие и равенство, несовпадение повторения и общности.

Знакомство с его работой позволяет считать, что проблема концепта сегодня весьма значима в различных областях знания, но понимание концепта весьма различно у разных авторов. А зачастую, как в случае Делёза, бывает довольно сложно адекватно вычленить смысл, вкладываемый автором в данное понятие, при транспарентности общей идеи.

В противоположность предыдущим мыслителям от Канта до Гуссерля, ориентирующимся на рациональный модус здравого смысла, Делёз опирается на безличное и доиндивидуальное поле, которое нельзя определять как поле сознания: нельзя, по Делёзу, сохранить сознание как среду, отказываясь от формы личности и точки зрения индивидуации. Делёз считает, что метафизика и трансцендентальная философия родственны, и роднит их общая альтернатива, которую они навязывают: или недифференцированный фон, бесформенное небытие, бездна без различий и свойств, или

индивидуальное суверенное Существо, высоко персонализированная форма. Вне этого Существа – хаос. Метафизика и трансцендентальная философия, таким образом, сходятся в понимании произвольных единичностей лишь как персонифицированных в высшем Я.

У Делёза иная точка зрения. Единичности, или, как сейчас пишут, сингулярности, будучи доиндивидуальными, неличностными, *аконцептуальными, коренятся в иной стихии*. Делёз даёт несколько названий этой стихии: нейтральное, проблематичное, чрезмерное, невозмутимое, но её объединяет общее свойство – *индифферентность в отношении частного и общего, личного и безличного, индивидуального и коллективного*.

Сингулярность неопределима с точки зрения логических предикатов, она бесцельна, ненамеренна, нелокализуема.

Такова общая философская концепция Делёза, методологическая основа его понимания природы концепта.

Но, кроме сингулярности, есть индивидуальность, которая непередаваема и невыразима с помощью традиционно понимаемой *общности*. «Существует очень большая разница, - пишет Делёз в указанной работе, - между общностью, всегда означающей логическую силу понятия, и повторением, свидетельствующим о его бессилии или реальном пределе» [см.3, с.255].

Эти слова показывают, как общая философия Делёза трансформируется в его понимание концепта: концепт отражает индивидуальность мыслителя, что не в состоянии сделать понятие, обобщающее сингулярности и создающее объекты, не наделённые сознанием. Концепт Делёза несёт смысл «частного мыслителя».

Роль специализированного языка в науке.

Естественный и искусственный языки.

В ряде работ говорится о тенденции возрастания роли языка в науке, отмечается взаимозависимость развития наук и развития языка. Ещё Лавуазье считал, что словарь науки – её составная часть, когда писал: «Каждая физическая наука необходимо состоит: из ряда фактов, образующих науку, представлений, их вызывающих, и слов, их выражающих». А известный советский кибернетик В.М. Глушков не просто отмечал роль языка в развитии науки, но сдвиги в математике, например, напрямую связывал с языком. «Нам приходится не раз возвращаться к проблеме языка: язык для экономических расчётов, язык для описания схем электронно-вычислительных машин, точный язык для общения с машиной – язык, язык и ещё раз язык. Нередко мы... недооцениваем те сдвиги, которые происходят в науке, и в математике прежде всего, в связи с рождением подобных языков»

Язык научной теории во многом искусственен. Он *надстраивается* над естественным языком и *встраивается* в определённую иерархию искусственных языков.

Среди естественных наук наиболее универсальными считаются язык физики и язык математики. Каждая группа наук имеет свои специфические языки и, несмотря на взаимосвязи между ними, они не сводимы друг к другу. Это является одной из причин необходимости создания специального языка каждой данной науки. Они называются «искусственными языками теории». Т.Г.Лешкевич указывает следующие способы создания таких языков: *терминологизация* слов естественного языка, *калькирование* терминов иноязычного происхождения, *формализация* языка.

Безусловно, данный процесс создаёт проблему для философии науки, состоящую в «*непереводимости*» языков, поскольку даже богатый естественный язык не всегда располагает достаточными средствами для воспроизведения альтернативного научного опыта. И это не только объективная, но и субъективная проблема, проблема массового «получателя и потребителя» новой научной информации: проблема общей и научной культуры данного субъекта, уровня знания иностранных языков, качества полученного образования, степени включённости в общий цивилизационный процесс и ряда других факторов.

Важнейшим фактором степени и качества восприятия научного языка является степень владения субъектом естественного языка.

У естественного языка огромное количество достоинств: наличие метафор, сравнений, идиом, множество значений. Всё это делает естественный язык мощным средством хранения и трансляции знаний, а также средством общения и мыслеобразования. Но такая универсальность естественного языка зачастую оказывается недостатком при использовании его в научных текстах. Например, *многозначность* одного и того же слова является препятствием для его употребления в научном тексте, требующем его точного конкретного употребления.

Другая трудность для использования естественного языка в научных текстах состоит в *сложности* его *грамматики* – наличие множества исключений из правил, большое разнообразие самих правил.

Если сравнить, например, формульный язык алгебры и словесное описание какой-нибудь алгебраической закономерности, очевидной станет ещё одна трудность – *громоздкость конструкций* естественного языка.

Витгенштейн: язык и реальный мир.

Австрийский философ Л.Витгенштейн (1889-1951) является основоположником нового понимания философии, центральной идеей

которого является проблема соотношения вербального языка и реального мира. Каждое предложение должно быть адекватно картине реальности, которую оно описывает. Философия не может осуществить такой анализ предложений, который позволил бы осуществить то, что они имеют общего с представляемой реальностью. Тотальность истинных предложений представляет всю реальность, и только они являются осмысленными, поэтому какие-либо последующие метапредложения (предложения о предложениях, а не о реальности] не удовлетворяют условиям осмысленности языка. Витгенштейн критиковал метафизику за «совершенную бессмысленность» своих предложений.

Область осмысленного, по Витгенштейну, это эмпирически верифицируемые предложения и аналитические предложения, истинные только благодаря значению входящих в них терминов.

Витгенштейн и его сторонники сосредоточились на анализе логики науки, подчёркивая, что естественный язык логически несовершенен, поскольку позволяет образовывать бессмысленные цепочки слов, не нарушая при этом правил обычной грамматики. А в логически сконструированном языке метафизические предложения не могли бы быть даже сформулированы, поскольку в нём не должно быть ничего, что вводило бы нас в заблуждение.

В поздний период своего творчества Витгенштейн специально занялся исследованием путей, которыми естественный язык приводит нас к заблуждениям.

Изложенное подчёркивает необходимость создания специального научного языка на базе естественного, но с особыми характеристиками.

Особенности специализированного научного языка.

Терминологические системы.

Важным средством становления языка науки является создание терминологических систем. Эти системы – разновидность национального литературного языка, поставляющего для них «элементы».

Исторический характер терминологических систем.

Историчность терминологии связана с изменением содержания её терминов: наука зависит от используемого в данный момент понятия, что предполагает освобождение терминов концептуальной системы от старых значений и их насыщением новым концентрированным знанием исследуемого фрагмента реальности. Эти требования обновления и точности предъявляются не только к термину, понятию, которые являются итогом исследования: это предполагает также совершенствование средств измерения и техники эксперимента.

Сами учёные много раз говорили о том, что развитие науки связано с развитием языка, с его совершенствованием. Признаётся существование эмпирического и теоретического языков, есть язык наблюдений, описаний, количественный, экспериментальный и у каждого есть своя терминологическая система.

Классификация языков.

Существование различных типов языков научной теории поставило вопрос об их классификации. В настоящее время философы науки указывают следующие виды языков:

- *ассерторический* – формулирует основные утверждения данной теории.

- *модельный* - служит для построения моделей и других элементов модельно-репрезентативной подсистемы.

- *процедурный* – имеет подчинённый характер в классификации и служит для описания измерительных и экспериментальных процедур.

- *аксеологический* - создаёт возможность описания оценок элементов теории, располагает средствами сравнения процессов и процедур в структуре самой научной теории.

- *эротетический* – ответственный за формулировку вопросов, проблем и задач или заданий.

- *эвристический* – описывает эвристическую часть теории, то есть исследовательский поиск в условиях неопределённости. С помощью эвристических языков осуществляется постановка проблемы [4, с.136-139]. Изучение языка науки показывает, что важными составляющими научной теории являются *знак, значение и смысл*.

Знак – это представитель другого предмета, используемый для хранения, переработки и передачи информации. Примером знака является слово, совокупность знаков, особо организованная их система образует язык.

Значение – это система определённых смыслообразующих единиц. Значение языкового выражения в логике – это предмет или класс предметов, который обозначается этим выражением. А смысл выражения – его мыслительное содержание. Смысл выражается только идеально, значение – предметно.

Язык гуманитарных наук.

Гадамер о роли языка.

Основоположник герменевтики Гадамер (1900-2002) считал, что язык не результат рефлектирующего мышления; всё, что познаётся и высказывается уже окружено «мировым горизонтом языка».

Без языка невозможно доказательство, обоснование, объяснение, аргументация и т.п. Всё это предполагает *диалогичность* интеллектуальной человеческой деятельности. Все эти процедуры, являющиеся предметом *герменевтики как науки об интерпретации текста*, в силу постепенного исторического исчезновения из текста явного субъекта-собеседника, его «ухода в подтекст» с течением времени стали всё большее значение придавать языку, его точности, лаконичности, отточенности, смысловой нагрузке. Происходит то, о чём пишет Гадамер: «язык... несёт в себе свою собственную истину, то есть «раскрывает» и выводит на свет нечто такое, что отныне становится реальностью» [5, с. 446].

В работе «Человек и язык» Гадамер выделяет три основные характеристики языка. Во-первых, это «реальное самозабвение языка», то есть неосознавание в живом языке всех его параметров, таких как структура, грамматика, синтаксис и др.

Во-вторых, «безличность», означающая, что «говорение» относится к сфере «Мы», а не к сфере «Я».

В-третьих, это универсальность языка как универсальность разума. «Язык – это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание» [5, с. 452], «в языке выражает себя... сам мир. Языковой опыт мира «абсолютен». Он возвышается над относительностью всех наших бытийных полаганий... поскольку охватывает собой всякое в-себе-бытие, в какой бы связи... оно не представало перед нами. Языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаём и высказываем в качестве сущего» [5, с. 520].

Бахтин. Введение нового термина в гуманитарном знании.

Российский философ М.М.Бахтин (1895-1975) – представитель диалогической концепции культуры. Выдающимся событием культурной жизни страны 60-х годов стала публикация двух его произведений – «Проблема поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Главным предметом исследования Бахтина стало *гуманитарное явление*. Он исследовал *метаязык* литературоведения, исследовал сущность слова и пришёл к выводу: «Язык, слово – это почти всё в человеческой жизни» [6].

Бахтин установил диалогическую природу слова, внутренне присущую ему многоголосность. У Бахтина слово – первоэлемент и основное орудие культуры, средство диалогического взаимодействия и взаимообогащения культур различных народов, стран и эпох.

От слова Бахтин протягивал нить к *идее*. Основополагающей идеей всего его творчества была идея *диалога*. Переосмысливая это слово как *понятие*,

Бахтин подчёркивает его особую теоретическую *нагружённость*. «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать... В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь... Он вкладывает всего себя в мировой симпозиум... Вещая модель жизни сменяется моделью диалогической» [6]. По Бахтину, всякое понимание всегда *восполняет* текст, оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество и умножает художественное богатство человечества. На страницах своих работ Бахтин постоянно повторяет, что всякий живёт только в *контексте*, то есть соприкасаясь с другим текстом. Только в точке этого контакта текстов вспыхивает освещающий свет, приобщающий данный текст к диалогу.

Из сказанного видно, как Бахтин шёл к переосмыслению общенаучных понятий пространства и времени в гуманитарном контексте, к переосмыслению, завершившемуся созданием понятия «хронотоп», без которого бахтинское понимание понятия «диалог» не будет полным.

Творчество Бахтина показывает, как происходит процесс включения философских и научных теоретических понятий в гуманитарную культуру.

Термин «хронотоп» Бахтин позаимствовал у известного физиолога, автора учения о доминанте А.А.Ухтомского (1875-1942), у которого этот термин означал натуралистическое понимание единства времени и пространства. Бахтин наполнил это понятие гуманистическим смыслом, стремясь раскрыть роль пространства и времени в процессе художественного познания. Обосновывая необходимость единого термина «хронотоп», он отмечает, что в «художественном хронотопе» происходит «пересечение рядов и слияние примет» - «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [7, с.513].

Идею хронотопа Бахтин развёрнуто представил анализируя произведения Гёте, хронотопичность видения и мышления он отметил также у таких писателей как Бальзак, Руссо, Вальтер Скотт.

О хронотопичности Гёте Бахтин писал, что Гёте «разносил рядом лежащее в *пространстве* по разным *временным* ступеням», раскрывал современность одновременно как разновременность – остатки прошлого и зачатки будущего; размышлял о бытовых и национальных особенностях «чувства времени» [7, 514].

Размышляя над текстами Бахтина о формах времени и пространства Л.А.Микешина пришла к идее возможности

превращения понятия «хронотоп» в «универсальную, фундаментальную» категорию, которая может стать новым основанием эпистемологии, которая до сих пор не освоила пространственно-временные измерения знания и познавательной деятельности.

Лотман. Семиотика.

Ю.М.Лотман (1922-1994) является представителем *семиотики* - науки о знаках и знаковых системах. Семиотика изучает способы общения с помощью символов. В качестве таковых она рассматривает национальные языки, искусственные языки (программы и команды в системе человек – машина), метаязыки (например, языки науки), языки культуры.

Семиотика возникла в 50-х годах XX века на пересечении структурной лингвистики, информатики и кибернетики.

В работе «Семиосфера» Лотман приводит отрывок из мемуаров Андрея Белого. Отец Белого, профессор-математик, председатель Московского математического общества – однажды вёл научное заседание, «где читался доклад об интеллекте животных. Отец, председатель, прервал референта вопросом, знает ли он, что такое есть интеллект; обнаружилось: референт не знает; тогда отец начал спрашивать сидящих в первом ряду.

- Вы? – Вы?

Никто не знал. Отец объявил: «Ввиду того, что никто не знает, что есть интеллект, не может быть и речи об интеллекте животных. Объявляю заседание закрытым».

Этот пример Лотман привёл в подтверждение мысли о необходимости знать, что такое семиотика и её основное понятие «текст».

С начала 60-х годов Ю.М.Лотман становится сторонником понимания культуры как знаково-символической системы и руководителем отечественной семиотической школы в г. Тарту.

Семиотику как научную дисциплину предсказал ещё швейцарский лингвист *Ф. Соссюр (1857-1913)*. Он предложил создать интегративную науку всех знаковых систем. Рассмотрение языка как одной из семиотических систем, по его мнению, должно лечь в основу всех социальных наук. «Благодаря этому не только прольётся свет на проблемы лингвистики, но, как мы полагаем, при рассмотрении обрядов, обычаев и т.п. как знаков и все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки» [8, с.153].

Официальная наука первоначально с большой настороженностью относилась к новому направлению гуманитарного знания. Это было вызвано

независимостью суждений сторонников нового направления, а также тем фактом, что в тартуских сборниках анализировались идеи учёных, чьи имена тогда были «под запретом»: П.Флоренского, М.Бахтина, В.Ярхо. Материалом для семиотического анализа служили произведения опальных авторов: Б.Пастернака, О.Мандельштама, М.Цветаевой, Дм. Мережковского, Андрея Белого и др. Вместе с тем конференции и «летние школы» в Тарту, тартуские сборники с непривычными публикациями были «прорывом в неизвестное смысловое пространство, путём к научным инновациям и способом интеграции с мировой наукой». Семиотика для Лотмана была универсальным средством осмысления литературы, культуры и истории. Через семиотические механизмы Лотман в феномене культуры раскрывал неизвестное в известном. Во всём, о чём он писал и к чему обращался, Лотман видел тексты культуры, которые надстраивались над первичными системами знаков – над естественными языками.

Понятие «текст» в работах Лотмана претерпело определённую трансформацию. Первоначально Лотман определял «текст» как «высказывание на каком-либо *одном* языке» [9, с.158]. Но со временем, анализируя функции текста как генератора новых смыслов и конденсатора культурной памяти, Лотман определяет текст как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная – «потребитель общается с текстом» [9, с. 162].

Широкие возможности новой культурологической методологии Лотман продемонстрировал в ряде работ, анализируя конкретные тексты, поэтические и прозаические, изобразительного искусства и кино, такие, как «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Анджело» Пушкина.

Концептуальный аппарат философии науки.

Знание понятийного аппарата любой науки – необходимое условие её освоения.

Формирование концептуального аппарата философии науки – это длительный исторический процесс, который по сей день не окончен. Его становление началось с первой научной революцией ХУ11 в. и протекало в основном стихийно. Какие-либо закономерности этого процесса стало возможным выделить лишь впоследствии. Прежде всего, к моменту возникновения *современной* науки существовала *развитая философская лексика*, а также принцип формирования концептуального аппарата науки – *филиация идей*.

Этот принцип проявляется в том, новая научная теория при своём рождении опирается на существующую картину мира, презентруемую с помощью уже существующих понятий, интегрируемых новой концепцией. Так, первая научная революция, формируя принципиально новую научную парадигму и оппозиционируя геоцентрической картине мира, тем не менее использовала уже существовавший научный аппарат, выраженный в виде идей, понятий, суждений на греческом и латинском языках.

В связи с этим следует отметить, что многие термины современного аппарата различных наук и философии науки – это слова и понятия античной культуры и философии: аксиология, логос, антропоморфизм, апперцепция, архитектоника, вербализм, верификация, гетерогенность, дедукция, деконструкция, дискурс, демаркация, детерминизм, диффузионизм, индетерминизм, интернализм, экстернализм, каузальность, когнитивизм, конструкт, континуалистский, концепт, номологический, субстрат, фальсификационизм, экаспликация, энтропия, эпистемология и др.

В XX в. возникли новые науки, одной из которых является культурология. Её понятийный аппарат складывался стихийно путём заимствования аппарата наук, на основе взаимодействия которых и формировалась культурология.

Концептуальный аппарат философии науки пополняется сегодня за счёт понятий таких дисциплин как информатика, кибернетика, синергетика – фрейм, файл, когнитивная наука, неявное знание, конструктивный элемент знания, диссипативные структуры, бифуркация, флуктуация, аттракторы, нелинейность, неопределённость, необратимость.

Значение такого языка для культуры в целом отметил Ю.М.Лотман: «отбрасывание той или иной концепции в химии или алгебре не может распространиться на метаязык, которым данная наука пользуется. Существенным свойством языка науки является то, что полезность его проверяется не теми критериями, которыми определяется правильность тех или иных научных идей» [8, с.464].

Литература

1. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
2. Хайдеггер Мартин. Время и бытие. М., 1993.
3. Микешина Л.А. Философия науки. М., 2005.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2006.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
6. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. «Вопросы философии», 1993, №1.
7. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб, 2001.
9. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2002.

Русавська В.А.
кандидат історичних наук,
доцент кафедри готельно-ресторанного бізнесу
Київського національного
університету культури і мистецтв
Київ, Україна

Теоретичний дискурс гостинності

Русавська В.А. Теоретичний дискурс гостинності.

В статті розкрито сутність гостинності в просторово-часовому континуумі культури, зроблена спроба систематизувати понятійно-категоріальний апарат гостинності.

Ключові слова: гостинність, система української гостинності, гість.

Русавская В.А. Теоретический дискурс гостеприимства.

В статье раскрывается сущность гостеприимства в пространственно-временном континууме культуры, осуществляется попытка систематизации понятийно-категориального аппарата гостеприимства.

Ключевые слова: гостеприимство, система украинского гостеприимства, гость.

Rusavskaya Valentina The theoretical discourse of hospitality.

The article reveals the essence of hospitality in the space-time continuum of culture, is an attempt to systematize the conceptual and categorical apparatus of hospitality.

Keywords: hospitality, the system of Ukrainian hospitality, guest.

Глобалізаційні процеси в сучасному світі зумовлені інтенсивним розвитком інформаційно–комунікативних технологій актуалізують значення міжкультурного діалогу, в якому суттєва роль належить гостинності, що особливо важливо в контексті входження України в Європейський простір.

Гостинність – це не лише традиція, а і реальність, що видимо і невидимо присутня у звичаях, способі діяльності й поведінці людей. Не замикаючись в тісному колі "домашнього побуту", гостинність виконує світоглядну функцію, допомагає піднятися над повсякденністю реального буття в осягненні сутності природи, суспільства і людини. Звичаї, традиції, обряди гостинності виступають у ролі моральних приписів, народної мудрості і формують

на основі суспільної системи ціннісних орієнтацій особистісну культуру і самодисципліну. Це зумовлює необхідність дослідження сутності гостинності з використанням як класичної парадигми методології, так і посткласичної науки.

Мета статті – розкриття сутності гостинності в просторово-часовому континуумі вітчизняної культури.

Аналіз історичної, етнографічної, культурологічної, філософської літератури про гостинність свідчить, що недостатньо розроблений і систематизований понятійно-категоріальний апарат. Саме тому дослідження сутності феномена гостинності, змістове наповнення основних понять, за допомогою яких він осмислюється, потребує аналізу етимології слів, що згодом набули значення термінів, понять і категорій.

Гостинність як одна з фундаментальних характеристик людської цивілізації на різних етапах розвитку останньої набувала досить специфічних рис, що дає підстави проаналізувати, виявити її характерні особливості та виокремити історичні форми, в першу чергу, в добу античності, де складаються перші форми гостинності в історії європейської цивілізації.

Розвиток суспільно-політичних відносин, специфіка товаровиробництва та поява грошей, які сприяли розвитку освіти, забезпечували комфорт і високий рівень проведення дозвілля, стають основою формування достатньо розгалуженої інфраструктури гостинності. Її зародження і розвиток розпочинається в цивілізаційних ареалах, де особливе місце належить Давній Греції, а поступове розширення форм і вдосконалення методів перетворює гостинність на один з базових структурних компонентів геному європейської цивілізації.

Гостинність, як форма зв'язку між полісами була відома ще з часів Гомера. Поняття, за допомогою яких розкривається сутність гостинності і сам процес її надання формуються вже в добу грецької античності. В процесі дослідження і з огляду на складність феномену гостинності ми вважаємо за необхідне для глибинного проникнення в її сутність виокремити дві групи категорій.

До першої належать поняття, що розкривають сутність гостинності як соціокультурного явища в його цілісно-інтегративній сукупності (гість, гостинність, гостина, гостинець, тощо), а до другої – поняття, що використовують для означення закладів, установ гостинності.

Серед першої групи понять центральне місце займають ксенос (xenos – чужоземець) та його похідні:

Xenos – 1) чужинець; 2) гість; Xenium – грецьке ксеній (подарунок гостю);

Xenia – 1) гостинність; 2) застільні подарунки, які господар дому дарує запрошеним; 3) застольні вірші – мініатюри

Xenium – 1) подарунок гостю; 2) піднесення, дар [9, с.257].

Ще за часів архаїчної доби починають укладати договори про взаємну гостинність, які отримали в Давній Греції назву проксенії. Дотримання взаємних зобов'язань суб'єктами гостинності, визначених цими договорами, підкріплювалися ще й тим, що божественним заступником гостинності вважався верховний бог Зевс (Ксеніос), який протегував чужоземцям. Греки вважали, що гість перебуває під його заступництвом і тому з ім'ям бога етимологічно пов'язана назва проксенії [1].

«Проксенія (грецьке прохеніа, від про- захист і -xenos – чужоземець) була широко розповсюджена в Давній Греції, як найдавніша форма міжполісного зв'язку» [25] [2, с.69].

Роль гостинності в функціонуванні соціуму у слов'ян виявляється вже у змістовому діапазоні поняття "гість", набутті ним статусу власного імені (Гостена, Гостило, Гостилиць, Гостька), докази чого вчені виявляють вже в давньоруській літературі та в етимологічних словниках. Свідчення поширеності концепта "гість" містять різні словники, що, на думку вчених-лінгвістів та культурологів, є підтвердженням його особливого, надмовного загальнокультурного статусу [19] [16, с.570] [12, с.372] [15, с.257] [5, с.386-387].

Концепт "гість" належить до ядерних в індоєвропейській термінології обміну. Семантика і.-е. *ghost-, відображена в трьох діалектних групах, характеризує специфічну для цього кола смислову конверсивність: лат. hostis – 'чужоземець', hospes – 'іноземець (чужестранец), гість' і 'оказывающий гостеприимство, хозяин' (< hosti- + pots 'гость + хозяин'), герман. Gasts 'гость', общеслав. *gostь 'гость' [4, с. 754].

Такий етимологічний розгляд важливий, оскільки, на думку В.Н.Топорова, ключовий характер лексем „гость-гість” містить потенції значущості для розуміння соціальних відносин. Вчені вбачають *ghost в пруському gasto 'Ackerstuck' (сфери просторово-соціальних уявлень) означення землі, що перебуває в суспільному користуванні (конверсивність значення поняття "гість" цілком співвідноситься з подвійною енантіосемією поняття "суспільний": 'своя' = общині належна земля ~ 'чужа' = земля не своєї общини і 'чужа' = не тобі особисто, а общині належна земля і 'своя' = тобі особисто, а не общині належна земля) [17].

Семантика компонентів імен – "гість" і "народ" також змушує звернутись до ключових понять соціальної сфери. За даними Т. В. Топорової, компонент "гість" (в етимологічній формі *ghostis) є ім'ятворчим в німецькій, грецькій і кельтській мовних сім'ях; компонент "народ" (*teut-) – в німецькій, балтійській, кельтській,

(*leudh-) – в німецькій, грецькій, балтійській і фракійській [18]. До останнього відносять і слов'янську модель lud + mir, slav, mil. Значення мінімальних текстових структур, утворених з цих компонентів, можна тлумачити і як "гість народу", і як "народ гостя". Передбачення (з'ясування) можливості функціонування кожного кореня і в першій, і в другій позиціях і особливо в семантичній зближує ім'ятворчі компоненти в точці "чужий, іноземний, ворог" – і як копулятивний композит "народ-гість" [10, с. 396].

Велика кількість словотворчих варіацій (гість, гостювальник, гостенько, гостонько, гостин, госточко, гостина, гостинець, гостинчик, гостювати, пригостити) характеризує вкоріненість цього терміна і в українській мові, а відтак – в українській культурі [13, с.286] [11, с.434, с.469-470].

Етимологію терміна "гость" розкрито в "Словаре древнерусского языка" (І.І. Срезневський) та в "Словаре древнерусского языка XI – XIVв.в.", в "Словнику староукраїнської мови". Автори, проаналізувавши давньоруську літературу, ("Повість временних літ", "Повчання Володимира Мономаха") наводять такі тлумачення: гость як hospes (гость, hostem, гости, гостемъ, hosti); чужеземець; іноземний, приїжджий купець, іноді взагалі купець [16, с. 570] [12, с. 372] [15, с. 257].

Тлумачний словник В.Даля розширює діапазон використання терміну "гість", що свідчить про його змістове наповнення. "Гость – посетитель, человек, пришедший навестить другого, ради пира, досуга, беседы. Иноземный или иногородный купец. Всякий посетитель гостиницы или подобного заведения. Гостек, гостик, гостенек, (уменш.)гостище, гостыще (увелич.) гостья, гостьюшка. Лихоманка, лихорадка. Гостейник, гостея, гостейка, гостилка. Пришедший на побывку свой или близкий человек" [5, с.386-387].

Як в українській, так і в російській мовах слово „гість” може відноситися також і до бога, про що свідчить спорідненість "господин" і "господь". А митрополит Іларіон з цього приводу писав: "Формою звертання до Бога було "Господине", цебто Господи. Слова Господь і господин спершу не розрізнялися, – розрізнялися вже за християнського часу, – християнським дісталися Господь для Бога, а господин для світських" [7, с.171].

У деяких мовах "гість" і "чужак" позначаються однокореновими словами. Однак слово „гість” може означати і "недобрих людей, непроханих відвідувачів, злодіїв, особливо грабіжників" [5, с.386].

В "Новому тлумачному словнику української мови" гостей (відвідувач, заїжджий, приїжджий, захожий) поділяють на проханих і непроханих. Гостем вважають також особу, запрошену або допущену на збори, засідання, з'їзд і т.ін. [11, с.434].

Термін гостинність має давнє походження, відтворюючи особливості її функціонування в українській побутовій культурі.

Гостинність як похідне поняття від "гість" постає досить широким поняттям. Його складові принципово імпліцитні, дифузні, тісно між собою взаємопов'язані, але в той же час суперечливі і нерідко навіть логічно несумісні (друг-ворог). Саме тому з'ясувати структуру гостинності, її структурні елементи та особливості взаємозв'язків між ними дуже складно. Оскільки ця структура не може бути описана в більш-менш однозначних поняттях, означена синонімами та антонімами із смисловими відмінностями, такими, що важко диференціюються за значенням. Гостинність неможливо чітко й однозначно визначити, але можна описати, бо вона виявляється в типах поведінки. В той же час гостинність – це не абстрактне поняття, вигадане істориками, а історичне явище. Саме тому пізнавальна цінність цієї категорії полягає в тому, що різними своїми гранями вона дозволяє глибше зрозуміти феномени, що відносяться і до суспільно-психологічної, і ментальної, і морально-аксіологічної, і практично-діяльній побутової сфер. Категорія "гостинність" є тією ланкою, що пов'язує соціальні процеси й структури, матеріальну культуру і духовне життя, може сприяти цілісному баченню історії означеного періоду.

"Словарь древнерусского языка XI – XIVв.в." дає таке її тлумачення: гостиннопримство|о – гостеприимство, оказание гостеприимства: гостинный-гостеприимный:гостолобивый-гостеприимный:гостолобие Гостеприимство [12, с.373].

І.І. Срезневський в "Словаре древнерусского языка" та "Словарь древнерусского языка XI – XIVв.в." розглядають: гоститва, гостьба – як пригощання, пир, виїзду торгівлю. Гостити, пригостити визначається не тільки як отримати прибуток від торгівлі, а й приймати гостей, пригощати, надавати гостинність, гостюватися та торгувати, приїжджати з метою торгівлі; звичаї доброчинності творити (обычай добродетели творити) [12] [16]. "Толковый словарь" В.Даля визначає: "Гостеприимство – радушие в приеме и угощении посетителей; безвозмездный прием и угощение странников или странноприимство. Гостеприимный – радушный до гостей и странников хозяин. Гостеприимец – охотно принимающий гостей, путников. Гостеприимствовать – быть гостеприимным, приглашать и угощать людей" [5, с.386-387]. У Даля "гостейничать" означає "ходить много по гостям, разъезжать для гощения. Гостить, гашивать; гостевать – проживать где-то в гостях или гостем. Стар. – гостить – угощать, потчевать. Гостится (стар.) – угощаться; угощать друг друга, бывать друг у друга в гостях, знаться, водить хлеб-соль с кем-либо. Гощение, гостины – состояние гостя, действие того, кто гостит. Гостьба – гощение, пребывание в гостях. Угощение, пирушка,

прогулка, вечеринка. Встарь что же, что гостешба – стар. Розъезды по чужим странам с товарами для торговли; отъездной торг. Гостбище – пир, угощение" [5, с.386-387].

В словниках української мови також пов'язується гостинність з гостеприймністю. В "Словаре украинского языка" під редакцією Б.Д.Грінченко читаємо: Гостина – 1) Пребывание в гостях, гостьба. У гостину – в гости. 2) пиршество, угощение, принятие гостей. 3) гость. Гостинка, гостинонька, гостиночка. Гостити – 1) гостювати; 2) принимать гостей, угощать [13, с. 318]. "Новий тлумачний словник української мови" визначає: Гостинний - це людина, яка любить приймати і частувати гостей, яка виявляє гостинність, гостелюбний, хлібосольний, привітний [11, с.470].

"Новий тлумачний словник української мови" визначає: Гостина, гостини - страви і питво, якими частують, частування, пригощання. Бенкет. Перебування в гостях; гостювання; Відвідини. У гостині – в гостях. У (на) гостину – в гості. Гостити, гоститися - вгощати, вгощатися, гостювати [11, с.469].

Друга група категоріально-понятійного апарату об'єднує поняття, що використовуються для означення установ, серед яких гостинні, заїжджі двори, корчми, шинки, ресторани, готелі, діяльність яких забезпечує функціонування системи гостинності, що в другій половині ХІХ ст. починала перетворюватися на індустрію з відповідною інфраструктурою.

Прокладання римлянами доріг зробило можливим далекі подорожі, а їх розгалужена мережа стимулювала розвиток подорожування, що сприяло зростанню і ефективному функціонуванню таверн і заїжджих дворів.

Попри те, що подібні заклади існували в цивілізаціях Давнього Близького Сходу - в Месопотамії і в Давньому Єгипті, сам термін походить від латинського *taberna* – дощата хатина, халупа. Так найчастіше називали крамницю або майстерню в житловому будинку, з окремим виходом на вулицю, торгове, ремісниче приміщення, лавку [1, с.289]. "Словник іншомовних слів" зазначає: термін „таверна” має більш пізнє італійське походження і пов'язаний з латинським *taberna* – кабачок, трактир в Італії і деяких інших країнах [14, с.874]. У ХІХ ст. таверни все ще були центрами соціальної активності в портових містах [3, с.1302].

Заїжджі двори (англ. *inn*) як заклади, що надавали мандрівникам притулок, ночівлю, а іноді харчування і розваги також з'явилися ще в давні часи там, де проїжджали торговці і мандрівники [3, с.332].

До закладів гостинності, що поширились в Україні переважно в містах, належали трактири, ресторани. М.Фасмер в "Этимологическом словаре русского языка" стверджує, що слово "трактир" запозичене з

польскої – traktjer "трактирщик", traktjernia "трактир" від лат. tractoria, it. trattoria; воно набуває поширення з часів Петра I. [23, с.93]

"Толковый словарь" В.Даля визначає: "ресторация – франц.ресторан, м.трактир, чистая харчевня. Ресторатор – хозяин съестного заведения" [6, с.93].

Ресторан (restaurant) – заклад, в якому відвідувачам надавали послуги харчування стали відомі у Франції. Першим власником ресторану був А.Буланже, продавець супу, який відкрив ресторан в Парижі 1765 року.

М.Фасмер в "Этимологическом словаре русского языка" так визначає ресторан: "через нем.Restaurant или непосредственно из франц. restaurant от restaurer „восстанавливать, освежать, подкреплять” [22, с.474].

Багато авторів розглядають поняття "готель" як похідне від латинського "hospitalis", що означає "гостинний". З приводу походження цього терміна сьогодні є й інші думки. Одна з поширених точок зору зводиться до того, що англійське слово "hospitality" (гостинність) походить від старофранцузького "hospice" (оспис), що означає "странноприимный будинок" [21] [8] [20].

В Новітній час готелі з'являються в Парижі у XVII ст., а потім і в інших містах [24, с.389]. З розвитком індустріального суспільства, появою нових і вдосконаленням засобів переміщення, торгіві поїздки і подорожі значно збільшили клієнтуру готелів, остаточно склався тип готелів з кімнатами-номерами (різних типів), розміщеними вздовж коридорів, із загальними холами, рестораном і допоміжними приміщеннями.

Сучасний тип готелів стверджується у XIX ст. Становлення ж розгалуженої індустрії гостинності традиційно відносять до індустріального суспільства ще й з огляду на те, що відбувається перетворення особистості з пасивного спостерігача і споживача на активного творця культурних цінностей.

Інструментами розкриття сутності гостинності як складного соціокультурного феномена є використання таких загальнонаукових методів, як аналіз, синтез, індукція, дедукція. Об'єктивною онтологічною основою історичного і логічного методів пізнання є те, що функціонування і розвиток об'єктів історичної реальності, до яких належить і гостинність, протікає у просторі та часі. Це означає, що гостинність повинна вивчатися і синхронно і діахронно, тобто в просторовому і часовому вираженні. В цьому плані логічний метод розкриває рух об'єктів, типів і форм гостинності переважно в просторі, "по горизонталі". Історичний метод дозволяє дослідити рух об'єктів в часових інтервалах, "по вертикалі", а в змістовному аспекті розкриває конкретний світ явищ гостинності, їх характерні особливості, а логічний – внутрішнє наповнення.

Сутність гостинності, її розуміння як форми об'єктивної і суб'єктивної реальності надзвичайно складно досліджувати, поєднуючи історичний і логічний методи. Це пояснюється тим, що багато ознак, форм побутування гостинності, крім значної тривалості і кардинальних змін ХІХ ст., не можуть бути ґрунтовно досліджені в їх іманентному розвитку. Тому такі явища досліджують лише за допомогою логічних методів.

Таким чином, системний аналіз дозволяє розглядати природну і суспільну реальність як такі, що складаються з окремих ізольованих предметів, явищ і процесів, а як сукупність взаємозв'язаних і взаємодіючих об'єктів, певних цілісних системних утворень. Тому вихідним в системному підході і аналізі є поняття системи. Складність і різноманітність систем об'єктивної реальності зумовлюють множинність її визначень. В найзагальнішому вигляді суть цих визначень зводиться до розуміння гостинності як системи, цілісної сукупності елементів реальності, взаємодія яких зумовлює появу у цієї сукупності нових інтеграційних якостей, не властивих її елементам. Цим цілісна система відрізняється від такого поєднання елементів, що становить лише просту їх суму, не створюючи нових властивостей. Система гостинності з певними застереженнями може розглядатися як достатньо інтегрована сукупність елементів (гостинність українського селянства, міщанства, вищих верств населення, церковно-монастирська гостинність), об'єднаних в структурну цілісність.

Будь-яка система має будову, структуру і функції. Будова системи визначається її компонентами, тобто підсистемами і структурними елементами, як неподільними, елементарними носіями властивостей системи. В українській гостинності протягом ХІХ ст. таким елементом є селянська гостинність. Однак підсистема - це така частина системи, що сама утворена з компонентів, тобто селянська як і міська гостинності є складовими української гостинності. І в той же час міська гостинність складає власну систему, структурними елементами якої є гостинність міщан, купців, підприємців.

В будові соціокультурних систем, до яких належить система гостинності, в багатоманітному поєднанні її компонентів виявляється тісний взаємозв'язок загального, особливого і одиничного. Система як цілісність найвищого рівня - це загальне, її компоненти, тобто підсистеми й елементи, - особливе і одиничне.

Внутрішня організація системи гостинності характеризується способом взаємодії її структурних компонентів і притаманних їм властивостей (доброзичливість, добродійність, шанобливість, релігійність). Структура системи визначає сутність її як цілого, в ній виражаються інтегральні властивості системи. Рівень розвитку системи, стабільність її функціонування визначаються стійкістю її

структури. Тому в процесі висхідного розвитку системи української гостинності на початок XIX ст. їй властива тенденція до зростання збалансованості, до внутрішнього зв'язку її компонентів. Під впливом зовнішніх чинників відбуваються різні порушення сталості і збалансованості структури гостинності, негативно позначаючись на її функціонуванні.

З системним аналізом пов'язані структурний і функціональний: перший спрямований на розкриття структури системи, другий - на виявлення їх функцій. Таке розмежування правомірне у вузькоспеціальному значенні. Всебічне ж пізнання будь-якої системи, в тому числі і гостинності, передбачає розгляд її структури і функцій в органічній єдності. А гостинність, крім системності, характеризується подієвістю, ситуативністю, мінливістю, у зв'язку з цим її дослідження вимагає поєднання системного і структурно-функціонального аналізу, покликано розкривати структуру, функції гостинності.

Принцип історизму потребує з'ясування історичної зумовленості, причин трансформації досліджуваного явища з погляду його побутування в українській культурі. Історичний принцип та історичний метод дозволяють пізнавати гостинність шляхом вивчення її історії, особливостей еволюції, зміни "культурного ядра", що відрізняє ці методи від логічного, при якому сутність явища розкривають, аналізуючи його актуальний стан.

Історико-порівняльний метод є важливим і, ймовірно, найбільш поширеним методом наукового пізнання, об'єктивною основою якого є розуміння культурно-історичного розвитку як процесу, що має власні закономірності розвитку. Багато явищ, подій тотожні або схожі за внутрішньою сутністю і відрізняються лише просторовою або часовою варіативністю форм, а одні і ті ж або схожі форми можуть виражати різний зміст. Тому при порівнянні відкривається можливість пояснити певні факти, розкрити сутність явищ, що вивчаються. Так, порівнюючи різноманітні види приймання гостей в традиції українців, можемо виявити закономірності побутування різних форм гостинності: від простих до складних, при яких приймання гостя розгортається як багатоденний ритуал з чіткою послідовністю та деталізацією.

Логічною основою історико-порівняльного методу, якщо встановлюється схожість, є аналогія. Аналогія - це загальнонауковий метод пізнання, сутність якого полягає в тому, що за схожістю одних ознак порівнюваних об'єктів робиться висновок про схожість інших ознак. Зрозуміло, що при цьому коло відомих ознак явища, за яким здійснюється порівняння, повинне бути ширшим, ніж у досліджуваного об'єкта.

Таким чином, історико-порівняльний метод дозволяє не лише розкрити сутність гостинності, а й виявити відмінні риси в прийомі

гостей різних верств українського населення.

Ще з часів античності обов'язковою складовою ритуалу гостинності було запрошення гостя до столу, урочистого обіду (трапези). Численні дослідники культури й побуту українського народу Маркевич М.А., Афанасьєв-Чужбинский О.С., Де Ля Фліз, Чубинський П.П., Головацький Я., Кувеньова А.Ф., Наулко В.І., Артюх Л.Ф., Горленко В.Ф., Пономарьов А.Ф. відзначали, що гостя, чужинця в селянській хаті запрошували до столу, пропонували йому їжу, частували його, що було обов'язковим. Так, можемо говорити про подібність ритуалу гостинності ще за часів античності.

В цілому історико-порівняльний метод має значні пізнавальні можливості: по-перше, він дозволяє розкривати сутність досліджуваних явищ на основі наявних фактів в тих випадках, коли вона неочевидні; виявляти спільне і відмінне; по-друге – виходити за межі явищ, що вивчаються, і на основі аналогій робити широкі історичні узагальнення і паралелі.

Соціокультурний процес у всіх його проявах є безперервно динамічним, не простою послідовністю подій, а зміною одних якісних станів іншими, має свої стадії, що суттєво відрізняються одна від одної. На кожній з цих стадій можна визначити адекватні їм типи гостинності.

Історико-антропологічний метод, пов'язаний з вивченням ментальності "новою історичною наукою" (*l'histoire nouvelle*), започаткованою засновниками "Анналів" М. Блоком і Л. Февром, безпосередньо належить до одного з провідних і найбільш продуктивних методів історичної науки. За допомогою цього методу вивчаються соціальні зв'язки, структури повсякденності, серед яких і гостинність, демографічна поведінка, ментально-ідеологічні комплекси та інтелектуальна історія. Як стверджують вчені, історична антропология претендує сьогодні на вивчення практично всіх сфер історичної реальності в їх системно-структурній і соціокультурній цілісності, але, перш за все, в проекції людських уявлень про цю реальність. Її дослідницький пафос спрямований на розкриття людського змісту історії і досягнення на цій основі якісно нового історичного синтезу.

Таким чином, наукове дослідження сутності гостинності з необхідністю передбачає наявність не лише теоретико-методологічного інструментарію для вироблення адекватної продуктивної і перспективної наукової стратегії, для знаходження можливих і необхідних міждисциплінарних контактів, а і відповідного понятійно-категоріального апарату, з якими воно безпосередньо пов'язане. Аналіз різних трактувань понять, що використовуються для означення закладів і установ гостинності, дозволили представити

ринок послуг індустрії гостинності як певну систему відносин з метою задоволення потреб в розміщенні і харчуванні.

Література

1. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник /Под ред. В.Н.Ярхо. – М.: Высшая школа, 1995. – 383с.
2. Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., Изд-во «Советская Энциклопедия», 1975; Т.21; с.69
3. Всемирный энциклопедический словарь / В. В. Адамчик (гл.науч.ред.), М. В. Адамчик (гл.ред.и сост.) – Минск: Современный литератор, 2004. – 1639с.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси., 1984. – С. 754
5. Даль В. Толковый словарь. – Т.1.: А-З. – М.: Госуд. изд. иностр. и национальн. словарей, 1956. – 699с.
6. Даль В. Толковый словарь. – Т.4.: Р-У. – М.: Госуд. изд. иностр. и национальн. словарей, 1956. – 680с.
7. Іларіон, митрополит. Дохристиянські вірування українського народу: Іст.-реліг.моногр. – К.: АТ "Обереги", 1992. – 424с.
8. Кабушкин Н.І., Бондаренко Г.А. Менеджмент готиниц и ресторанов. – М.: Новое знание, 2002. – 368с.
9. Латинсько-український, українсько-латинський словник Л.П.Скорина, О.А.Скорина. – К.: Обереги, 2004. - 448с.
10. Невская Л.Г. Из балто-славянского ономастикона: поміна програма с элементом «гость» /ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. – М.: Индрик, 1998. – С.395-399.
11. Новий тлумачний словник української мови. – Т. 1. – К.: АКОНІТ, 2004. – С.418, 434, 469-470.
12. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10-ти т. – Т.2. – М.: Рус. яз., 1989. – 494с.
13. Словарь украинского языка. – Репринтне видання. К.: Лексикон, 1996. – 544с. (Собранный редакцией журнала "Кіевская Старина". Редактировал Б.Д.Гринченко. Т.І. К., 1907г.)
14. Словник іншомовних слів. – К.: Довіра, 2000. – 1017с.
15. Словник староукраїнської мови. – Т.1. – К.: Наук. думка, 1977. – 632с.
16. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. – Репринтное издание. – Т.1. – Ч.1.: А-Д. – М.: Книга, 1989. – 806с
17. Топоров В.Н. Индоевропейские языки //Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 186-189.
18. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка. – М., 1996. – С.72-76.
19. Тупиков Н.М. Словарь старорусских личных имен. СПб., 1903.

- С. 117.
20. Туризм и гостиничное хозяйство /Под ред. Л.П. Шматько. – М. – Ростов-на-Дону: МарТ, 2004. – 346с.
  21. Уокер Дж. Р. Введение в гостеприимство: Пер. с англ. – М: ЮНИТИ, 1999. - 463 с.
  22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.– В 4-х т. – Т.3. (Муза - Сят) /пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832с.
  23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4-х т. – Т.4. (Т-Ящур) /пер.с нем. и доп.О.Н.Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 864с.
  24. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: В 82–х т. – СПб., 1894. – Т.17. – 482с.
  25. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: В 82–х т. – СПб., 1898. - Т.49. – 480с.

Сизова Н.Н.

*К. филос. н., доцент филиала СибГАУ в г. Зеленогорске
г. Зеленогорск, Россия*

Актуальность гуманитаризации в рамках ноосферной модели образования

Современное состояние системы образования в России находится в глубоком кризисе. А.Огурцов и В. Платонов пишут: «Российская образовательная система находится в кризисе: от прежней советской системы мы уже отказались, а новую еще не построили...Кризис образовательной системы в России усугубляется кризисом мировой системы образования, не отвечающей на вызовы современности, втянутой в переход к системе ценностей информационной цивилизации» [4, с.32]. В рамках нынешней техносферной модели образования, когда система образования настроена более на информатизацию учебно-воспитательного процесса и менее на духовно-нравственное обогащение детей, сама система образования в глобальном масштабе превращается в консервативный механизм, не способный эффективно содействовать решению глобальных проблем человечества – не имеет реальной возможности обеспечить гармоничное развитие социума и природы.

Образовательная парадигма, базирующаяся на ценностях техносферной модели развития цивилизации, способствует формированию эгоцентрической и гедонистической личности ребенка. Становится очевидным, что в рамках существующей

техносферной модели развития цивилизации не решить проблемы образования. Необходим переход от техносферной модели общественного развития к ноосферной модели общественного развития, от техносферной модели образования к ноосферной модели образования, так как формирование ноосферы – это объективная потребность нашего времени.

Целью перехода на ноосферный путь развития цивилизации является обеспечение коэволюции развития общества и биосферы в соответствии с разумными потребностями людей и с учетом законов функционирования и развития биосферы.

Целями ноосферного образования, по мнению Д.М.Захаровой и Н.М. Орлихиной становятся: 1. Преодоление человеком технократического стиля мышления на основе гуманизации образования. 2. Освоение новой системы ориентации, построенной на общечеловеческих качествах. 3. Овладение новыми способами научного мышления, исходящего из системно-целостного подхода к миру. 4. Формулировка нового миропонимания и потребность постоянного его совершенствования [1, с.152].

Стратегической целью ноосферного образования является формирование ноосферной личности, целостной личности, обладающей новым ноосферным сознанием, ноосферным мышлением, современными технологиями творческой деятельности, ноосферной культурой, высокими нравственно-экологическими принципами, способной обеспечить ноосферное развитие общества. Если в техносфере человек мыслится господином природы, и к миру природы он относится потребительски, рассматривает природу как ресурс экономического роста, то в ноосфере меняется взаимоотношение человека и биосферы, и главной ценностью становится не господство человека над природой, а гармоничное развитие человека и природы. Это новое понимание природы, новое представление о мире, и ноосфера ставит задачу – преодолеть разрыв между общественным сознанием и общественным бытием. И как следствие, ноосферная модель образования предполагает ориентирование на будущее на основе ноосферного мировоззрения, на базе ноосферного знания.

Самое главное, с чего стоит начать реформирование системы образования – это гуманитаризация образования. На современном этапе общественного развития в мировом сообществе происходят серьезные изменения, связанные с процессом глобализации – это и рост социально-политической напряженности, создание единого информационного пространства, активное внедрение новых информационных технологий во все социальные сферы общества, включая сферу обучения и воспитания. Н.В. Наливайко отмечает: «глобальное образование является качественно иным явлением,

поскольку его развитие связано с подчинением образования интересам крупнейших иностранных корпораций, которые навязывают свои стандарты обучения, свой язык общения, не считаются с национальными особенностями, вытесняют родные языки – носители самобытных культур» [2, с.408-409]. Преодоление эгоистических интересов крупнейших корпораций возможно на пути гуманизации образования. Академик Д.Лихачев был уверен, что XXI век будет веком гуманитарных наук. Это же отмечает и Н.Н. Моисеев «вступить в эпоху ноосферы сможет только высокоинтеллектуальное общество, каждый член которого способен понимать и чувствовать ответственность за судьбу общества и вести себя сообразно этой ответственности. А для этого человек должен иметь широкое, не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век должен стать веком гуманитарных знаний!» [3, с.102].

В связи с выше сказанным следует отметить, что образование в рамках ноосферной модели должно не только помочь осознанию человеком своего места в мире: в мире природы, в мире людей, в мире идей, не только давать возможность реализовать себя профессионально, но наряду с этим новая система образования ставит перед собой задачу совершенствовать характер человека, сформировать и развить моральные и нравственные ценности на основе ноосферных знаний. В конструировании ноосферной модели образования фундаментальную роль должны сыграть высшие нравственные приоритеты, а не информация и информационные носители.

Таким образом, образовательная стратегия в рамках ноосферной модели образования должна базироваться на гуманной основе, отталкиваться от ведущих идей великих гуманистов, соприкасаться с лучшим общественным и педагогическим опытом. Опираясь на гуманистические идеи отечественных и зарубежных педагогов гуманистов и в тесной связи с современными тенденциями развития образования, ноосферная система образования сформирует у подрастающего поколения нравственное отношение к окружающему миру, обеспечит стремление к постоянному совершенствованию взаимоотношений с окружающей природой и с обществом.

Из вышесказанного следует, что образовательный и воспитательный процесс в рамках ноосферной модели образования должен быть направлен на формирование ноосферной личности – личности XXI века.

Литература

1. Захарова Д.М., Орлихина Н.М. Роль гуманитаризации в развитии ноосферного образования // Ноосферное образование в России: материалы межгос. науч.-практ.конф. - Иванов: Изд-во Ивановск. Гос

ун-та, 2001. - Ч.1. - С.151-154.

2. Наливайко Н.В. Современная специфика философского осмысления образования // Российский философский конгресс: материалы V филос. Конгресса «Наука. Философия. Общество». - Новосибирск, 2009. - Т.3. - С.408-409.

3. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. - М.: Языки русской культуры. - 2000. - 224 с.

4. Огурцов А.П. Образы образования. Западная философия образования. XX / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. - Спб., 2004.

Степанов А.Н.

к.ф.н., доцент Самарского государственного технического университета

Кукушкина Т.В., Суворова Д.А.

*студенты СамГТУ
г. Самара, Россия*

Социально-эстетическая ценность ойкоса

В статье представлена проблема анализа эстетического содержания современного экологического состояния природы. Рассматривается проблема роли человека в поддержании и эстетическом улучшении экологии как глобальной техногенной, естественнонаучной и гуманитарной проблемы современной цивилизации. Ойкос – (с греческого означает природу, природную среду, среду обитания, дом). Следовательно, в представленной статье актуализируется проблема эстетической ценности современного экологического состояния природной среды обитания или «первой природы». В работе рассматривается основная проблема чистоты, совершенства, красоты и гармонии бытия человека и природы.

Истоки этой социальной проблемы уходят в седую древность: не всегда и не везде человек относился к среде своего обитания рачительно и бережно. Особенно усилилась хищническая тенденция с появлением классового общества – рабовладения: затем с Нового времени эта тенденция усилилась, когда человек самопровозгласил себя «царем природы», а индустриально-техногенное развитие капитализма, империализма довело экологическую ситуацию на Земле до катастрофического состояния. В погоне за прибылью сегодня уже достигнуты пределы загрязнения окружающей среды – современное мировое экологическое состояние с эстетических позиций следует расценивать как драматическое и трагическое. Поэтому людям пора уже понять, что «на каждом шагу факты напоминают о том, что мы,

отнюдь, не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, – что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее» [3, с. 245].

Рассмотрим парадоксальную экономическую, нравственную и философскую проблему, стоящую перед человеком: с одной стороны, стремление жить лучше, не обращая внимания на интенсивный процесс загрязнения окружающей среды обитания. С другой стороны, современный человек, как и первобытный дикарь, никогда не сможет прожить без достаточного и умеренного солнечного света, чистого воздуха, свежей воды и зеленой обильной суши. В древности первобытный человек был рад новому дню, восходу солнца и зеленой траве под ногами. С историческим развитием интересы, желания и мотивации людей меняются, а естественные потребности остаются. В наше время объектами радости массового потребительского сознания стали объекты техногенного производства. В погоне за доходами и прибылью некоторые совершенно не понимают, что губят первозданную красоту и жизненную силу естества природы. С каждым днем разрастаются мегаполисы, вводятся в оборот вредоносные и ядовитые производства, отравляющие лито-гидро-и атмосферу. Создаются различные генно-модифицированные препараты, продукты, поставляемые под эгидой гуманитарной помощи.

Век современных технологий неимоверно ускорил процесс экологического загрязнения окружающей среды. Сегодня человечество в век глобальной экологической проблемы, больше загрязняет среду обитания, что угрожает жизни почти всего человечества. Чем больше развивается техногенная цивилизация, тем больше она разрушает естественную природу. Человечество уже столкнулось со множеством техногенно-экологических и естественно-природных глобальных катастроф, вызванных, в том числе, и загрязнением атмосферы, почвы, воды. Усилился интенсивный натиск стихийных бедствий: наводнений, засух, пожаров, ураганов, цунами, землетрясений, извержений вулканов и т.д.

Интенсивно развивая промышленность, транспорт, связь, энергетику, люди тем самым расточительно расходуют природные богатства: энергоносители, запасы чистого воздуха, чистой пресной воды, полезных ископаемых. Так губится первозданная чистота природы. Из-за такого, порой варварского, воздействия на биосферу происходит изменение климата, что уже наблюдается в природных буйствах стихий, ведь природа не позволяет с собой шутить, она всегда сильнее, могущественнее и рекреативнее человека. В связи с этим уместно сказать: «Природа неизменно права, только человеку присущи ошибки и заблуждения» [2, с. 287].

Сегодня выбрасывается в биосферу огромное количество промышленных, химических, бактериологических, термоядерных отходов, которые веками и тысячелетиями не «перерабатываются» природой и препятствуют ей восстанавливаться. Если деятельность человека направлена только на извлечение дохода и прибыли без восстановления природного баланса, то химический состав почвы, мир растений и животных неизбежно гибнет. Особо пристальное внимание следует обратить на то, что сегодня хищнически вырубаются леса, высыхают реки и озера. Питьевая вода у 2/3 человечества уже сейчас загрязнена так, что не пригодна для обеспечения здоровой жизнедеятельности флоры, фауны и человека. Природа уже начинает поворачиваться «спиной» к человеку, поэтому уже сейчас следует остановиться в бесконечном потребительском отношении к природе, иначе может быть слишком поздно. Такое состояние природы с эстетических позиций следует рассматривать как драматическое с явными элементами трагического. Образно говоря, человек сам «рубит сук, на котором сидит», то есть губит то, что составляет источник его полезной, здоровой и прекрасной жизни.

Состояние драматизма, эволюцию трагизма экологического загрязнения усугубляет не только сама техногенность, но и антиэкологическое и антиэстетическое мировоззрение и соответствующее потребительское отношение к ней. Хищническое отношение к природе, базирующееся на грабительской идеологии, возведенной в статус официальной политики очень опасно. С эстетических позиций такой глобально-экологический драматизм нельзя назвать иначе, как разрушение стройного и гармоничного естества природы. Актуальная вечная мудрость природной жизни заключается в том, что людям нужно находиться в гармонии с природой, мирно существовать с ней: «человек, слуга и истолкователь природы» [1, с.83].

По космическим меркам Земля еще относительно молода и существует всего 4,6 млрд. лет. Наша задача заключается в том, чтобы не погубить её раньше времени. Нужно сберечь чистую природу. От состояния природы зависит будущее Земли и счастливая перспектива человечества. Мы все живем на единственно пригодной для жизни человека планете в Солнечной системе. Она является единственным домом для каждого человека и для следующих поколений, и другого такого радушного дома у человечества нет. Человечеству пора «повзрослеть» и понять, что никто ни за какие деньги не сможет купить себе вечное здоровье и жизнь, нравственную мудрость, и вернуть былую красоту молодости.

Чтобы сохранить природное естество нашей планеты, первое, что надо сделать человечеству, это понять, что вся жизнь каждого человека связана только с природой: чистой почвой, водой и

воздухом. Ничего лучшего невозможно никогда отыскать. Это надо крепко усвоить каждому – это очевидная истина социального бытия. Второе, всем надо объединиться с целью решения глобально-экологических задач. В-третьих, надо выработать консолидированную программу сохранения чистоты природы, связанной с переработкой отходов, очищением воды, прекращением загрязнения среды обитания. В-четвертых, надо найти и широко применить иные экологически чистые альтернативные источники энергии и технопроизводства; от этого зависит дальнейшее существование самой жизни на Земле. В-пятых, не сокращать население генномодифицированными продуктами, террором и войнами, а разумно и гуманно воспитывать каждого человека в духе трудолюбия, рачительности, гуманности и меры. В-шестых, необходимо формировать новое глобально-экологическое, аксиолого-эстетическое мировоззрение, чтобы исключить из жизни людей раздражительность, агрессивность, подлость, жажду наживы, а стимулировать и формировать в каждом человеке любовь к своей родине, народу и человечеству.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах т. 1 – М.: «Мысль» 1971.
2. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние дни его жизни. М.: «Художественная литература» 1981.
3. Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.– М.: «Государственное издательство политической литературы» 1955.

Степанов А.Н.

к. ф. н., доцент кафедры философии

Самарского государственного технического университета

Логанова М.Е.

студентка СамГТУ

г. Самара, Россия

Свобода и ответственность как эстетические ценности

Проблема эстетических ценностей исследуется философией и эстетикой, однако это не означает, что эстетика является только той областью знания, которая изучает исключительно вопросы прекрасного в музыке, художественном творчестве, искусстве, поэтике, литературе, ваянии, зодчестве, архитектуре и т.д. Понимание эстетики как искусствоведческого знания сужает область эстетического поиска, обнаружения и распространения эстетики и

оставляет за пределами внимания на социальные проблемы например: проблемы идеологических, производственно-экономических, распределительно-потребительских и политико-правовых отношений. Однако многие социальные, экономические и политико-правовые проблемы в повседневной жизни не всегда могут быть эффективно разрешены без социального понимания философских понятий «свобода» и «ответственность». В любом обществе и во все времена социальная суть этих категорий носит эстетический смысл и является эстетическим мерилем формирования цивилизованного и гуманного, культурного и интеллектуального, справедливого и прекрасного состояния общественного бытия.

Философское и эстетическое понимание проблемы свободы человека связано с философско-эстетическим постижением сущности свободного общества; оно детерминантно от исторических, социальных, культурных и нравственно-психологических феноменов, оно зависит от психо-типа человека, от здоровья и настроения и условий общественной жизни и деятельности. «Свобода – это высшее нравственное состояние человека... Степень свободы личности достигается вместе с развитием общества» [1, с. 106].

Любой человек всегда зависит от социальных условий. Поэтому зная это, человек не всегда высказывает сокровенные мысли, а иногда сомневается в необходимости их высказывания и в их истинности, а иногда стесняется высказывать свои устремления и интересы. Однако из философии, психологии, педагогики известно, что именно в духовности содержатся фундаментальные основы аксиологических, эстетических ценностей, в соответствии с которыми необходимо жить каждому человеку. Эстетическое совершенство, гармония и красота закономерно существуют в духовной нравственности «золотого правила» Конфуция и «категорического императива» И. Канта. Каждый человек слово «свобода» понимает по-своему. Для кого-то свобода понимается как отшельническая жизнь, для других как жизнь в свое полное удовольствие, для третьих как способность осмысления динамики жизни, а для четвертых как соответствие слова трудовому делу. «Свобода являясь главной экзистенциальной ценностью» [2, с. 115].

Проблема свободы человека во многом связана с устоявшимся способом культуры бытия, которая функционирует в соответствии с определенными решениями, целями, интересами, идеалами и оценками. Свобода есть добровольное творчество человека «Творческий акт предполагает моноплюрализм, т.е. допущение множества свободных и самостоятельных существ. Каждое существо имеет бытие свободное и самостоятельное» [3, с. 529].

Другой эстетической ценностью в жизни человека и общества является проблема ответственности: человек в жизни всегда обязан

быть ответственным перед другими: товарищем, семьей, обществом, природой, человечеством. Основы мировоззрения ответственности как гуманистической нормы социального бытия начали формироваться еще на заре зарождения человечества. Ее нравственное, социальное, правовое и эстетическое понимание формировалось на протяжении всей жизни человечества, а у каждого человека – в течение всей жизни, начиная с детства. Эстетическая суть ответственности обнаруживается как общечеловеческая ценность, ее формами выражения в социальном бытии являются такие качества личности как проявления честности, свободолюбия, трудолюбия, прилежания, исполнительности и взаимопомощи. Ответственность человека – это готовность личности отвечать за свои поступки и действия, это готовность и способность к оказанию помощи страждущему. Ответственность как аксиологическая и эстетическая ценность является психоментальным источником и средством формирования гуманистического мировоззрения в человеке и общечеловеческих основ социального бытия и демократических условий жизни в обществе.

Два разных слова «свобода» и «ответственность» тесно связаны между собой. Ответственность как и свобода, может быть только осознанной. Ответственность добровольно принимается человеком как необходимая и должная обязанность. Ответственность как и свобода – либо есть, либо нет. Чем шире рамки свободы личности в обществе, тем больше ее ответственность за слова и поступки, за действия и отношения. Свобода и ответственность в социальной жизни всегда принимают конкретные формы. Человек не может обладать абсолютной свободой, но может обладать предельной ответственностью. Пределы свободы и ответственности зависят от объективных и субъективных условий, от психики личности, от уровня интеллектуального, духовного и нравственного развития человека и общества.

Драматическое, трагическое содержание социальной свободы связывается с отсутствием ответственности в общественных реалиях. Быть ответственным – это очень тяжелое, но необходимое бремя, которое обязан нести каждый человек. Невозможно быть безответственным, и в то же время свободным.

От уровня и состояния гармонии проявляющейся в обществе зависят функционирование и взаимодействие свободы и ответственности в обществе, аксиологические и эстетические ценности, обеспечивающие полноценную жизнь человека – это здоровье и безопасность, материальный достаток, гуманные отношения, способствующие развитию личности и дающие свободу выбора. Нравственные ценности человека – это совокупность общечеловеческих, гуманных, эстетических правил и норм поведения

в обществе. Этими нормами должен руководствоваться каждый в своей жизни

В заключение скажем, что важнейшим условием эстетического бытия человека и общества являются свобода и ответственность. Свобода выбора есть естественная свобода: если человек лишен свободы выбора, то свободы нет. Эстетическая суть свободы заключается в том, что ее духовным содержанием является ответственность каждого человека. Поэтому философские понятия «свобода» и «ответственность» являются важным основным духовным критерием бытия каждого человека и общества.

Литература

1. Бондарев Ю.В. Поиск истины./ Под ред. О.В. Михайлова. М.: 1976 г.
2. Ритмантас К. Свобода и психотерапия/ Утренний свет М.: - Академический проспект. – 1999 г. - № 2(15). - С. 115.
3. Бердяев Н.А., Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Уч. – 3-е изд-во, перераб. и доп. – М.: Изд. «Проспект», 2003 г.

Степанов А.Н.

к. ф. н., доцент Самарского государственного технического университета

Зиятдинов Р.И., Рюмина В.П.

студенты СамГТУ, г. Самара, Россия

Эстетическая фасцинация как аксиологическая ценность

В наше беспокойное, нестабильное время очень важно, во-первых, знать, что такое прекрасное, а во-вторых, не потерять калокагативную связь с прекрасным. Некоторые могут спросить: почему в техногенный век человек нуждается в прекрасном в природе, обществе, мышлении и поступках? Как красота окружающего мира влияет на развитие личности, как влияет прекрасное мировоззрение на социальную идеологию и на современное общество? Аксиологические ответы на подобные дискуссионные вопросы складываются на основе философского анализа условий социального бытия и аксиологического постижения сути эстетических ценностей.

Анализируя суть эстетического, в первую, очередь будем опираться на философию и эстетику. В связи с этим, в начале представим дефиницию эстетики: «...лингвистическое образование, которое восходит в греческому прилагательному «эстетикос» – чувствующий, ощущающий, чувственный, от «эстетикс» – ощущение,

чувствование, чувство» [2, с. 2503]. В таком контексте сравним представленную дефиницию с определением , данным в словаре русского языка , чтобы увидеть и понять единство и социальный характер чувства эстетического завораживания . «Эстэтика (др.-греч. – «чувствующий, чувственный», от сущ. – «чувство, чувственное восприятие») – философское учение о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особой форме общественного сознания» [5, с. 744].

Для лучшего понимания социальной сути эстетической фасцинации рассмотрим разные типы взаимоотношений людей и отношения социальных институтов. Философское понятие фасцинация в данном контексте рассматривается как завораживающая сила эстетического восприятия, осмысления и отражения прекрасного в человеке и обществе. Для удобства анализа можно выделить несколько уровней отношений: предметно-практические (обыденные, повседневные), искусствоведческие (художественные, образно-эмоциональные) и рациональные (абстрактно-логические), которые в той и иной степени, так или иначе, проявляются в отношениях социальных институтов: производственно-трудовых, религиозно-мистических, художественно-образных, сказочно-мифологических, научно-познавательных, культурологических, сословно-классовых.

Чтобы лучше понять суть ценности эстетического, следует обратить внимание на содержание, форму и характер бытия человека и общества. Эстетической фасцинацией аксиологических ценностей являются гуманистические взаимоотношения людей на работе, учебе, досуге и т.д. Социальные ценности эстетики, в той или иной степени, детерминированы с моралью, нравственностью и этикой. Это актуально во все времена и для всех людей, групп, партий, этносов, народов, наций, религий, вероисповеданий.

Эстетические ценности в обществе раз и навсегда не заданы, каждое новое поколение и каждый новый человек в своей жизни должен постигать суть прекрасного. Формирование аксиологических и эстетических ценностей человека, в той или иной мере, осуществляется в течение всей жизни. Прекрасное в жизни человека и общества проявляется в разных формах социального бытия, явлениях, фактах, мышлении и взаимоотношениях людей. Эстетическое в жизни человека и общества невозможно без социальной и индивидуальной культуры, интеллектуализации всех сфер бытия и проявления мотивированного трудолюбия каждого человека. Впечатляющей эстетической силой фасцинации обладает проявление катарсиса как сильнейшего переживания. «Эстетические силы <...> заключаются в трех главных качествах; они суть: прекрасное, совершенное, благое» [4, с. 147].

Эстетическое как теоретическая форма и философский инструмент социальной созидательной деятельности существует на уровне

предметно-практического и интеллектуального творчества. В связи с этим, нельзя не согласиться с нижеприведенным смысловым содержанием функционирования сознания: эстетическое «... доводит до сознания истину в виде чувственного образа, который в самом своем явлении имеет высший, более глубокий смысл и значение» [1, с. 109].

Тяга к прекрасному – естественное психо-социальное состояние человека, завораживающая любовь к прекрасному часто позволяет обрести смысл жизни людям с ограниченными возможностями. Нередки случаи, когда человек, уже потеряв всякую надежду на полноценную жизнь, обретает смысл жизни в труде, спорте и искусстве. Некоторые инвалиды, не имеющие возможности внести свою лепту в жизнь общества физическим трудом, помогают людям иначе, завораживая их своим искусством, создавая шедевры произведений, которые являются совершенными работами. Жизнеутверждающая сила эстетики особенно актуальна в сложных жизненных ситуациях. Так и во время Великой Отечественной войны люди не расставались с искусством. Для солдат проходили концерты с участием артистов, выступления которых эффективно поднимали боевой дух солдат и офицеров. Желание и стремление жить в гармонии с прекрасным помогло нашему народу пережить это тяжелое испытание и выйти победителем. Глубокий эстетический смысл имеет в себе народная фраза – «война временна, а песня вечна». «Искусство должно учить любить добродетель и ненавидеть порок» [3, с. 350]. Это и есть исчерпывающая иллюстрация фасцинативной силы эстетического.

Каждый человек может черпать эстетическое вдохновение во всем: любви, природе, своих увлечениях, культурном досуге. Как известно, самые яркие и приятные эстетические переживания человек испытывает, когда живет в гармонии с природой. Время идет, но красота естественной природы остаётся, а меняется лишь точка зрения общества к своим проблемам, к оценке тех или иных событий. Однако постоянным в каждом человеке остается желание окружить себя красотой, прикоснуться к прекрасному и творить прекрасное. Красота как аксиологическая ценность объединяет человека с миром. В конечном счете «Красота должна вывести людей на истинный путь» [6, с. 314].

Эстетика актуальна всегда. Суть эстетического детерминантна: она зависит от исторического времени, от этнической культуры, национального менталитета. Эстетичное есть не только в музыке, поэзии, литературе, ваянии, скульптуре, зодчестве, архитектуре, но и в отношениях людей и в социальных отношениях. Эстетическое в жизни встречается постоянно в любой сфере жизни и деятельности человека, а в произведениях искусства эстетическое начало выражено особо фасцинативно. В моменты печали человек зачастую ищет успокоения в

искусстве, оно доставляет ему эстетическое удовольствие и приносит радость, помогает прийти к внутренней гармонии и забыть о своих тяжелых переживаниях. В эстетическом, как в зеркале можно найти отражение прекрасных идеалов человека и совершенных условий жизни. Это помогает по-иному взглянуть на прошлое и настоящее, и при необходимости переосмыслить и усовершенствовать жизнь человека и общества.

В заключение надо сказать, что добродетель вызывает у людей фасцинативные эстетические эмоции, которые актуальны во все времена. Благодаря эстетическому как любви к прекрасному, жизнь человека наполняется яркими, неповторимыми моментами, которые украшают его существование. Эстетическая фасцинация как интеллектуализация человеческого сознания и общественной жизни является актуально необходимой для эпистемологического и нравственного возвышения и культурного роста человека и общества. Эстетическая фасцинация как психо-ментальное явление способствует морально-нравственной гармонизации взаимоотношений людей, кроме того, эстетическая фасцинация как творческий императив является условием формирования трудолюбивого, ответственного и созидательного человека. Социальная суть эстетической фасцинации заложена в общечеловеческих ценностях: общество и государство должны нравственно, законодательно и исполнительно воспитывать культурного человека.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М. :1968 г.
2. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. – Минск. :1999 г.
3. Дидро Д. Театр и драматургия. Собр. Соч. в 10-и т. Т. 5. – М. –Л. :1963 г.
4. Мерзляков А. Ф. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. В 2х т. Т. 1. – М. :1974 г.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 20 изд. – Москва. :1988 г.
6. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании. Собр. Соч. В 7-и т. Т. 6. – М. :1955 г.

Сухоруков Д. С.
*Аспирант кафедры социологии и теологии
Северо-Кавказского государственного университета
г. Ставрополь, Россия*

Религия как государственная идеология на примере современной России

Религия в древнем мире была первым кандидатом на роль государственной идеологии, в современном мире ее влияние несколько уменьшилось, хотя все еще сильно. Римская империя часто является наиболее типичным примером государства, ставшего на путь глобализации. Но мы приведем еще один пример, менее известный, хотя гораздо более яркий. Монгольская империя изначально положила принцип религиозной глобализации в основу своих завоеваний. Тэнгрианство – поклонение богу-небу являлось официальной религией монголов и ряда народов, которые они присоединили к себе на первых этапах создания государства. Несмотря на то, что тэнгрианство более относится к языческим религиям, к началу монгольской экспансии оно впитало в себя многие черты монотеизма. Так, монголы верили, что Тэнгри – единый общемировой бог, поэтому они отличались известной веротерпимостью, позволяя сохранять покоренным народам свою религию. Монгольское тэнгрианство постулировало, что Бог один, но к нему есть множество путей. Поэтому Чингисхан положил идею объединения народов одной верой. По его замыслу, после образования общемирового государства, Монгольской империи, с идеологией тэнгрианства не будет больше войн и убийств.

Несмотря на то, что в современном мире немало атеистов и людей, принадлежащих к той или иной религии лишь формально, влияние веры на жизнь общества сложно переоценить. Как и во все времена, религия часто является лишь поводом для военного конфликта, но немало и тех, кто искренне готов защищать свои взгляды на словах или, к сожалению, с оружием в руках. На роль «социального цемента» в современном обществе может претендовать одна из религий. Причем важно не столько число ее последователей, сколько некий универсализм, проповедь тех ценностей, которые близки любому человеку вне зависимости от его воспитания и культурной среды. Проще говоря, индуизм, имеющий более миллиарда последователей, слишком своеобразен и связан с Индией, чтобы получить возможность объединять людей и Европы, Азии, Америки и Австралии.

В науке выделяется три мировые религии: буддизм, христианство, ислам. Каждая из них претендует на роль общемировой

веры, которая в состоянии прекратить конфликты людей на религиозной почве.

Буддизм, как наиболее древняя и мирная религиозно-философская система как первый взгляд лучше всего подходит для этой цели. Буддизм впитывает в себя традиции и взгляды тех народов, на почве которых он распространяется, что роднит его с манихейством. Взгляды, основанные на идее перерождения и милосердия ко всем живым существам, казалось бы, должны способствовать сплочению общества. Но так ли это на практике? В 1934 году в Монголии около половины взрослого мужского населения составляли буддистские священнослужители, множество из которых были позднее расстреляны в ходе репрессий. С точки зрения религии, буддизма, эта небольшая страна являла собой идеал – еще немного и все ее жители посвятили бы себя медитации и мистическому поиску. Но так ли это хорошо с социальной точки зрения? Страна, значительная часть населения которой священнослужители, мало что производит, беззащитна перед агрессией извне и, как показала история Монголии, изнутри. Если же посмотреть на эту ситуацию более глобально, то для всего человечества это скорее путь к вымиранию, чем к дальнейшему развитию.

Христианство и ислам относятся к авраамистическим религиям откровения, то есть, обе они представляют собой развитие учения о том, что Бог сам раскрыл себя человеку, Авраам же выступает в качестве патриарха. Обе религии имеют общие корни, хотя ислам ближе к иудаизму, нежели христианство. Более того, пророк Магомет не считал, что основывает новую религию, он утверждал, что иудеи и христиане отошли от древних традиций. Магомет же выступал в роли реставратора истинного учения. Для России православное христианство является более традиционной верой, нежели мусульманство, поэтому о нем будет сказано подробнее.

Традиции восточного православия корнями уходят в Византию. Император Константин сумел разглядеть в новой вере не просто очередную религию родом из беспокойной провинции, но тот самый «социальный клей», который сможет заменить собой устаревшие языческие верования. Духовный кризис первых столетий новой эры вынуждал людей обращаться восточному мистицизму. Подобная ситуация повторилась в Европе на рубеже XIX и XX веков. Именно в это время входят в моду различные спиритические сеансы, походы к гадалкам, распространяются различные синкретические течения, основанные на учениях Востока и собственных домыслах автора. Речь, разумеется, в первую очередь идет о Блаватской, основоположнице теософской школы. Мир в то время стоял на пороге очередной войны, в которую оказались втянуты многие государства. Через несколько лет разрушился колониальный строй, была свергнута

монархия в России. То есть, кризис общества всегда порождает собой кризис духовности, желание найти утешение в экзотических учениях и среди разнообразных «гуру». Аналогичная ситуация наблюдалась в России сразу после развала СССР. Рухнувшая информационная блокада порождала в людях любопытство и желание ознакомиться с тем, что ранее было недоступно. Примерно в то же время в стране стали появляться многочисленные секты, новые религиозные движения и, разумеется, возрождаться старые традиционные религии.

Христианство, как одна из наиболее влиятельных и, как было сказано выше, социально активных религий, в контексте глобализации имеет ряд перспектив развития. В самом деле, если христианство смогло бы побороть внутренние противоречия, то благодаря ему многие народы смогли бы гораздо лучше понять друг друга, чем сейчас. Под внутренними противоречиями имеется в виду наличие большого количества церквей, деноминаций и сект христианского толка, доктрины которых иногда прямо противоречат друг другу. В то же время протестанты – наиболее раздробленная на первый взгляд группа – способны относиться к чужим взглядам с уважением и даже строить храмы и проводить собрания групп, принадлежащих к разным деноминациям. Ортодоксальные христиане на их фоне выглядят суровыми и непримиримыми ригористами, уверенными в своей исключительной правоте, что часто исключает возможности мирного диалога.

Попытки объединить христианские народы с помощью веры предпринимались неоднократно и на Западе, и на Востоке, но все они были безуспешны или же не столь успешны, как того хотели замыслившие подобный план. Одной из причин провала объединения является тот факт, что не учитывается индивидуальность каждого народа, не учитываются его традиции и мнение отдельных представителей. Проще говоря, Папы Римские неоднократно пытались простереть свою власть на Восток, навязывая православным народам католицизм, упорно видя в них не таких же христиан, но схизматиков, которых непременно нужно обратить в свою веру.

Также стоит отметить, что терпимость и уважение чужих верований не тождественны слиянию их в одно, полнейшей интеграции. Для пояснения данного тезиса в качестве примера можно рассмотреть веру бахаи.

Теоретически, подобные религии подходят как нельзя лучше на роль государственной идеологии, истинно мировой религии, в перспективе. Но на практике, несмотря на заявляемое равноправие и боговдохновенность религий откровения, далеко не все верования включаются в эту систему. Не следует забывать об индуизме, который имеет не менее миллиарда последователей. И, что не менее важно, вера бахаи является «надстройкой» над иными религиями, примиряя

подчас непримиримое. С одной стороны, это позволяет сохранять национальную идентичность, с другой, это искусственное объединение, к тому же призывающая почитать дополнительно пророков этой религии. Не говоря уже о том, что мысль о равенстве людей и верований сама по себе не новая. В теории, бахаи подобна языку эсперанто, который, кстати, пользуется большим уважением среди последователей Бахаулы. То есть, эта вера, как и язык, должна объединить всех людей, поставив их в равные условия. Проще говоря, ни эсперанто, ни бахаи не являются родными языком и религией для подавляющего большинства людей. Одним из декларируемых преимуществ эсперанто называется тот факт, что в теории, однажды все люди будут разговаривать между собой на нем. Упускается из виду, что для немалого количества людей английский язык, де-факто являющийся сейчас международным, приходится родным. Причем, количество англоговорящих людей столь велико, что даже при смене политической ситуации в мире, он все равно будет одним из основных языков на Земле. Возможно, этот вопрос затрагивает область психологии, но мы позволим себе сделать вывод, что большей части этих людей не захочется учить эсперанто для международного общения. Как эсперанто, так и вера бахаи является в какой-то мере искусственной, неродной для подавляющего большинства жителей нашей планеты. Поэтому люди попросту не будут испытывать желания присоединиться к ней, тем более, не получая ничего принципиально нового. Нельзя недооценивать консерватизм большинства людей, которые с трудом принимают все новое и чаще всего уверены, что именно иностранцы должны перенимать их культуру.

В условиях современного ритма жизни и мировых интеграционных процессов все, что не подчиняется им, часто вынуждено уйти в историю, прекратить существовать. Поэтому, очевидно, религии должны прогрессивно изменяться, чтобы соответствовать современным реалиям. Причем, изменяться не на фундаментальном уровне, то есть, в случае христианства, заповедях, а на уровне обрядов и отношения к различным социальным явлениям. Долгое время Россия была меж двух миров: восточного и западного. Наша страна развивалась одновременно и обособленно, в рамках собственной культуры, не интегрируясь в католическую Европу, и в то же время в рамках мирового христианства. После реформ Петра Великого выбранный курс на европейскую модель развития позволяет называть русскую цивилизацию цивилизацией западного (европейского) типа.

Раньше Русская Православная Церковь имела монополию на христианство внутри России, сейчас ситуация изменилась. Развитие неортодоксального христианства в нашей стране достигло некой

критической точки, по достижении которой нельзя отмахиваться от его существования. Многонациональная, многокультурная Россия всегда будет полем для битв за человеческие души, и одерживать в них победу помогут только два фактора: повышение образованности и расширение кругозора и Русская Православная Церковь. То есть, антисектантская и просветительская деятельность РПЦ направлена на благо граждан с целью уберечь их от тлетворного влияния деструктивных организаций и для духовного объединения России вокруг исторически православной идеологии.

Литература

1. Казьмина О.Е. Конфессиональный состав населения России [Сайт] <http://cbook.ru/peoples/obzor/konfess1.shtml>.
2. Матецкая А. В. Религиоведение. Ростов-на-Дону, 2009.
3. Мурад А. Азиатская Европа. Москва, 2008.
4. Щипков А. С. Во что верит Россия. Религиозные процессы в пост-перестроечной России. Санкт-Петербург, 1998.

Толмачёва И.А.

Киевский национальный университет культуры и искусств,
аспирантка

НКО «Институт филантропии», директор
tolmira@ukr.net

Морально-воспитательный потенциал благотворительности

В статье рассмотрена благотворительность как фактор гуманизации общественных отношений; определён механизм воспитательной функции благотворительности; затронут вопрос противоречивого значения альтруизма, как личностного качества.

Ключевые слова и фразы: благотворительность; морально-воспитательный потенциал благотворительности; морально-воспитательная функция благотворительности; альтруизм.

Политические и социально-экономические трансформации в современном обществе обусловили изменения в системе ценностно-нормативных ориентаций, что проявляется на уровне фундаментальных социальных связей современного общества. В условиях аксиологического декаданса актуализируется значение воспитания гуманной и социально ответственной личности, а также разработка теоретико-методической базы воспитания путём благотворительности.

Вопрос морально-воспитательной функции благотворительной деятельности рассматривается в работах Н.А. Сейко, Е.А. Степановой, Р.В. Малыношевского и др. [5; 6; 3].

Особенностью исследования морально-воспитательной функции благотворительности является рассмотрение благотворительности исключительно в контексте её этической культуры. А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян отмечают, что специфика такого исследования заключается в ином свете проблематики благотворительности, а именно, проблематике общих моральных задач человека, путей его самопреодоления и самосовершенствования. Под благотворительностью, как нравственной задачей ученые понимают готовность поделиться, отдать и одновременно готовность освободиться из ограниченности собственного эгоизма [1].

Морально-воспитательный потенциал благотворительности реализуется с помощью переживания благодетелем определенных эмоций и чувств, таких как взаимопонимание, сострадание, ответственность, радость от участия в добром деле и т.п.

Основой взаимопонимания является способность человека прочувствовать и понять другого человека, а развитие этой способности и является предметом нравственного воспитания путём благотворительной деятельности. Уникальность эмоции взаимопонимания заключается в способности объединять членов социума. Появление этой эмоции между благодетелем и получателем благотворительной помощи может обусловить обмен знаниями, идеями, чувствами, настроениями. Такие взаимоотношения могут быть инструментом реальной человеческой близости и основой парадигмы духовно-эмоционального единения, инструментом преодоления коммуникативных препятствий, то есть инструментом достижения цели человечности [2, с. 139].

Взаимопонимание порождает сочувствие, сутью которого является способность человека прочувствовать, понять эмоциональное состояние другого человека, а также, готовность прийти на помощь (действенное сочувствие). Развитие этой способности также может быть предметом нравственного воспитания человека путём благотворительной деятельности.

Одновременно и фактором, и следствием благотворительной деятельности может быть чувство ответственности. Так, например, мотивом благотворительной деятельности может быть чувство ответственности за продолжение семейной традиции опеки определённым социальным учреждением, а одним из морально-воспитательных эффектов такой опеки может быть развитие этого чувства.

Нравственное самосовершенствование человека также может происходить благодаря переживанию благодетелем чувства радости

от участия в добром деле. Международная благотворительная организация «Charities Aid Foundation», исследовав в 2010 году культуру частного благотворительности более чем в 150 странах мира, пришла к выводу, что среди людей, которые занимаются благотворительностью, больше счастливых людей, чем богатых [4]. Это лишний раз свидетельствует о значимости благотворительной деятельности для самого благодетеля, о её способности гармонизировать духовный мир человека. По этому поводу Цицерон писал, что нет ничего более гармоничного с природой человека, чем благотворительность.

Нравственное самосовершенствование также может происходить благодаря переживанию благодетелем ситуации успеха, как следствия благотворительной деятельности. Такое переживание может стать источником сильных эмоциональных впечатлений и резко изменить стиль жизни человека в положительную сторону. Такая ситуация может стать точкой отсчёта для изменений во взаимоотношениях с окружающими, вызвать значительный толчок для личностного развития и сделать благотворительность неременной составляющей жизни человека.

Многочисленные переживания чувства радости и ситуации успеха вследствие благотворительной деятельности может повлечь высвобождение скрытых возможностей личности, преобразования и реализацию духовных сил.

Благотворительность, по силе морально-воспитательного потенциала, можно сравнить с музыкой, ведь те переживания, которые может породить благотворительная деятельность, равно как и переживания, которые вызывает музыка, способны влиять на душу человека и достигать того глубинного, что называется настоящим.

Общеизвестным фактом является способность музыки активизировать процессы самовосстановления и самоисцеления человека. В свете вышеприведённого сравнения можно сделать предположение, что эмоции, которые возникают в результате благотворительной деятельности, могут иметь подобный потенциал. В свете вышеназванного актуальными становятся исследования благотворительности как фактора реабилитации человека.

Исследуя «анатомию» морально-воспитательного потенциала благотворительности, считаем нужным обратить внимание на тот факт, что морально-воспитательное воздействие благотворительности может распространяться не только на благодетеля, но и на получателя благотворительной помощи, т.к. он может самосовершенствоваться путём преодоления гордыни и принятия дара от благотворителя, а также путём переживания чувства благодарности своему благодетелю.

Морально-воспитательный потенциал благотворительности может даже выходить за рамки отношений «благотворитель-получатель

благотворительной помощи» и распространяться на третьих лиц. Речь идёт о том, что в результате знакомства человека с опытом благотворительной деятельности другого человека могут формироваться идеалы человека, образ героя, пример для подражания, определённые ориентиры, установки на положительный стиль жизни.

Способность благотворительности создавать образцы для подражания делает крайне актуальными исследования по истории благотворительности и популяризацию деятельности отечественных благотворителей, в том числе и современных.

Рассмотрение эмоций в контексте морально-воспитательного воздействия благотворительной деятельности требует обращения внимания к такой их характеристике, как положительный и отрицательный знак. В контексте православной благотворительности знак эмоций является отрицательным. Дело в том, что православная благотворительность, так же, как и православье, пронизано идеей мученичества. Православная церковь поощряла благодеяния, предусматривающие сопереживание нуждающимся и больным. Согласно её учению, не стоило бояться контактировать с больными и брезговать их гнойными ранами, а в лице страждущего нужно было видеть самого Христа.

В отличие от православной благотворительности, филантропия (рациональная благотворительность) предусматривает реализацию морально-воспитательного потенциала через положительные эмоции, такие как радость от участия в добром деле.

В статье Р.В. Малыношевского «Феномен альтруизма в социально-педагогическом дискурсе» рассматриваются вопросы противоречивого значения альтруизма, как личностного качества. Исследователь делает вывод, что в силу жертвенности альтруизма, дихотомический ряд «альтруизм – гуманизм» является не правомерным [3, с. 178].

Существование жертвенной благотворительности, т.е. альтруизма и рациональной благотворительности, т.е. филантропии, актуализирует вопрос о соотношении этих видов благотворительности, как предметов воспитательного процесса.

Итак, исследование «анатомии» воспитательного процесса путём благотворительности дало нам возможность сформулировать правило нравственного воспитания путём благотворительности: морально-воспитательные эффекты благотворительной деятельности достигаются посредством как контактных, так и бесконтактных форм благотворительной деятельности с помощью переживания благодетелем или получателем благотворительной помощи, или третьим лицом определённых, желательно положительных, эмоций и чувств.

Таким образом, благотворительная деятельность обогащает духовную жизнь человека, формирует положительные жизненные установки и способствует гармонизации отношений между человеком и миром. Благотворительность – это огромный ресурс позитивных общественных изменений, которые тесно связаны с самодеятельной инициативой граждан, реализацией их творческого потенциала.

Литература

1. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М.: Гардарики, 1998. 472 с.
2. Каримский А.М. Проблема гуманизма в современной американской философии М.: «МГУ», 1978. 204 с.
3. Малиношевський Р.В. Феномен альтруїзму у соціально-педагогічному дискурсі // Теоретико-методичні проблеми проблеми виховання дітей та учнівської молоді: зб. наук. пр. К. 2012. Вип. 16, кн. 1. С. 173-180.
4. Сайт Charities Aid Foundation [on line] Метод доступа: <http://www.cafonline.org>
5. Сейко Н. А. Суб'єкт-об'єктні характеристики доброчинності як чинника соціалізації особистості (XIX – початок XX ст // Вісник Житомирського державного університету: зб. наук. пр. Житомир. 2009. – № 44. – С. 59-63.
6. Степанова Е.А. Благотворительность в сфере культуры: организационный и педагогический аспекты: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.05 / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. Санкт-Петербург, 2006. 20 с.

MORAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF CHARITY

Tolmacheva Irina Anatol'evna

Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine

Director of NGO «Institute of Philanthropy», Ukraine

tolmira@ukr.net

The article describes the charity as a factor in the humanization of social relations; determine the mechanism educational function of charity; raised the issue of conflicting values of altruism, as personal qualities.

Key words and phrases: charity, moral and educational potential of philanthropy, moral and educational function of charity, altruism.

Чиликина Н.А.

*старший преподаватель кафедры современной хореографии
факультета хореографического искусства
Харьковской государственной академии культуры
г. Харьков, Украина*

Мова тіла у творчих пошуках хореографів сучасності

Хореографія – динамічна система, яка у художній формі адаптує мову людського тіла для розпізнання вартісності та вагомості тих життєвих проявів, що можуть бути використані для покращання в майбутньому. В цілому дослідження мови людського тіла піднімає деякі багатообіцяючі питання для загального пізнання людини.

Дослідження художньої форми танцю приводять до думки, що танець є насамперед надзвичайно витонченою формою передачі людської думки та засобом комунікації, бо фактично ми маємо справу з «мислячим тілом». Невербальні висловлювання за допомогою тіла виявляють змішування інтелекту, фізичної дії та емоцій, які хореограф і виконавці демонструють у процесі створення танцю. Фактично вони обробляють ті рухи, що використовуються в нашому повсякденному житті, але не в такому пластично розвинутому або концентрованому вигляді.

Невідповідність систем тілесної виразності вербальним системам та багатозначність символіки рухів, які передають живий досвід поза мовними засобами висловлення роблять цю проблему ключовою у теорії танцю, педагогіці та сценічній практиці. У останньому сенсі вона розуміє виражальність тіла як культурну субстанцію у когнітивній системі розпізнавання танцювальних рухів, залежній від точки зору спостерігача.

Аналітична система, яка пропонується для розпізнавання танцювальних рухів у сучасних хореографічних композиціях, живиться теорією Р. Лабана про рух тіла у просторі (хоревтика) та сприяє більш широкому розумінню танцю як культурного феномену. Дане дослідження засноване на досвіді науковців Центру Лабана (Велика Британія), які небезпідставно виокремлюють у своїх дослідженнях проблему тіла (body) – джерела знакових кодів.

Запропонований шлях веде дослідників до перегляду звичайного поняття body як природної форми на користь body – культурної субстанції, яка розпізнається у соціальному та комунікативному значеннях. Просуваючись від практики до теорії, аналітики танцю користуються «формальною» методологією та розглядають візуальні, ритмічні та жестові форми body суто в текстуальному розумінні.

Для уточнення дефініцій істотно, що у німецькій мові існує два різних терміни, характеризуючих тіло: Körper – тулуб (себто

означення структури тіла) та Leib як тіло з почуттями та емоціями. Динамічне протиставлення зовнішнього погляду на тіло (Körper) та тіла життєдіяльного (Leib), яке розглядається з середини, є однією з фундаментальних ідей теорії сучасного танцю.

«Embodiment – процес, у якому ідеї одержують речовинну форму (corporeality)», - стверджують автори праці «Dance and the performative» А. Санчес – Колберг та В. Престон – Данлоп [5, 7]. І це, природно, передбачає суміщення конкретних ідей з конкретним рухом та з виконанням цього руху.

Embodiment утягує всіх учасників постановки у багаторівневий процес матеріалізації, яка проявляється в усіх засобах виразності, властивих для специфіки даного видовища. В даному випадку утілення має розширене тлумачення і виходить за межі фізичних характеристик руху, які хореограф пропонує виконавцям. Особистісні якості останніх та їх художній досвід теж додають імпульси у матеріалізацію рухів. Тобто Leib має істотну перевагу над Körper.

Ідея речовинності була визначальною у німецькій школі виразного танцю, започаткованою Р. Лабаном та М. Вігман. Остання наполягала, що у театрі танцю наголос зміщується на слово «театр». Тобто танець не є головним засобом виразності, бо використовується у сукупності з іншими чинниками сценічної дії. У театрі танцю концептуальність впливає на фізичну (physical) форму і водночас на емоційні чинники виразності. Саме фізичність (corporeality) передбачає використання широкого спектру знакових систем, тобто театральної семіотики. Сюди ж відносяться мовні засоби різновиду авангардного мистецтва ХХ століття – німецького виразного, або експресивного танцю. Вислов «танець як мова» («dance as a language»), яким користувались такі його теоретики і практики як Р.Лабан, М.Вігман, К. Йосс, на думку британських дослідників, «не повинна сприйматися як методологічна настанова. Її слід розуміти як чисту метафору, яка відбиває здібність танцю відобразити те, що неможливо висловити вербальними засобами» [5, 10].

Одне з фундаментальних понять сучасного танцю – дієвість людського тіла «тут і зараз». Інакше кажучи, танець розглядається не як мистецький твір, а як подія, до якої залучається людина (курсив мій – Н.Ч.). У працях Лабана є різні засоби вирішення цього наріжного питання: від «Song to the Sun (Піснь сонцю)» у 1917 р. з перевагою фізичного аспекту до «Gaukelei (Гаукеляй)» 1923 р., де переважає соціальний аспект тіл, залучених у соціокультурний простір [5, 10].

У залежності від призначення або спрямованості танцю (від форми комунікації до виду мистецтва) у хореології розглядаються його семіотичні та феноменологічні якості. Йдеться також про відміни танцювальних форм у межах культур та субкультур. Хореологія допомагає розпізнавати коди, правила та норми у межах стилю,

виявляє навмисні та ненавмисні деталі у реалістичних композиціях та прихований смисл у абстрактних, споріднює символіку заданого хореографічного тексту з особливостями, які додають виконавці з одного боку, а з іншого розпізнають у танці глядачі з огляду на власні знання та чекання.

При розгляді форми руху як мистецтва теорія танцю має розгалужувати його естетичний та повсякденний аспекти. Сьогодні декотрі хореографи використовують повсякденні рухи як мистецтво, в той час як інші оперують ними у межах певної структури. Нарешті треті вносять повсякденні рухи в усталені словники танцю. Танцівник при цьому розглядається не як *фізичне тіло, а як індивідуальність, здібна впливати на форму та матеріал танцю* (курсив мій – Н.Ч.).

Йдеться про розгляд людського тіла як з точки зору речовинності, так і в духовному або соціальному аспекті. Предметом аналізу можуть бути його індивідуальна та соціальна природа, емоційність та сексуальність, біологічний та фізіологічний аспекти існування, ритмічно-просторові та суто механічні характеристики руху. Всі вони можуть взаємодіяти (часом у несумісних проявах) в театрі танцю, або фізичному театрі, які віддають перевагу саме речовинності або матеріальності.

Для аналізу сучасного танцю з його багаторівневою структурою та складною побудовою мізансцен потрібна більш об'ємна картина, яку можна одержати тільки за допомогою феноменологічних методів аналізу та семіотики як науки про знакові системи. Таким чином, фізичне тіло є джерелом та інструментом створення певних знакових структур, здатних з успіхом замінити у деяких випадках традиційні художньо – образні узагальнення.

Прихильники концептуального танцю відмовляються від нарративності та здійснюють варіації в межах певної композиційної структури. Створення абстрактних образів відбувається як за допомогою винахідливих прийомів танцю і екстраординарних елементів оформлення (костюми, спецефекти), так і за рахунок впливу на сприйняття глядачів без зовнішніх подразників. Скороминущі зміни малюнку танцю, загострення пластичних форм руху здібні викликати відповідний перцептивний відгук та естетичне задоволення, аналогічне спогляданню творів живопису.

Ідея не обов'язково є нарративною, тобто традиційно пов'язаною з оповідальністю. Креативні ідеї мають, насамперед, культурологічну новизну та жанрову природу. Концептуальні ідеї взагалі не нарративні. У теорії танцю зв'язки між ідеями, засобами та відношеннями простежуються як у вербальній, так й у візуальній практиці. Осягнення того, як ці зв'язки використовуються у студії, як відбувається процес їх утілення, які інтенції (навмисності) та

враження вони викликають та які інтерпретації пропонують, є частиною хореологічної практики.

Система кодів у танцювальній практиці того чи іншого митця або жанрового напрямку – це усталені та закріплені засоби робити щось відповідно. Тобто коди є принциповою системою, застосування якої полегшує культурний обмін та взаємодію у мистецьких процесах: від репетицій до показу вистав.

«Всі види мистецтва оперують кодами, – наполягають фахівці Лабанівського центру, проте у авангардних творах свідоме порушення традиційних кодів є звичайним явищем. Балет схильний до усталених кодів академічного танцю, а у вільному (модерному) танці нові коди створює кожен непересічний хореограф. На відміну від правил, норми зазвичай не зафіксовані на папері, хоча вони теж регулюють прийнятну поведінку у певному значенні та типових обставинах. З виникненням танцювального авангарду (приблизно 1916 р.) танець як естетична категорія поступився місцем танцю як події. Тож необхідно враховувати зміну у використанні цих понять та їх безпосередній зв'язок» [5, 45].

Зв'язок між процесом та продуктом є відображенням стратегій та контекстів виконання, що включаються у просторові та часові межі. Раніше такий погляд не викликав проблем, бо стратегії мали оповідальний характер, а контексти не суперечили змістові. І сьогодні балет та драма мають традиційну аристотелівську структуру, яка складається зі вступу, експозиції, розвитку подій, конфліктів, кульмінації та розв'язки. На відміну від цього, прихильники постмодерного танцю додержуються принципу накладення вражень, порушують традиційні контексти, а також визнають випадковість легітимним чинником розвитку дії.

Тому можна погодитись із дансологом О.Чепаловим, який бачить можливість виявлення емоційного змісту хореографічного твору, тобто висловлення ідей, думок, концепцій балетмейстерів та виконавців тільки за умов певного когнітивного сприйняття глядацької аудиторії. Цей процес набув особливої інтенсивності у ХХ ст., коли хореографічне мистецтво, зокрема балет, з «мистецтва красивих поз» (яким він був у попередню епоху, за визначенням Т. Готьє), перетворюється на експресивне видовище, що певною мірою відбиває картину навколишнього світу та емоційний світ сучасної людини: «важливо не те, як люди рухаються, а та рушійна сила, котра ними керує» (Піна Бауш) [3, 126].

Хореографи – новатори порушують принципи наслідування певним кодам. Це можуть бути як окремі новітні деталі, так і більш принципове руйнування традицій. Кінець кінцем руйнація теж стає нормою. Нові коди додаються до існуючих. Прикладом можуть бути особистісні, експресивні коди Марти Грем, яка змінила кодифікаційні

принципи попередників. Згодом її послідовник Мерс Кенінгем, у свою чергу, порушив низку усталених ланок естетики М. Грем. Послідовність та стабільність кодів Кенінгема призвела до їх стабілізації, котру порушили постмодерністи. Останні висувають питання щодо зв'язків між танцем і реальністю, ототожнюючи танцювальні коди з реаліями повсякденного життя. Такі складні, суперечливі взаємовідносини є предметом розгляду тіла як виразника певних соціокультурних та історичних зрушень.

Приміром, модерн-танець початку ХХ ст. був альтернативою класичному балетові ХІХ ст. та вирізнявся від нього розкутістю суто пластичних засобів виразності (звідси походить визначення «вільний танець»).

Відомий дослідник В. Гаєвський бачить характерні риси танцю модерн та його побудову «на основі концентрації – деконцентрації, демонстративний показ зусиль танцівників та зворотну крайність – граничне розслаблення (чого теж не припускає балет академічний)». За слушною думкою Гаєвського, «техніка концентрації та деконцентрації відповідає змінам нашої уяви про гармонію, драматизує танцювальну мову та надає пластиці виразність напружених духовних шукань» [1, 332]. У зовнішній техніці танцю модерн можна спостерігати навмисне звалювання центру тяжіння та злам стрункої вертикалі положення хребта, характерного для техніки класичного танцю.

Друга половина ХХ ст. продемонструвала певну міру вичерпаності стилістичних прийомів модерного танцю, пов'язану із бурхливим розвитком рок-музики та виникненням нової танцювальної лексики, що відбивала тенденції молодіжної субкультури.

Шляхом імпровізації та спонтанних експериментів виконавці contemporary dance включають до своїх композицій ігри, побутові рухи, дії, що демонструють власну незграбність тощо. Поняття танцю у традиційному розумінні в таких видовищах підлягають перегляду. Виконавці виходять з того, що думки не повинні заважати рухові, тож їх виступи часто не мають логічної побудови та композиції у звичайному розумінні. Тому когнітивний аналіз лексики подібних опусів є одним із найскладніших предметів мистецтвознавчих та культурологічних досліджень.

Відомо багато випадків, коли балетмейстери (М. Грем, М. Кеннінгем, Х. Лімон, М. Морріс, П. Бауш) виконували власні хореографічні опуси або обирали варіанти розвитку дії та рухи, запропоновані виконавцями під час репетиційного процесу. Отже, хореограф може бути пасивним свідком створення хореографії у процесі імпровізації, коли починає працювати винайдена ним знакова система. У певний момент часу хореограф має глянути на процес

ззовні, тобто виконати роль аудиторії. Таким чином, триада «хореограф –виконавець – аудиторія» замикається.

Підтвердження цієї думки можна знайти у кандидатській дисертації психолога О. Семак «Особистісні кореляти успішності інтерпретації хореографічного тексту» (Київ, 2002), яку було виконано на основі соціолого – психологічних досліджень. Авторка визнає недостатньо вивченими експресивні форми вияву поведінки людини та феноменологію невербальної, паралінгвістичної й екстралінгвістичної поведінки. Вона розглядає хореографічне мистецтво (танець зокрема) як «особливу форму виразного (естетичного) засобу кодування й трансляції художнього образу» [2, 8]. При цьому хореографічний текст сприймається як особливий соціокультурний феномен (форма суспільної свідомості) і специфічний канал трансляції повідомлення (художнього образу дійсності) засобами пластики (виразних рухів).

О. Семак приходять до цілком слушного висновку, що «процес розуміння й інтерпретації хореографічного сюжету здійснюється відносно усталеною сукупністю взаємопов'язаних загальних і спеціальних властивостей, які у своїй єдності утворюють основу успішності інтерпретації експресивної поведінки людини загалом, естетично оформленої (танець) зокрема» [2, 16].

Прихильники концептуального танцю здійснюють варіації в межах певної композиційної структури. Йдеться про так званий «абстрактний» танець, представниками якого, наприклад, були О. Шлеммер (Німеччина), А. Ніколас та Л. Чайлдз (США). Створення абстрактних образів відбувається як за допомогою винахідливих прийомів танцю й екстраординарних елементів оформлення (костюми, спецефекти), так і за рахунок впливу на сприйняття глядачів без зовнішніх подразників. Останнім пропонуються скороминущі зміни малюнку танцю, загострення пластичних форм руху, здібні викликати відповідний перцептивний відгук та естетичне задоволення, аналогічне спогляданню творів живопису.

Відомі особистості у сучасному світі танцю пропонують власну хореографічну методику, творчий процес та прийоми його реалізації. Такими були хореографи із особистісним підходом до танцю: Дж. Баланчи, М. Грем, М. Кеннінгхем, П. Бауш, а зараз У. Форсайт. Кожен з них певним чином оцінив танцювальну культуру свого часу та утілював у творчості відповідну реакцію, що своєю чергою вплинуло на сучасне мистецтво.

А. Санчес – Колберг та В. Престон – Данлоп наводять приклад особливої взаємодії між процесом та продуктом у постмодерністському танці, яку представляє хореограф з Великої Британії Лі Андерсен (нар. 1959). У композиції «Smithereens (Осколки)» вона «зібрала численну кількість візуальних зображень

Веймарської республіки 1920-х років, котрі склали за допомогою постмодерністського прийому «розріж та склей». Такий само візуальний колаж був покладений в основу танцю, що виконувала її трупа. Андерсон надавала глядачам можливість слідкувати за переодяганнями артистів під час вистави, не опускаючи завісу до рівня сцени, а залишаючи її на висоті колін виконавців» [5, 21]. Даний процес ставав, таким чином, частиною виконуваного продукту. Л. Андерсон переосмислювала звичайний розподіл між процесом та продуктом, хоча у композиції «Smithereens» був використаний і традиційний баланс цих понять, який мав певне забарвлення завдяки індивідуальності стилю хореографа.

Досвіди антимистецтва («Дада» режисера та літератора Х. Болла і танцівниці Е. Хеннінгс у цюрихському «Cabaret Voltaire» (1916)), Свята танцю Р. Лабана у Німеччині (1917), так звана Дзадсонівська революція на початку 1960-х років у США, низка вистав Піни Бауш і представника американського театрального авангарду Роберта Уїлсона докорінно змінили уяву щодо процесу та продукту у танцювальному мистецтві. Зараз вони означають неоднакові поняття у різні моменти постановки та виконання танцю.

Серед найбільш характерних явищ сучасної хореографії виокремлюється контактна імпровізація Стива Пекстона, де «продукт», тобто імпровізований танець, існує тільки у момент виконання. У композиції Івони Рейнер застосовуються суб'єктивні елементи фізичних характеристик та особливостей виконавців. Таким чином, підтверджується, що у когнітивній оцінці хореографічного твору неможливо використати поняття єдиної, тобто «справжньої» його версії.

Митці та вчені у галузі танцю постійно шукають слова, адекватні до передачі танцювального досвіду і здебільшого здійснюють це завдання у художній формі. Дуже важко описати той момент, коли тіло, не уважне до іншої волі і обмежень, отримує власну неперевершену силу. Так само дуже складно знайти точну метафору, що висвітлює творчий процес в танці або народження хореографічних ідей.

Творчі процеси у митців та учених багато в чому співпадають. Тільки у танці формальна структуризація хореографічного тексту сформована або збільшена естетичними чинниками. Це – різновид цілого, яке грає істотну роль в комунікації значень.

Форма танцю знаходиться в стосунках між частинами і цілим, а також шляхами, в яких вони конструюються у межах декількох градацій часу. Танцювальні акції з музикою демонструють невербальні ідеї, які витікають з сутності композиції. Нерухомість змушує нас помітити, що повільний поворот голови подібний до безмовної паузи, яка підкреслює музичну фразу. Ці прості і складні

значення відповідають тому, що підказує наш досвід і тому з ним пов'язуються чи вступають у протиріччя.

Австралійський дослідник танцю пише: «жест, має він лінгвістичне значення або ні, – сприймається саме так завдяки його формі, тобто є він вільним або великим, нервовим чи щільним, швидким або неквапливим». Ланге називає ці контрасти «зображенням динамічного життя» і вважає, що елітарні композитори або хореографи – майстри тільки таких форм і зображень. Тобто, підсумовує вона, «пошук значення частіше є очевидним, коли правильну форму знайдено»[4, 171].

Інші автори, які вивчають це питання, підкреслюють незалежність кожного втіленого у танці досвіду, коли до руху залучаються такі представницькі системи як, наприклад, автобіографічна пам'ять і семантичне знання. Симптоми цієї своєрідної мови включають часто семантичну нестійкість і свідому недоступність багатьох процесів, що лежать в основі складних рухових взаємин (концептуальних, виконавських та когнітивних). Звичайно, деякі вербальні описи танцю можуть бути більш або менш ефективними, але ця здатність говорити про танець – повністю протилежна навичкам більш втаємниченої перцепції результату постановки та виконання танцю, тобто складного процесу прийому і перетворення сенсорної інформації, що формує цілісний образ об'єкту через аналізатори.

Такі активізуючі свідомість форми потребують повторення, практики і навичок – таких, що ми вживаємо у звичайному житті. Їх різні прочитання фіксуються візуально та вербально, враховуючи багаті ресурси складної процедурної пам'яті. Вони фіксують не тільки звичайні психологічні деталі, що виникають в процесі репетиції або вистави, а й процеси фрустрації, коли той чи інший виконавець не в змозі виконати замислене. Це спричиняється, звичайно, тим, що в танці, як у спорті, тобто у рухових процесах встановленого порядку, обдумування руху може спричинити проблему його чіткого виконання. Хоча початковий розвиток навички, можливо, вимагає важких зусиль та свідомого контролю, але коли набір певних рухів освоєний повністю, пам'ять фіксує ці навички у м'язах. Проте ця раптова амнезія вірогідна за будь-яких умов і часто супроводжує навіть вищі рівні кваліфікованого виконання. Вона може бути частково викликана під тиском психологічних обставин або інших форм деструкції уваги, а потім зміцнюватися внаслідок надмірних зусиль або відновлення навичок. Це подолання труднощів досвідченими танцівниками відбувається як у межах звичайних процесів репетиції, так і в будь-яких психологічних мотиваціях індивідуального тренування тіла.

Існує прямий зв'язок між концептуальним і явним знанням, з одного боку, і витривалим, мудрим «тілесним знанням» з іншого. «Висловлювання» тіла як виконання послідовності рухів, демонструє, що явні, свідомі й процедурно втілені форми роздуму і почуття здатні на глибокі узагальнення - філософські або політичні ідеї, побажання, натяки і галюцінаторні марення, пам'ять індивідуума та складні за розпізнанням душевні стани. До цього ж можна віднести настрої, скеровані для оцінки комплексу культурних ситуацій та інші пізнавальні процеси, що (різною мірою) є менш виражальними і доступними, ніж власне рух. Природа цих когнітивних дешифрувань залежить насамперед від контексту виконання. Багатство і гнучкість, з якими кінестетична пам'ять відтворює специфічні цілі танцю, пропонують унікальні можливості відстежувати перетворення цих зразків від задуму до виконання.

Документовані використання записів і відео в еволюції цих танцювальних робіт демонструють, що процес передачі, гри і вибору елементів через ансамблеву творчість не відбувається виключно в індивідуальних межах хореографа й танцівників. Специфічні рухи «можуть повторюватись в інших послідовностях, відображаючись через призму тілесності, і відкидатись або повторно формуватись, аби потім бути доступними через зроблений технологічний запис. Це тільки найочевидніші висновки творчого процесу в поширенні можливостей танцювальних робіт через аналіз тілесної виразності» [4, 53].

Багато подібних питань досліджуються в сучасних теоріях «розумного тіла». Цей творчий потенціал і свідомість запозичені з інвестиційних праць філософів, «нових гуманістів», які прагнуть зрозуміти наш світ через шляхи, ще не відомі, або такі, що переосмислюють попередній філософський досвід. Таким чином, історія людства не спрощується до біологічного або фізичного принципів, а збагачується за допомогою мистецтва, літератури, політики та інших гуманітарних наук, відтворюючи історичний перебіг подій якомога повніше.

Література

1. Гаевский В. М. Дивертисмент / В.М. Гаевский. – М.: Искусство, 1981. – 383 с.
2. Семак О.О. Особистісні кореляти успішності інтерпретації хореографічного тексту: Автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.07 / О.О. Семак; Ін-т психології ім. Г.С.Костюка АПН України. – К., 2002. – 21 с.
3. Чепалов О.І. Когнітивні аспекти хореографічної лексики / О.І. Чепалов // Культура України. Зб. наукових праць. Харківська державна Академія культури. – Х. – 2004. – Вип. 14. Мистецтвознавство. – С. 109–115

4. Grove Robin. Thinking in four dimensions: creativity and cognition in contemporary dance / Robin Grove. – Melbourne University Publishing, 2005. – 220 p.

5. Preston-Danlop Valerie, Sanchez-Colberg Ana. Dance and the performative. A choreological perspective – Laban and beyond. – Verve publishing: London, 2002. – 200 p.

Опарин А.Ю.

*старший преподаватель кафедры философии и истории
Белорусского государственного аграрного технического
университета
г. Минск, Беларусь*

Фукольдиданский концепт биополитики

Как известно, французский философ Мишель Фуко начал свой творческий путь с исследования структур знания и основополагающих принципов социального нормирования людей, обращая внимание, прежде всего, на «принципы исключения» их из социального пространства. Затем, на рубеже 1970-80-х годов он обратился к проблеме социального управления в либеральных условиях, которую стал рассматривать, в том числе, в контексте своей оригинальной концепции биополитики. При этом в центре его внимания на первых порах оказались специфические практики «заботы» государства о своих гражданах, обнаруживающего в них естественный источник своего благополучия. Чуть позже в рамках своих биополитических исследований Фуко – а это представляется вполне естественным в плане его теоретической эволюции – дополнительно обратился к вопросу индивидуальной «заботы о себе». Здесь его уже интересовало то, как сами индивиды, превратившись в «экспертов самих себя», могут начать практиковать культурное и просвещенное отношение к своему телу, своему сознанию, своему поведению (в том числе политическому), а также телам, сознаниям и поведению членов своей семьи, своих товарищей, коллег по работе и т.д.

Эти его установки в последующем подхватили как непосредственные его ученики и товарищи, так и люди, в сущности, далёкие от Фуко. Они совместно и породили современный феномен «фукольдиданства» как условного обозначения его школы или, если хотите, «диаспоры». Причём «диаспора» представляется даже более удачным названием для обозначения явных и неявных последователей этого французского мыслителя с учётом географии их

распространения и того, что в современной философской практике – как левой, так и правой – зримо присутствует непреодолимое желание «использовать» философские достижения Фуко (в том смысле «использования», которое противостоит «интерпретации»; через *привнесение* смысла, а не *нахождение* его) в своих теоретических целях.

Важно отметить, что понятие «биополитика» Фуко не «изобретал», а, судя по всему, заимствовал, причём у иной традиции, стоявшей на натуралистических позициях и видевшей в человеке преимущественно биологическое существо. За появившимся в 1910-х годах концептом биополитики первоначально скрывалось не что иное, как *«озабоченность по поводу вырождения, свойства населения и вопроса о том, кто и как управляет»* [6, с. 77]. В этом смысле биополитика в тот период была полностью вписана в социал-дарвинистскую парадигму, будучи, так сказать, инструментальным её составляющим. Более того, она оказывалась ещё и синонимична «евгенике», в квазинаучной прагматике которой в 1-й половине XX века озвученная выше «озабоченность» нашла своё полнейшее выражение.

После некоторого периода забвения новое понимание биополитики предложил в 1964 году американский политолог Линтон Колдуэлл, когда в статье «Биополитика: наука, этика и социальная политика» попробовал представить её как *«полезное клише, обозначающее политические усилия, направленные на приведение социальных, особенно этических, ценностей в соответствие с фактами биологии»* [5, с. 36]. В рамках этой программы в дальнейшем и стали формироваться многие современные биополитические теории, рассматривающие биополитику в качестве междисциплинарного поля исследований, в пределах которого происходит поиск способов приложения подходов, теорий и методов биологических наук к социально-политической проблематике [5, с. 7].

Однако противники биологизаторских подходов к интерпретации биополитики немедленно обнаружили за этим «унылый материализм», который со времён Фейербаха так часто свойственен естественнонаучным концепциям. Уместно тут вспомнить Карла Маркса, который в 1846 г. упрекнул этого своего отнюдь не ординарного философского предшественника, что *«у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только природными узами»* [3, с. 3].

Современный итальянский левый теоретик Антонио Негри в этом контексте заметил – имея в виду, в том числе, и некоторые поспешные интерпретации Фуко – что *«в усмотрении в сердцевине биополитики своего рода позитивистского витализма»* таится чрезвычайная

опасность и что это *«поддерживается и питается чрезвычайной неясностью, которую мы сохраняем за самим словом «жизнь»*. В этом случае, по мнению Негри, *«под покровом биополитической рефлексии мы на самом деле сползаем к биологическому и натуралистическому пониманию жизни, которое устраняет весь её политический потенциал»* [4].

Эта суждение представляется более чем справедливым, как и то более широкое утверждение, что такой подход устраняет уникальность, а также – с другой стороны – многообразность человеческого бытия. Социальная жизнь человека вряд ли может быть сведена только к его биологическому статусу, хотя последний и выступает в качестве необходимого условия для всех прочих его жизненных проявлений. Такое понимание биополитики, скорее, снова сводит её к одной из современных форм социал-дарвинизма – социобиологии – представители которой ещё в середине 1970-х выступили с многообещающей программой, предполагавшей исчерпывающее рассмотрение человека и общества сквозь призму новейших достижений биологии и связанных с ней дисциплин. Так они собирались отнестись даже к вопросам, которые до этого были в ведении исключительно социо-гуманитарных наук – проблемам морали, свободы, исторического детерминизма, рациональности и культуры.

Кроме того, такое «узкое» понимание феномена биополитики, на наш взгляд, противоречит содержанию самого понятия «биополитика». На этот важнейший теоретический момент в своё время обратил внимание Джордж Агамбен, который утверждал, что в исходном своём понимании термин *bios* – *это жизнь общественная*, присущая исключительно социально и политически активным людям. Этой общественной жизни предстоит и противостоит *zoē* – *жизнь биологическая* как характеристика всех «живых» существ, будь то животные или люди. При этом в классическом античном мире, как утверждает Агамбен, *zoé* была исключена из сферы *pólis*, социально-экономической и политической жизни общества, и ограничена – в силу своей чисто репродуктивной функции – сферой частного домашнего хозяйства, *oikos*. А, по мнению итальянского философа, именно это различие и явилось отправным моментом в конструировании Фуко новой биополитической теории [1, с. 7-9].

Собственно, о таком принципиально ином понимании биополитики и заявил в своё время французский философ. Он первым стал постулировать активную роль политики с точки зрения её возможностей воздействовать на общество через влияние на «биологическое начало» человека и/или различные формы его взаимодействия с окружающим «живым». Фуко писал, что *«то, что можно назвать «порогом биологической современности» общества,*

располагается в том месте, где [человеческий] вид входит в качестве ставки в свои политические стратегии. На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос...» [7, с. 242].

Начало формирования новой биополитической ситуации в жизни Европы Фуко обнаруживал в тот период, когда пришло осознание того, что подлинным богатством государств являются вовсе не территории, а люди, эти территории населяющие, иначе – «население». Это произошло на рубеже XVIII-XIX вв., когда стал формироваться образ новой государственной политики, которая должна была способствовать росту государства «изнутри», с чем неразрывно был связан, в том числе, и рост благосостояния его граждан как уникального источника государственных доходов и его оборонительного ресурса. Это означало превращение прежнего «государства территории» в «государство населения», что предполагало, в том числе, формирование принципиально иного отношения к человеческой жизни. Жизнь людей и их здоровье неумолимо стали обретать всё большее значение как предмет внимания суверенной власти или, иначе – как «государственный интерес». В итоге старое суверенное право власти с её прежним обыкновением прибегать к силовым мерам устрашения и воздействия, которое, по Фуко, звучало как «*позволить жить* или *заставить умереть*», модифицировалось в прямо противоположное – «*заставить жить* или *позволить умереть*» [9, с. 256-268].

Особняком, правда, у Фуко стоит смертная казнь как высшая мера наказания, в рамках которой суверенная власть продолжает «заставлять» умирать. Однако формула здесь тоже уже иная – «заставить жить или *отвергнуть* в смерть» – как и обстоятельства: смертную казнь удаётся сохранить «*лишь за счёт апелляции к чудовищности преступника, его несправимости и к задаче охраны общества... На законном основании теперь убивают [лишь] тех, кто представляет для других своего рода биологическую опасность*» [7, с. 248].

При этом «новому государственному интересу» должен был отвечать и новый набор политических инструментов, получивший название «полицейский», понимание функционального значения которой – а это требует уточнения – в трудах, скажем, немецких мыслителей XIX в., занимавшихся теорией государства и права, было намного шире, чем сейчас. «Наука Полиции» (нем. *Polizeiwissenschaft*) была призвана не только помогать в управлении населением, но и решать социальные задачи, например, в части повышения образованности, заботы о

здравоохранении, обеспечения трудовой занятости, не упуская, при этом, разумеется, из вида ни ту пользу, ни тот вред, который могут принести обществу отдельные индивиды [8, с. 311-317].

Любопытным, в этой связи, представляется вышедший в Германии ещё в начале 1830-х годов труд Роберта фон Моля «Наука полиции по началам юридического государства». В ней Моль в сферу деятельности полиции поместил исключительно оказание государством социальной помощи. В его понимании это звучало как устранение «государственной силой» не связанных с правонарушениями (последние он, в свою очередь, отдал на откуп юстиции) препятствий для развития «человеческих сил» и способностей – препятствий, которые собственными силами отдельного лица или группы лиц не могут быть устранены. Моль, при этом, последовательно рассмотрел все эти препятствия и роль «полиции» в их преодолении, от противодействия наследственным и заразным болезням вплоть до помощи государства при «затруднительном удовлетворении необходимейших жизненных потребностей» [3].

Однако это ещё означало, что к классическим государственным «аппаратам власти» надо было добавить ещё и «аппараты безопасности». Их конструирование было начато тотальной медикализацией населения, иначе – проникновением медицины во все сферы его жизнедеятельности с последующим включением социальных практик в её медицинский дискурс: от жёсткого регулирования поведения больных, проведения карантинных мероприятий до правил захоронения умерших. Этому в немалой степени содействовало появление именно в этот период европейской истории статистических и демографических методов учета, позволявших фиксировать качественные и количественные характеристики общества, в том числе уровень заболеваемости, количество живых и умерших, впоследствии – уровень образования с уровнем жизни, и зависимость от них заболеваемости и смертности. Нетрудно заметить, что именно первая половина XIX века подарила нам не только социологию как специализированную науку об обществе, но и её предшественницу – «социальную физику» – которая в версии А. Кетле оказалась ещё и предшественницей социальной статистики.

В последующем к списку «аппаратов безопасности» стали добавляться мероприятия, которые предполагали повышение экономического благополучия населения, и в конечном итоге всё это должно было завершаться формированием практик «заботы о себе», общие принципы которых мы уже кратко оговорили в начале статьи.

В итоге упомянутый уже нами выше Негри так позволил себе сформулировать предмет биополитики (при этом ему, наверное, принадлежит самое известное и обширное определение, ни в чём,

впрочем, не отклоняющееся от фукольдиданского первоисточника): «Термин «биополитика» указывает на то, каким образом в определенный период власть трансформируется, так что в итоге она может управлять не только индивидами посредством некоторого количества дисциплинарных процедур, но и совокупностью живых вещей, конституированных как «населения». Биополитика... берет под контроль управление здоровьем, гигиеной, питанием, рождаемостью, сексуальностью и т.д.», и представляет собой с тех пор «своего рода великую «социальную медицину», которая, как способ управлять жизнью, получает применение в контроле над населением» [4].

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Изд-во «Европа», 2011.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х тт. – Том 1. – М.: Политиздат, 1985.
3. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 1871.
4. Негри А. Труд множества и ткань биополитики // Полит.ру [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/>
5. Олескин А.В. Биополитика. Курс лекций. – М.: Научный мир, 2007.
6. Роднова Н.Н. Биополитика – рождение и развитие // Вестник РФО. – 2011. – №3 (59). – С. 76-77.
7. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум-Касталь, 1996.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. – М.: Праксис, 2005.
9. Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975-1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 12. Психология	3
Ахмадуллина Эльмира Тимербулатовна, Кадиров Н.Н.	
Спортивная психология в формировании личности спортсмена-гиревика	3
Богданова Елена Александровна	
Проект «Жить в мире с собой и с другими» по формированию толерантного поведения подростков	8
Габрелян Элина Юрьевна, Толстова Анна Александровна	
Особенности структурирования внутреннего опыта у больных наркоманией	14
Давыдова Ирина Сергеевна, Полонская Галина Михайловна	
Литературно-психологический клуб «уЛИТка в КАйФЕ»	17
Данченко Светлана Анатольевна, Корецкая Т.В.	
Черты личности людей посещающих магический салон	25
Ельникова Оксана Евгеньевна	
Социально-психологические факторы способствующие развитию болезни	29
Ермаченко Н.А., Серeda В.А., Боровиков С.Ю.	
Организация работы по профилактике зависимостей и пропаганде здорового образа жизни в Уральском государственном педагогическом университете	37
Ким Константин Анатольевич	
Особенности интеллекта ребенка младшего школьного возраста с моторной алалией	45
Ким Лариса Мироновна	
Методические аспекты групповой работы в поздний постинсультный период	53
Лежнева Марианна Владимировна	
Проблема социализации личности	69
Сорокина Лариса Игоревна	
Исследование взаимосвязи уровня сформированности зрительного гнозиса у детей старшего дошкольного возраста и их успешности в овладении образовательной программой дошкольного учреждения	72
Сюзева Анастасия Валерьевна, Федосина Светлана Сергеевна	
Структурные и содержательные различия социальных представлений о мобильном телефоне в различных возрастных группах пользователей	82

Чистяков Игорь Викторович, Шаймярдянов Илдар Касымович	94
Один из способов измерения психомоторных качеств индивидуума в применении к осуществлению профессиональной деятельности в области музыки	
Раздел 13. Социология и социальная работа	99
Бистяйкина Динара Асымовна, Луконина Татьяна Юрьевна	99
Особенности реализации Республиканской целевой программы «Доступная среда» В Республике Мордовия	
Волколупова Юлия Михайловна	104
Жить в согласии с маленьким взрослым	
Гущеварова Светлана Юрьевна	107
Система социально-педагогической работы с дисфункциональной семьей в условиях коррекционного развития и воспитания	
Игнатова Елена Валерьевна	111
Теоретические аспекты понятия неблагополучной семьи	
Суворова Наталия Валерьевна	115
Роль мультипликации в процессах социализации ребенка	
Фидченко Алина Аркадьевна	122
Социальная реклама в современном мире	
Раздел 14. Философия и культурология	125
Андреева Ольга Владимировна	125
Виртуальный опыт экранной повседневности	
Баранов Станислав Трофимович	129
Гуманизм – миф или реальность	
Безуглая Руслана Ивановна	136
Гламур у об'єктивно-суб'єктивних оцінках соціуму (історико-культурологічний аспект)	
Бойко Марина Михайловна	145
Телесность как основа философско-антропологического теоретизирования	
Буяновский Александр Константинович, Вторушин Андрей Андреевич, Степанов Анатолий Николаевич	150
Нравственно-эстетический императив социума	
Донникова Ирина Анатольевна	154
Культура как феномен постнеклассической науки	
Ивашкин Иван Федорович	168
Методологическая культура как фактор формирования мировоззрения личности	

Канищев Дмитрий Вадимович	173
К.С. Льюис как проповедник христианской мысли	
Ковалева Лариса Сергеевна	175
Массовый человек как категория в классике и современных исследованиях России и зарубежной науки	
Лашек Ирина Венедиктовна	179
Направление развития культуры учительства в контексте проблем модернизации образования в современной России	
Наумов Олег Дмитриевич	181
Полемика Э. Гуссерля и Л. Шестова, или Что же такое философия?	
Никитич Людмила Алексеевна	187
Роль языка в науке	
Русавская Валентина Андреевна	201
Теоретичний дискурс гостинності	
Сизова Наталья Николаевна	212
Актуальность гуманитаризации в рамках ноосферной модели образования	
Степанов Анатолий Николаевич, Кукушкина Татьяна Владимировна, Суворова Дарья Александровна	215
Социально – эстетическая ценность ойкоса	
Степанов Анатолий Николаевич, Логанова Мария Евгеньевна	218
Свобода и ответственность как эстетические ценности	
Степанов Анатолий Николаевич, Рюмина Валентина Павловна, Зиятдинов Руслан Ильдарович	221
Эстетическая fascinación как аксиологическая ценность	
Сухоруков Дмитрий Сергеевич	225
Религия как государственная идеология на примере современной России	
Толмачева Ирина Анатольевна	229
Морально-воспитательный потенциал благотворительности	
Чиликина Наталия Александровна	234
Мова тіла у творчих пошуках хореографів сучасності	
Опарин Александр Юрьевич	243
Фукольдiанский концепт биополитики	

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции
(28 октября 2013 г.)

В 5 томах

**Том 5. Философия и культурология; социология и
социальная работа; психология**

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка К.В. Патырбаевой
Дизайн обложки А.В. Патырбаевой

Подписано в печать 30.10.2013.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,65.
Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО «Учебный центр «Информатика»»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15